

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ—1955

Редакционная коллегия:

*С. Н. Бибиков (ответственный редактор), Е. В. Максимов, Л. М. Славин,
М. Я. Рудинский, И. Г. Шовкопляс.*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 г.

И. Г. ШОВКОПЛЯС

Среди полевых исследований Института археологии важное место занимает изучение палеолитических памятников. Для этого организована специальная Палеолитическая экспедиция. В 1954 г. экспедицией изучались палеолитические памятники на территории Черкасской, Киевской и Черниговской областей.

Весной 1954 г. учителя средней школы с. Большой Буромки, Чернобаевского района, Черкасской области, Г. Я. Рутковский и Л. Г. Брудзь сообщили в Институт археологии о находках костей древних животных на территории села. Произведенное обследование места находок показало, что в слое песка, гравия и гальки на невысокой надпойменной террасе правого берега р. Сулы встречаются обработанные кремни и кости ископаемых животных. Кремневые изделия, более десяти экземпляров, представляют собой грубо обработанные орудия маловыраженных форм. На некоторых кремнях прослеживаются рабочие края и заметны следы преднамеренной обивки. Небольшое количество находок не дает еще возможности определить характер кремневого инвентаря из этого местонахождения. Кости животных принадлежат мамонту, шерстистому носорогу, зубру, дикой лошади и гигантскому оленю¹.

Обработанные кремни и кости животных залегают вместе и составляют единый комплекс. П. П. Ефименко, по просьбе автора ознакомившись с кремневыми изделиями, считает возможным датировать этот комплекс позднеашельским временем. Характер фауны подтверждает такую датировку местонахождения. Найденные, обнаруженные в с. Большой Буромке, переотложены со своего первоначального места, находившегося, вероятно, на более высоком участке правого берега Сулы. Переотложение находок произошло давно, так как сейчас они находятся на глубине более 4 м от современной поверхности. Но расстояние между местами первоначального и современного их находления, по всей видимости, не очень значительное, так как находки, хотя и залегают в слое вместе с галькой, мало окатаны. Возможно, при дальнейшем исследовании удастся найти место, откуда находки были снесены в долину реки.

Местонахождение в с. Большой Буромке, а также нижний горизонт крымской пещерной стоянки Киник-Коба, являются пока единственными раннепалеолитическими памятниками на территории Украины, на которых каменные орудия труда обнаружены вместе с костями животных. Вместе с тем, Большая Буромка — наиболее северный палеолитический памятник на территории Украины.

¹ Проф. И. Г. Пидопличко определен геологический возраст костей (коллогеновым методом) — не моложе мустерьской эпохи. Им же определены и все фаунистические остатки, обнаруженные во время работ палеолитической экспедиции 1954 г.

мятник этого времени, свидетельствующий о широком расселении первобытных людей на территории Украины уже в позднеашельскую эпоху.

Летом 1954 г. в южной части г. Фастова, Киевской области, во время строительства здания средней школы № 1 обнаружены остатки позднепалеолитической стоянки, которая затем была раскопана экспедицией¹.

Стоянка находилась на второй надпойменной террасе правого берега балки Сажавки, выходящей на расстоянии 1,5—2 км от места

стоянки в долину р. Унавы. Высота места стоянки над уровнем дна балки около 12 м. Культурные остатки стоянки залегали в слое светлобурого лессовидного суглинка на глубине 3,2 м от уровня современной поверхности. Раскопками вскрыта площадь около 220 м² (рис. 1).

В юго-западной части раскопанной площади стоянки были открыты остатки крупного ($3,8 \times 2,3$ м), овального в плане кострища. Углисто-зольный слой его имел толщину в среднем 10—12 см.

Разборка кострища показала различие в характере содержимого в разных частях кострища. В южной части преобладали костные угли и обожженные кости, а в центральной и северной частях — зола от пережженных костей. Это дает основание полагать, что южная и северная части кострища имели различное назначение, а именно: южная его

Рис. 1. Фастовская стоянка. План раскопа.
1—3—точки по обработке кремня.

часть была очагом, где горел огонь, а в центральную и северную части выгребалась зола из этого очага. Это предположение подтверждается и тем, что в южной части кострища кости мамонта, лежавшие на углях, обожжены снизу, хотя по каким-то причинам и не сгорели полностью; это свидетельствует о том, что они были положены на огонь очага. И наоборот, обломки костей и бивней мамонта, находившиеся в слое золы в центральной и северной частях кострища, никаких следов действия огня не имели.

К юго-востоку от кострища, рядом с его очажной частью находилось небольшое скопление костей мамонта, служивших, видимо, запасом топлива. Следует отметить, что на стоянке обнаружены только костные угли.

¹ Наличие стоянки установил мл. научный сотрудник Ин-та зоологии АН УССР А. Л. Путь. В работе экспедиции, кроме автора и А. Л. Путя, приняли участие зав. отделом первобытного общества Киевского исторического музея Т. Г. Мовша и ст. лаборант Института археологии Б. Я. Брязкун. Установление геологических условий стоянки произведено И. Г. Пидопличко.

К северу от кострища (рис. 1) вблизи от него находилось два небольших, округлых в плане (менее 1,0 м в диаметре) скопления расщепленного кремня («точкі»). Третий такой точок находился к югу от кострища. В каждом из точек при разборке обнаружено по несколько сот кремней — от галек и желваков-заготовок до мельчайших чешуйек, свидетельствующих об обработке кремня и изготовлении орудий на самой стоянке. Эта работа проводилась недалеко от горевшего очага.

В северо-восточной части раскопа (рис. 1) открыт второй аналогичный производственно-бытовой комплекс. Кострище имело такую же овальную в плане форму (размером 4,6×2,2) и подобное расположение углей в южной части и золы — в северной (рис. 2). Как и в первом

Рис. 2. Фастовская стоянка. Кострище № 2.

случае, около южной, очажной части кострища находились кости мамонта, также, видимо, служившие топливным материалом. Часть этих костей, лежащих на углях, в значительной степени обуглена снизу.

К северо-востоку от кострища находился точок расщепленных кремней, аналогичный описанным выше (рис. 1, 2). Два других подобных точка находились к северу и северо-западу от кострища. Один из них частично, а другой (№ 3) полностью перекрывались слоем золы из пережженных костей. Это дает основание полагать, что они образовались еще до того, как на их место была перемещена зора из южной, очажной части кострища. Эти места обработки кремня и здесь первоначально находились вблизи от горевшего очага. Подобные точки известны также на Чулатовской I¹, Добраничевской и других стоянках.

Разборка кострищ показала, что никаких специально устроенных углублений под ними не было. Очаги были сооружены непосредственно на древней дневной поверхности. Сколько-нибудь выраженных следов жилищ вокруг скоплений угля и золы также не обнаружено. Вероятно, что жилищ здесь и не было, а очаги были открытыми и использовались людьми, возможно, в течение только одного летнего сезона, когда здесь существовал охотничий лагерь.

На остальной раскопанной части стоянки найдены лишь отдельные кости животных и одиночные расщепленные кремни (рис. 1, 2). Собран-

¹ І. Г. Підоплічко, Палеолітична стоянка Чулатів I, «Палеоліт і неоліт України», т. I, К., 1949, стр. 136.

ные на стоянке кости принадлежали одиннадцати особям мамонта и пяти особям лошади. Преобладали кости молодых особей этих животных. Это свидетельствует о преднамеренности отбора объектов охоты обитателями стоянки. Подобное преобладание молодых особей среди убитых животных наблюдается на многих позднепалеолитических стоянках УССР, например в Гонцах, Добраничевке, Мезине и др. Несколько обломков бивней мамонта имеют следы искусственного расщепления.

Среди углей и золы и особенно на точках собрано более 1700 расщепленных кремней. Сыревым материалом служил галечниковый кремень; реже встречаются обломки плитчатого кремня. Большая часть кремня светло-желтого и черного цвета; реже встречается крупнозернистый белый кремень. Основную массу расщепленного кремня составляют различ-

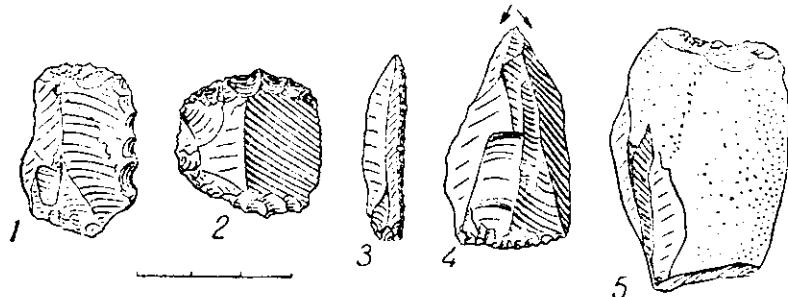

Рис. 3. Фаистовская стоянка. Изделия из кремня.

ные по размерам отщепы и нуклевидные обломки; реже встречаются нуклеусы и пластинки. Многие обработанные кремни — нуклеусы, пластинки, отщепы и орудия — имеют следы желвачной корки заготовок (рис. 3—5). Законченных изделий из кремня собрано всего 8, из них скребков — 6 (рис. 3, 1, 2, 5). Резец всего один, срединный (рис. 3—4). Из других изделий из кремня следует отметить один экземпляр хорошо обработанной небольшой ножевидной пластинки с затупленной спинкой (типа острия — рис. 3, 3). Кремневые изделия, нуклеусы, отщепы и пластины — небольших размеров (до 5 см), что вызвано небольшими размерами галек и плиток кремня, служивших сырьевым материалом.

Фаистовскую стоянку следует рассматривать как кратковременное сезонное стойбище палеолитических охотников на мамонта и дикую лошадь, водившихся в то время в долине р. Унавы и ее притоков. Свидетельством кратковременности обитания людей на ней является отсутствие остатков жилищ, обычных для более прочно обжитых, долговременных поселений этой поры.

По типу кремневых орудий труда (двойные скребки и пластинки с затупленной спинкой типа острия), составу фауны, наличию скоплений костного угля и золы Фаистовская стоянка имеет общие черты с такими позднепалеолитическими стоянками, как Гонцы, Боршево II, Добраничевка, Бугорок, Чулатов II, и другими, относящимися ко второй половине мадленской эпохи¹.

Открытие Фаистовской позднепалеолитической стоянки имеет важное научное значение как свидетельство довольно раннего заселения первобытным человеком северной, полесской части Правобережья Украи-

¹ І. Ф. Левицький, Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1949, стр. 197—248; П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II, МИА, № 2, М.—Л., 1941, стр. 37—60; П. П. Ефименко и П. И. Борисковский, Палеолитическая стоянка Боршево II, МИА, № 39, М.—Л., 1953, стр. 56—110; И. Г. Шовкопляс, Добраничевская палеолитическая стоянка, КСИИМК, вып. 59; М. Д. Гвоздовер, Палеолитическая стоянка Бугорок, КСИИМК, вып. XV, стр. 92—97; Д. З. Галич, Палеолітична стоянка Чулатів II, Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1949, стр. 149—153.

ской ССР. До сих пор на этой территории были известны лишь Кирилловская стоянка в Киеве¹, Довгиничская стоянка² близ г. Овруч и группа стоянок у с. Городок³ возле г. Ровно. Список этих немногих полесских позднепалеолитических стоянок пополнился теперь еще одним новым памятником.

Осенью 1954 г. экспедицией были проведены раскопки на известной позднепалеолитической стоянке в с. Мезин, Понорницкого района, Черниговской области. Открытая в 1908 г., Мезинская стоянка раскапывалась затем в 1909, 1912—1914, 1916, 1930 и 1932 гг. различными исследователями и учреждениями. В результате этих раскопок была вскрыта площадь около 300 м², на которой собрано огромное количество разнообразных находок, принесших Мезинской стоянке мировую известность.

Однако многие стороны этого выдающегося памятника остались еще слабо изученными. Особенно это касается характера крупных скоплений костей животных и очагов.

Такое положение ставило задачу проведения новых раскопок в Мезине.

Раскопками 1954 г.⁴ в двух местах стоянки была вскрыта площадь около 200 м².

На западном участке (раскоп II), находящемся вблизи от места раскопов 1909 и 1914 гг.⁵, вскрыта площадь около 90 м². На ней обнаружены крупные скопления костей мамонта и других животных, обработанные кремни, морские раковины, следы охры и другие находки, составлявшие ярко выраженный культурный слой.

Культурный слой на площади раскопа залегает в светлом лессовидном суглинке и имеет заметное понижение в юго-восточном и южном направлениях, отвечающих склонам древней поверхности местности, на которой находилась стоянка (рис. 4). Глубина залегания культурных остатков в среднем более 3 м; она увеличивается по мере расширения раскопа в северном направлении, где достигает почти 5 м.

Основным объектом исследования в 1954 г. было крупное скопление костей мамонта на кв. 24—26, 30—33 и 39—40 (рис. 5—6), округлое в плане, со средним диаметром свыше 5 м. Расчистка показала, что скопление представляет собой остатки какого-то сложного комплекса, сооруженного по определенному плану.

По краю скопления находятся самые крупные кости мамонта, в основном черепа, а также тазовые кости. Они плотно примыкают друг к другу, образуя сплошное ограждение, служившее, видимо, основанием для стен какого-то сооружения. Такое ограждение окружает скопление почти со всех сторон, кроме юго-восточной части, по краю которого крупные кости отсутствуют на расстоянии около 1 м (кв. 31, 38 — рис. 5, 6). В состав ограждения входит 15 черепов мамонта и несколько крупных тазовых костей этого животного. Все черепа лобовыми сторонами лежали вниз, а нижние челюсти в них отсутствуют. Как правило, носовыми частями черепа обращены внутрь скопления; реже и лишь в отдельных случаях они лежат в обратном направлении. В некоторых случаях они находились почти в вертикальном положении. Тазовые кости положены по длине ограждения.

¹ В. В. Хвойко, Каменный век Среднего Приднепровья, Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 736—754; П. И. Борисковский, Кирилловская палеолитическая стоянка, МИА, № 2, 1941, стр. 86—103.

² І. Левицький, Довгиницька палеолітична стація, «Антропологія», т. III, К., 1930, стр. 153—160.

³ П. И. Борисковский, Палеолит Украины, МИА, № 40, М.—Л., 1953, стр. 145—147.

⁴ В раскопках приняли участие И. Г. Пидопличко, Т. Г. Мовша, В. А. Топачевский (Институт зоологии АН УССР), И. В. Линка и Б. Я. Брязкун.

⁵ См. план раскопов в указ. книге П. И. Борисковского, стр. 241.

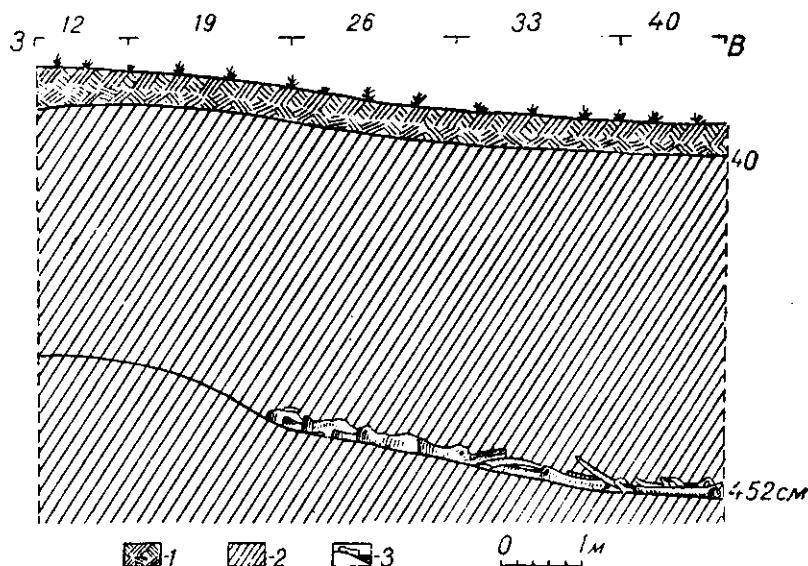

Рис. 4. Мезинская стоянка. Разрез по линии квадратов 12, 19, 26, 33 и 40. 1 — почва; 2 — лессовидный суглинок; 3 — культурный слой.

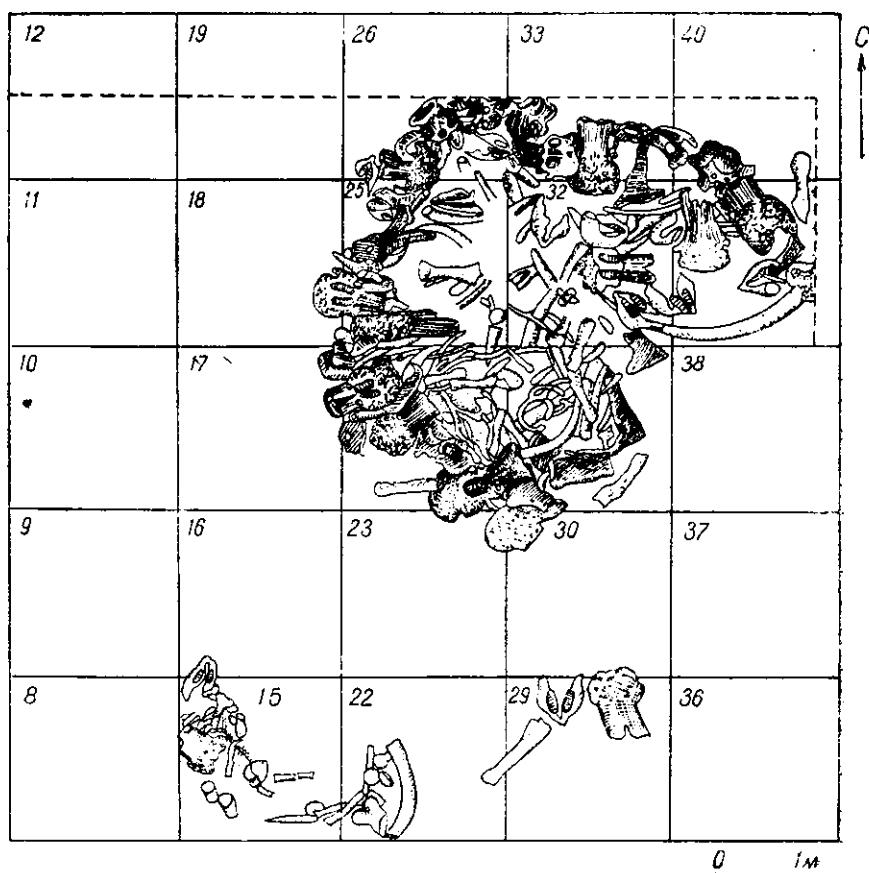

Рис. 5. Мезинская стоянка. План раскопа II.

Внутренняя часть скопления (внутри ограждения) состоит главным образом из длинных и мелких костей мамонта (конечности, бивни, нижние челюсти) и рогов северного оленя. Кости внутренней части скопления лежат без определенной системы и производят впечатление простого завала.

В силу неблагоприятных условий погоды исследование настоящего скопления не было доведено до конца в 1954 г. и будет продолжено в будущем. Однако то, что уже изучено, дает основание сделать некоторые, возможно, еще только предварительные, выводы о характере данного скопления.

Настоящее скопление костей следует рассматривать как остатки какого-то сооружения, в конструкцию которого входили кости мамонта и других животных. Оно представляется нам в виде шалашевидной постройки. Крупные кости, окружающие скопление снаружи по его окружности, вероятно, следует рассматривать как нижнюю часть стен сооружения. Кровля такого сооружения, будучи наклонной, вероятно, укреплялась при помощи положенных на нее костей конечностей, бивней и других небольших костей мамонта, а также рогов северного оленя. После того как сооружение разрушилось, его наклонная кровля вместе со всеми находившимися на ней костями образовала тот завал внутри ограждения из крупных костей, который открыт при раскопках.

Разрыв во внешнем ограждении из крупных костей (кв. 31 и 39 — рис. 5, 6) нам представляется как вход в сооружение, обращенный к юго-востоку — в сторону долины Десны. Ближайшей аналогией настоящему сооружению по устройству и использованию черепов мамонта могут служить сооружения Елисеевской¹, Супоневской², Гонцовской³ и Добраничевской⁴ позднепалеолитических стоянок.

Остатки таких сооружений в виде скоплений костей и очагов в Мезине встречались и во время предыдущих раскопок⁵, но были разобраны по частям. Известно только, что все наиболее важные находки из раскопок Мезинской стоянки находились именно в подобных скоплениях. Возможно, они находились в таких же сооружениях, вероятнее всего, жилища.

Остатки сооружения раскрыты еще не до конца. Отдельные крупные кости ограждения (рис. 5, 6) уходят под стенки не раскопанной еще площади.

Жилище, судя по расположению костей его внешнего ограждения, находилось на несколько наклонной древней поверхности в небольшом понижении, но имело наземный характер, подобно жилищам Гонцовской и Добраничевской стоянок.

На площади квадратов 15, 22, 29 и 30 этого же раскопа обнаружены разрушенные остатки другого комплекса (рис. 5). В его состав входят три черепа мамонта, лежащие своими носовыми частями наружу.

¹ К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной обл. в 1936 г. С. А., т. V, 1940, стр. 288—289.

² І. Г. Шовкопляс. Житла Супоневської палеолітичної стоянки, Археологія. т. V, К., 1950, стр. 133—134.

³ Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 рр., Записки Українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, вип. I, Полтава, 1919, стр. 68—70; В. А. Городцов, Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г., Труды Отделения археологии РАННОН, т. I, М., 1926, стр. 33; І. Ф. Левицький, Гонцівська палеолітична стоянка, «Палеоліт і неоліт України», т. I, К., 1949, стр. 231—232.

⁴ І. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка, КСИИМК, вип. 59, стр. 33—35.

⁵ П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953, стр. 462.

Что-либо определенное сказать о характере и первоначальной конструкции находившегося здесь древнего сооружения по оставшимся от него находкам в настоящее время не представляется возможным.

Внутри обоих скоплений и на большей части раскопанной площади встречались многочисленные кремни, раздробленные кости животных,

Рис. 6. Мезинская стоянка. Скопление костей на месте жилища.

кусочки охры и охристые пятна, обычные для культурного слоя большинства позднепалеолитических памятников.

Особым видом находок являются просверленные морские раковины, вероятно, употреблявшиеся в качестве украшений (рис. 7). Наиболее

значительную по численности группу находок составляют расщепленные кремни на различных стадиях их обработки, а также законченные изделия из них (свыше 200 экземпляров). Наибольшую серию кремневых изделий составляют резцы, среди которых преобладают так называемые боковые (рис. 8.—4, 5), часто двойные (рис. 8.—1, 2), меньшие угловых (рис. 8.—6) и срединных (рис. 8.—3). Все они изготовлены на крупных правильных ножевидных пластинках размером от 3—7 и более см.

Рис. 7. Мезинская стоянка. Морские раковины. 1—2 — из раскопа I (*Cerithium vulgatum*): 3—4 — из раскопа II (*Nassa reticulata*).

На втором месте по количеству находок стоят скребки. Преобладают среди них округлые концевые скребки на широких и крупных пластинках, очень редко на отщепах (рис. 8.—7, 8, 12). Выемчатых скребков немногого. Они большей частью изготовлены на крупных массивных пластинках или отщепах (рис. 8.—13). Значительную серию кремневых изделий составляют правильные ножевидные пластинки с наискось затупленными (скошенными) концами. Большей частью они довольно крупных размеров (рис. 8.—15). Проколок встречено мало. Изготовлены они на

довольно крупных (до 6—7 см) пластинах (рис. 8,—14) и относятся к типу концевых.

Из мелких изделий обнаружено всего лишь три миниатюрные пластиночки с затупленным краем (рис. 8,—9, 10, 11).

Отличительной особенностью кремневого инвентаря являются сравнительно большие размеры орудий и небольшое количество их форм. Это

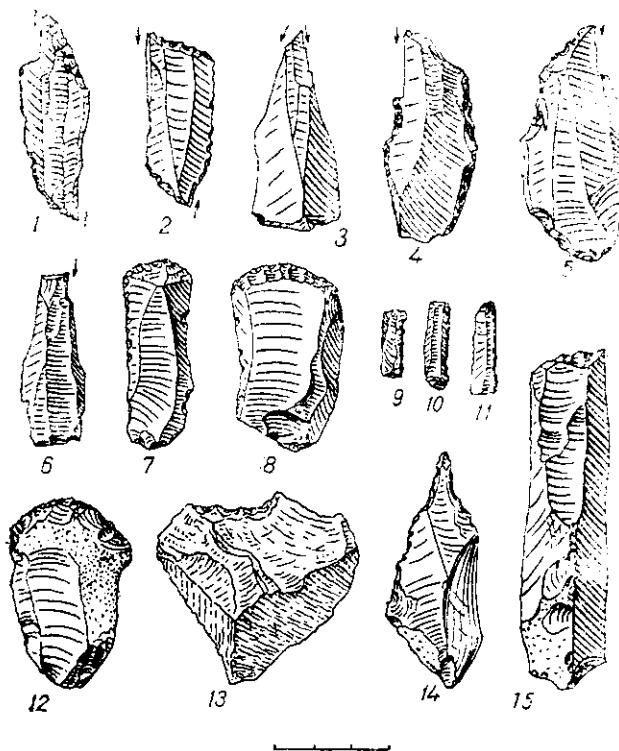

Рис. 8. Мезинская стоянка. Изделия из кремня.

довольно резко отличает его от кремневого инвентаря из раскопок 1909 г., характеризующегося чрезвычайным разнообразием и специализацией форм и небольшими размерами орудий¹.

Разнообразный и специализированный кремневый инвентарь, таким образом, был характерным лишь для отдельных комплексов стоянки, в частности для раскопанного П. П. Ефименко в 1909 г., но далеко не является преобладающим и ведущим для Мезинской стоянки в целом. Различие в характере кремневых изделий, добывших раскопками 1909 и 1954 гг., тем более интересно и важно, что комплексы, из которых они происходят, находились по соседству.

На Мезинской стоянке культурный слой на различных участках имеет и другие отличительные особенности.

Так, на юго-восточном участке (раскоп I), примыкавшем непосредственно к раскопам М. Я. Рудинского 1930 и 1932 гг.², в отличие от западного, нет крупных скоплений костей животных. Культурный слой состоит из множества мелких обломков костей мамонта, костей мелких

¹ П. П. Ефименко, Каменные орудия палеолитической стоянки с. Мезин, Черниговской губ., Ежегодник Русского Антропологического общества, т. IV, 1912, стр. 6 и др.

² М. Я. Рудинский, Отчет о раскопках в Мезине в 1930 и 1932 гг. Рукопись находится в Институте археологии.

животных (главным образом песцов)¹, расщепленных кремней, морских раковин и кусочков охры. В отдельных местах этого раскопа (он вскрыт на площади около 110 м²) встречались следы угля и золы, являющиеся, видимо, остатками древних открытых очагов. Следов каких-либо сооружений здесь обнаружить не удалось. Кремневый инвентарь раскопа I аналогичен инвентарю, собранному на площади раскопа II, описанному выше.

Особый интерес представляет находка нескольких скелетов песцов, кости которых лежат в анатомическом порядке. Они свидетельствуют о том, что этих животных убивали ради меха, но в пищу не употребляли.

По южному краю раскопа культурный слой прекращается и отмечает границу стоянки, проходившую вдоль русла древней балки.

И здесь обнаружены просверленные морские раковины, служившие, вероятно, украшениями (бусами). Заслуживает внимания преобладание различных видов в составе раковин, собранных в 1954 г. на разных раскопах стоянки: *Cerithium vulgatum* на раскопе I и *Nassa reticulata* на раскопе II.

Все это указывает на то, что Мезинская стоянка нуждается в дальнейшем глубоком изучении. Не исключена возможность, что Мезинская стоянка имеет разновременные комплексы.

Новые раскопки в Мезине и углубленная проработка уже добытых материалов дадут возможность более полно и всесторонне изучить этот выдающийся памятник нашей древности.

¹ С раскопанной площади в 1954 г. собрано около 1,5 т костей животных, принадлежащих 109 особям: песца (42), мамонта (24), сев. оленя (16), волка (14), лошади (8), россомахи (2) и др.

РАСКОПКИ МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 1954 г.

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ, М. Л. МАКАРЕВИЧ, О. Г. ШАПОШНИКОВА

В 1952—1953 гг. в с. Михайловке, Нововоронцовского района, Херсонской области, производились раскопки поселения времени ранней бронзы. Исследования этого памятника представляют большой интерес в связи с тем, что на нижнем Поднепровье это — первое поселение со шнуровой керамикой. Отличительной его особенностью являлись строительные остатки: монументальная стена, сложенная из плит известняка (на первом поселении), остатки жилых сооружений на каменных основаниях (на втором). Многочисленные вещественные находки — обломки костей в основном домашних животных, каменные, кремневые и костяные орудия труда, остатки керамики, медные орудия — раскрывают быт и культуру этого поселения. Большой интерес представляли наблюдения над стратиграфией. Они дали возможность установить наличие трех культурных слоев: верхнего, относящегося к ямному времени, и двух других, характеризующих предъямный этап в развитии степного населения¹.

Раскопки дали ценный материал для изучения состояния развития производительных сил степного населения на этом этапе его исторического развития и открыли возможность для пересмотра возникшего за последние годы ошибочного представления о низком уровне хозяйственного развития племен древнеямной культуры.

В 1954 г. раскопки производились на первом и втором поселениях; одновременно велись разведки в их окрестностях².

На первом поселении работы были сосредоточены в северной части, где в 1954 г. вскрыта площадь до 2000 м². За два года работ вскрыта площадь до 4000 м².

Здесь обнаружены очень значительные остатки каменных строительных сооружений, указывающие на единый план в строительстве поселка. В этом отношении северная часть поселения может быть противопоставлена исследованной в 1952—1953 гг. юго-восточной, где, если не считать жилища нижнего культурного слоя, хронологически предшествующего началу строительства из камня, соответствующего среднему культурному слою, остатков строительных сооружений совсем не обнаружено. Глинобитные же очаги, скопления золы и многочисленные вещественные находки, среди которых значительное место занимают орудия труда, свидетельствуют о хозяйственном использовании этой части поселения.

В северной части поселения обнаружены три монументальные стены. Одна из них, открытая в 1953 г., длиною до 40 м, шла с севера-запада

¹ См. статьи Е. Ф. Лагодовской, М. Л. Макаревича, О. Г. Шапошниковой в КСИА, вып. 4, К., 1955.

² В 1954 г. на первом поселении раскопки производились Е. Ф. Лагодовской, М. Л. Макаревичем, Н. П. Амбургер, на втором — О. Г. Шапошниковой, могильник на землях с. Гавриловки исследовала В. П. Митрофанова.

на юго-восток, как бы разрезая поселение (рис. 1). В 1954 г. открыта другая стена длиной, если учесть ее разрушенные участки, в 56 м, которая шла под прямым углом к первой стене и охватывала холм с севера и запада. Сохранность стены на различных ее участках неодинаковая. В лучше сохранившихся местах можно было проследить приемы строительства стены. Она сложена на растворе грунта из больших колотых плит известняка, положенных в один камень. Внизу обычно клались более

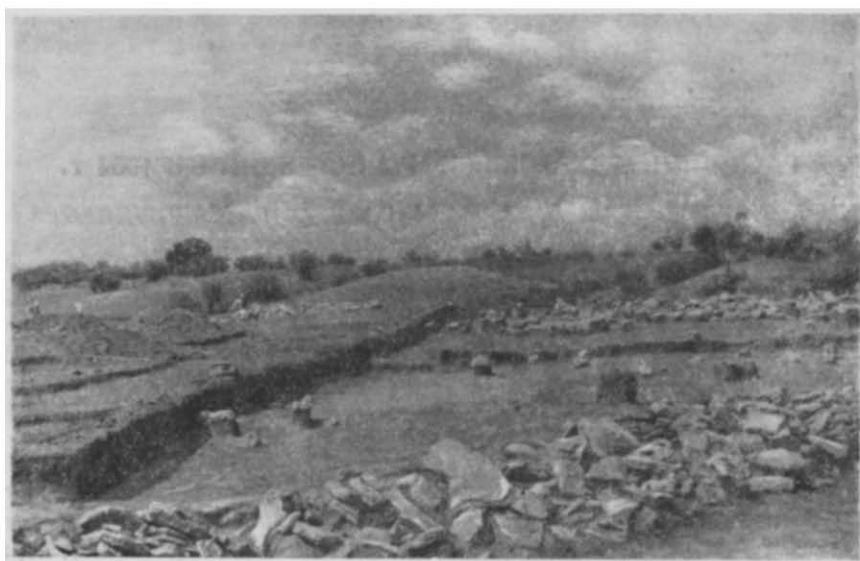

Рис. 1. Северная часть первого Михайловского поселения. На переднем плане часть стены № 1.

массивные плиты. В кладке хорошо прослеживалась горизонтальность рядов и перевязка швов. Горизонтально положенные плиты чередовались с вертикальными.

Техника кладки стены № 2 напоминала кладку стены № 1.

Стена № 3 обнаружена со стороны оврага, в северо-западной части бугра. Она укрепляла его северо-западный склон, который, очевидно, сильно размывался водами, стекавшими с плато. Эта стена сложена из больших кусков известняка, уложенных по почти отвесному склону оврага в ряд один над другим. Высота стены достигала 3 м. В наиболее глубокой части оврага стена имела 10 рядов кладки. Очевидно, стена задерживала размывание оврага.

По мнению А. Н. Карасева и Ю. С. Асеева, производивших обследование строительных остатков Михайловского поселения, указанные стены были подпорными. Они укрепляли террасу, на которой находились жилые сооружения.

В этой части поселения обнаружены также остатки жилых сооружений, которые располагались вдоль северного и западного края холма. В северной части остатки небольших наземных каменных сооружений располагались неширокой полосой вдоль склона.

В северо-западной части поселения одно из жилых сооружений было пристроено к внутренней стороне стены № 2. От него сохранился небольшой фрагмент в два камня с узким проемом для входа.

В этой же части поселения обнаружен развал камней, разборка которого дала возможность проследить два строительных горизонта. От верхнего горизонта сохранились два жилых сооружения, построенных уже после того, как рухнула стена № 2. Одно сооружение представляло

собой остатки двухкамерного жилища со стенами в два камня. Другое было большим трехкамерным жилищем, имевшим общую восточную стенку длиной 10 м, от которой отходили простенки длиной 1,7—2 м. Далее к югу к ним примыкали две небольшие кладки в один камень, принадлежавшие, очевидно, каким-то пристройкам легкого типа.

По западному склону оврага к стене № 2 примыкал другой большой строительный развал, который в текущем году разобран не был (рис. 2).

Рис. 2. Первое Михайловское поселение. На переднем плане развал каменных сооружений на западном склоне.

Рис. 3. Первое Михайловское поселение. Закладка.

Он свидетельствует о том, что за пределами подпорных стен также находились жилые сооружения. О том же свидетельствует и небольшой участок поселения, вскрытый к северу, за оврагом, на склоне плато.

В северной части поселения, огражденной стенами № 1 и 2, обнаружена выкладка из камней. Она состояла из одной большой плиты, окруженной небольшими тщательно подобранными плитками. Сооружение имело форму овала и по внешнему виду создавало впечатление закладки над погребением. Под камнями, однако, ничего не было обнаружено. Назначение выкладки остается неясным. Возможно, это сооружение являлось культовым или связанным с какими-то общественными функциями (рис. 3).

В культурном слое северной части поселения обнаружено погребение в скрученном положении, без инвентаря, которое можно отнести к группе

погребений времени Михайловского поселения. Наряду с ними, встречались и более поздние погребения. От погребений времени Михайловского поселения они отличались могильными сооружениями: одно погребение обнаружено под закладкой, другое — в каменном ящике, перекрытом за-кладкой. Погребения сопровождались керамикой времени поздней бронзы.

Рис. 4. Первое Михайловское поселение. Деталь подпорной стены.

На втором поселении в 1954 г. работы велись в западной и южной частях бугра, где была вскрыта площадь в 1150 м^2 . В результате двухлетних работ поселение это общей площадью до 2000 м^2 было вскрыто полностью.

В 1954 г. в западной части второго поселения были открыты два жилых комплекса, представлявших собой прямоугольные в плане многокамерные дома, аналогичные открытые в 1953 г. Отличительной особен-

ностью их является то обстоятельство, что они пристроены в стене-ограде, окружавшей поселение с запада. От стены сохранились отдельные

Рис. 5. Второе Михайловское поселение. Фрагмент стены с котлованом. На переднем плане куча раковин.

части длиной от 6 до 18 м. Стена имела очень своеобразную технику кладки. Если для сооружения жилищ выбирались ровные площадки, то для постройки стены вырывался небольшой котлован глубиной до 0,35 м. Очень строго соблюдался принцип выведения подошвы по горизонтали. В котлован были помещены большие камни, поставленные на ребро, которые для прочности подклинивались. Эти камни, как правило, чере-

дуются с камнями,ложенными плашмя. В системе кладки наблюдается перевязка швов. Высота стены от основания 0,80 м (рис. 5). За стеной выявлены отбросы — три кучи раковин. Более совершенная техника кладки на втором поселении дала основание А. Н. Карасеву и Ю. С. Асееву высказать предположение о ее несколько более позднем (по сравнению с первым поселением) возрасте.

За стеной, в юго-западной части поселения, были обнаружены пять погребений. Как свидетельствует их инвентарь, погребения несомненно относятся ко времени Михайловского поселения.

Погребенные лежали на спине, с согнутыми в коленях и отклоненными в сторону ногами; головы обращены на запад или северо-запад: руки или слегка согнуты в локтях и кистями лежат на тазе или вытянуты вдоль туловища. При одном лишь погребении был выявлен небольшой черноглиняный остродонный сосуд с несколько уплощенным дном. Венчик у него короткий, отогнут наружу. В глине примесь мелко толченой раковины, поверхность сосуда слажена, следы слаживания видны как с внутренней, так и внешней стороны. Веревочный орнамент расположен в верхней части сосуда. Этот сосуд близок к керамике древнеямного типа (рис. 6). Хорошо сохранившийся скелет погребения № 2 (рис. 7) дает возможность произвести необходимые антропометрические измерения и его реконструкцию.

Для разрешения вопроса о размерах поселения проведены широкие разведочные работы по его периферии.

Траншеи, заложенные на соседних высотах, обнаружили культурный слой на бугре, расположенному к востоку от первого поселения; на высотах же, находящихся к западу от второго поселения, культурный слой не прослеживался. Таким образом, древнее поселение раскинулось на трех соседних холмах, разделенных между собою оврагами. Общая площадь поселений превышает 1 га.

Третий бугор отличается по своим топографическим данным от первых двух. Он значительно ниже, а окружающие его овраги более мелкие и неширокие. Исследование третьего бугра ограничилось только одной разведочной траншеей. Она дала возможность установить, что культурный слой здесь беднее, чем на первом и втором поселениях.

Вещественный материал в основном имеет тот же характер, что и в предшествующие годы. Подтвердилось впечатление, что нижний культурный слой Михайловского поселения был сосредоточен только на юго-восточном склоне первого поселения. Расцвет поселения, расширение его площади на соседние высоты, строительные сооружения, наиболее мощный культурный слой был связан со вторым периодом жизни Ми-

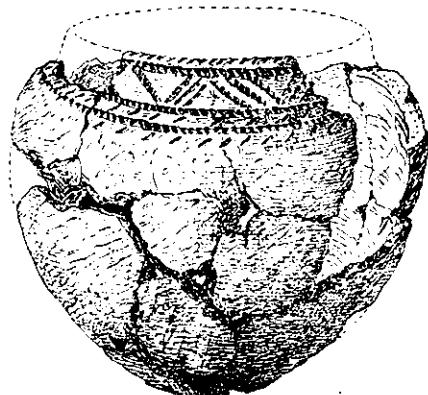

Рис. 6. Второе Михайловское поселение. Сосуд из погребения № 4.

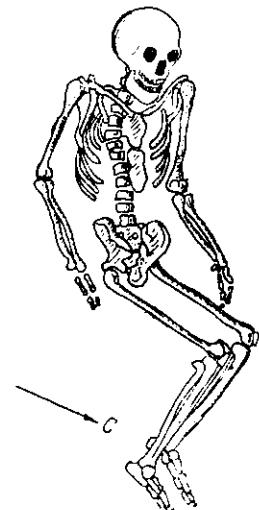

Рис. 7. Второе Михайловское поселение. Погребение № 2.

хайловского поселения. Верхний культурный слой ямного времени отвечает его заключительному этапу.

Разведочные работы, проведенные в окрестностях Михайловского поселения, привели к открытию на высотах, расположенных ниже по течению р. Подпольной, могильника с каменными закладками. Могильник находится на расстоянии 0,5 км от Михайловского поселения, на землях с. Гавриловки. Здесь были раскопаны три погребения под закладками. В неглубоких ямах обнаружены погребения в вытянутом положении, головой на северо-запад и юго-запад. Инвентарь — железный нож, обломок железного предмета и сосуд, очевидно, сарматского времени.

ПОСЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ у с. БАБИНО

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

Работами новостроеких экспедиций Института археологии АН УССР у с. Бабино, Верхне-Рогачикского района, Херсонской области, исследовано несколько поселений различных периодов бронзового века. На одном из них, обнаруженному у восточного конца села и обозначенном как «Бабин IV», в 1954 г. были проведены раскопки под руководством автора.

Поселение расположено на небольшом мысу первой надпойменной террасы левого берега Днепра. Раскоп (общая площадь 400 м²) заложен на северной оконечности мыса, у края берегового обрыва. Культурные наслаждения местами достигали мощности до 2 м. До глубины 0,5—0,7 м культурный слой оказался сильно нарушенным современными постройками. Ниже, на глубину до 1,2—1,5 м, залегал темный гумусированный слой с остатками времени раннего средневековья (обломки византийских амфор, некоторое количество местной лепной керамики). Встречались также отдельные обломки амфор позднеэллинистической и римской поры. Нижний слой (глубина 1,5—2 м), отличающийся коричневатым оттенком почвы, содержал культурные остатки времени поздней бронзы, описание которых посвящено это сообщение.

На северном участке раскопа, примыкающем непосредственно к береговому обрыву, в основании культурного слоя, на глубине 1,7—2,3 м были открыты остатки большой землянки, углубленной на 0,6 м в глинистый делювий, подстилающий здесь культурный слой. Северо-восточная часть землянки обрывается береговой кручей, что не дало возможности выяснить размеры и форму жилища. Сохранившаяся часть углубления землянки имела неправильную четырехугольную форму, вытянутую по линии юго-запад — северо-восток, поперечник ее у юго-западного конца — 6 м, сохранившаяся длина — 6,5 м. Дно землянки покато понижалось от краев к центру. Наблюдалась также общая покатость дна в направлении берегового склона (с юго-востока на северо-запад). На полу из утрамбованной коричневатой земли в юго-восточной части землянки обнаружены две вымостки из камней небольшого размера. Форма вымосток неправильная, поперечник 1—1,2 м. С юго-восточной стороны к землянке примыкал уступ шириной 4 м, покато понижающийся на 0,25 м к краю землянки. На площади уступа и землянки находились три круглые хозяйственные ямы диаметром 0,7—1 м, глубиной до 0,4 м с вертикальными стенками (рис. 1).

В юго-восточной части пол землянки оказался прорезанным ямой сарматского погребения. За исключением инвентаря этого погребения, вещевой материал из землянки и упомянутых выше хозяйственных ям составлял одновременный культурный комплекс, характерный для поселений времени поздней бронзы на нижнем Днепре.

Одним из распространенных видов посуды являются довольно крупные открытые горшки со слабо выпуклыми плечиками и мягко отогнутым

венчиком. Среди них выделяются горшки с укороченной (табл. I, 13) и более высокой шейкой (табл. I, 4). Характерным украшением первых является налепной валик, помещаемый на шейке, под венчиком или на месте соединения шейки и плеча (табл. I, 13, 21, 22), обычно расчлененный пальцево-ногтевыми вдавлиниами или косыми насечками. Гладкий валик встречается реже. Два обломка оказались украшенными налепным валиком с опускающимися концами (табл. I, 14, 20).

Одним из характерных признаков горшков второго типа является небольшой уступ на месте соединения шейки и плеча. Многие из них

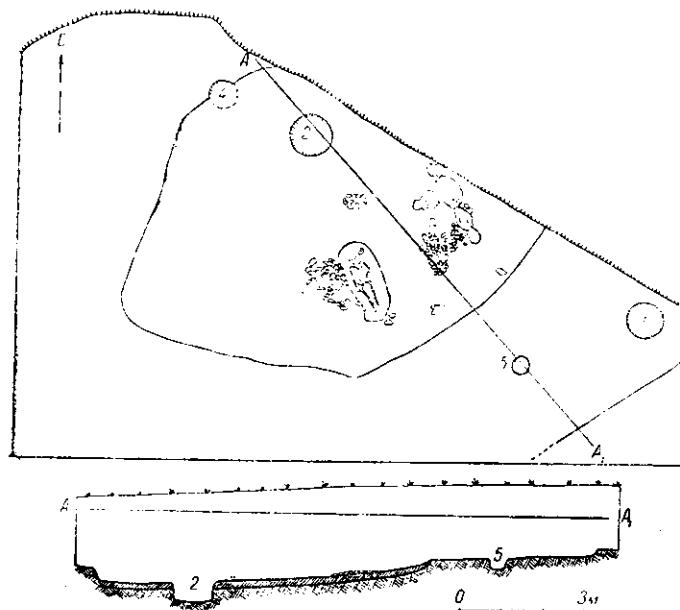

Рис. 1. План и разрез землянки времени поздней бронзы на поселении у с. Бабино.

неорнаментированы, некоторые украшены по плечу горизонтальным рядом оттисков пальца, небольшими овальными углублениями, косыми прочерченными полосами (табл. I, 19, 23). Четыре обломка (один из них в землянке) украшены оттисками шнура (табл. I, 18).

В обработке поверхности встречается типичный для периода бронзы прием заглаживания гребенчатым штампом (табл. I, 4), однако большинство сосудов имеет гладкую поверхность. Техническая примесь — мелкий песок, шамот и толченая раковина. Обжиг хороший.

Часто встречались обломки широких открытых мисок с прямыми воронкообразно расширяющимися стенками (табл. I, 2). Край венчика обычно слегка утолщен и украшен крупными пальцевыми вмятинами. Встречаются обломки плоских крышек, иногда с петельчатыми ручками в центре (табл. I, 3), на некоторых из них наблюдаются отпечатки мякоти и зерен проса. Имеются обломки овальных жаровен с вертикальным бортиком, со следами повторного действия огня (табл. I, 5). Некоторые сосуды (среди них одна из описанных выше мисок) имели залощенную поверхность. К числу их относится большой узкогорлый кувшин. Удалось склеить кувшин с высокой цилиндрической шейкой, шаровидным корпусом с небольшим плоским дном (табл. I, 1). На плече имеется орнамент из налепных шишечек. Поверхность сосуда серая, слегка приложенная. Несколько обломков принадлежит небольшим широким «кубкам» с прямой шейкой и округленным корпусом (табл. I, 15). На

одном из таких сосудов нанесен резной геометрический орнамент (табл. I, 12).

Из других находок следует отметить бронзовый двулезвийный нож, найденный в яме № 2 (табл. I, 7), и сильно сточенный однолезвийный

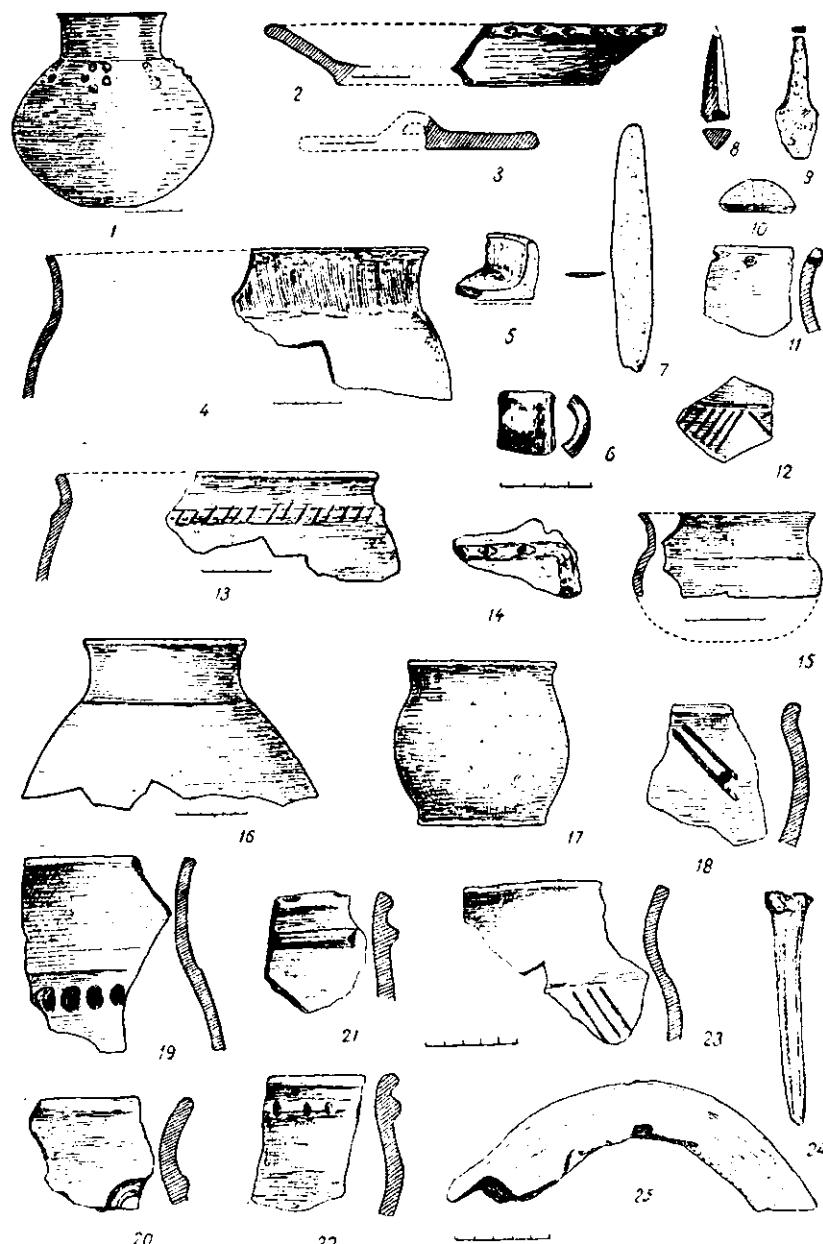

Табл. I. Предметы, найденные на поселении времени поздней бронзы у с. Бабино.

нож с черенком, происходящий из культурного слоя (табл. I, 9), пряслице из кости животного (табл. I, 10), несколько костяных шильев (табл. I, 24), скобель из ребра животного, тупик из челюсти (табл. I, 25), трехгранная костяная стрелка (табл. I, 8). В заполнении ям найдено несколько круглых гранитных терочников, каменный пест, метательные

камни из ракушечного известняка. У дна жилища обнаружены два кремневых отщепа со следами дополнительной ретуши. Жирная залощенность острого режущего рабочего края указывает на то, что они использовались в качестве вкладышей для серпов.

Керамика поселения имеет многочисленные аналогии среди других памятников времени поздней бронзы на нижнем Днепре, таких, как поселения у Белозерского лимана¹, у с. Нижний Рогачик (раскопки Д. Т. Бerezовца 1951 г.), у с. Змеевки (раскопки А. В. Буракова 1952—1953 гг.), у с. Ушкалки (раскопки Д. Я. Телегина 1954 г.).

Принадлежность этого поселения к так называемой срубной культуре, в ее позднейшем проявлении, выявленной для Северного Причерноморья О. А. Граковой², не вызывает никаких сомнений. Характерно, что в инвентаре позднесрубных погребений, в курганах Приазовья и нижнего Днепра нередко встречаются сосуды, ближайшим образом напоминающие керамику поселения Бабино IV.

На поселении Бабино IV, как и на поселении у Белозерского лимана, встречаются горшки баночной формы, а также сосуды, заглаженные гребенчатой штриховкой. Однако здесь наблюдается дальнейший отход от основных форм и мотивов орнаментации керамики срубного типа. Веревочный орнамент встречается редко, почти отсутствуют сосуды, относящиеся к группе «острореберных». Значительно чаще, чем в Белозерском поселении, встречаются обломки лощеной посуды, в том числе таких характерных для предскифского времени форм, как черпаки с ленточными ручками и сосуды с шаровидным корпусом. Встречаются отдельные обломки сосудов с резным геометрическим орнаментом. Все это дает основание предполагать, что поселение Бабино IV несколько позднее поселения у Белозерского лимана. В то же время явственные черты связи с керамикой времени бронзы, наличие бронзовых и костяных орудий, отсутствие ряда характерных форм предскифской керамики прочно увязывают это поселение с памятниками, относящимися еще к поре бронзового века, а не начала железа. На этом основании считаем возможным отнести это поселение к началу 1 тысячелетия до н. э., скорее всего к концу IX—VIII в. до н. э.

¹ О. А. Гракова, Поселение бронзового века на Белозерском лимане КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76 и сл.

² О. А. Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 153 и сл.

СКИФСКИЙ КУРГАН в г. МЕЛИТОПОЛЕ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

В конце мая 1954 г. в Академии наук УССР стало известно, что в г. Мелитополе, Запорожской области, работниками местного музея Ф. Ф. Куликом и Н. И. Волчковой во время предварительных раскопок кургана найдены древние золотые вещи.

Курган расположен в северо-западной части города («Юровка»), к западу от железнодорожной станции, где еще лет 50 тому назад в степи была большая группа курганов. Курган находился на приусадебных участках по Первомайской улице № 43 и 45. По словам старожилов, он первоначально имел не менее 6 м высоты и около 40 м в диаметре. К временем осмотра насыпь кургана находилась уже в полуразрушенном состоянии. От нее сохранился только останец в центральной части высотой в 3 м и примыкающая к нему западная пола, занятая садом. Остальная часть насыпи срыта и почти сплошь застроена.

При рытье колодца в северной части насыпи кургана, расположенной по Первомайской улице № 43, на глубине 70—80 см ниже поверхности погребенной почвы было обнаружено подземелье, образовавшееся над местом обвалившейся катакомбы.

Подземелье вытянуто по длине с севера на юг. В нем можно было, немного согнувшись, пройти несколько метров. Работники местного музея, обратившие внимание на это подземелье, прорыли в заполнивших его завалах узкий ход. Продвигаясь от центра ямы колодца в юго-западном направлении под свод подземелья, на глубине 5,5 м ниже поверхности, они достигли рыхлых завалов, содержащих большое количество различных находок. Здесь на площади около метра, при глубине 60 см, они собрали до 200 золотых украшений греческой работы — пуговицы, треугольные бляшки с зернью, бляшки с женской и мужской головками, подвески, длинную ленту от головного убора, а также бронзовые ромбические бляшки и несколько железных гвоздей. Здесь же была найдена нижняя челюсть человека.

Вещи из катакомбы датировались IV в. до н. э. Набор вещей и условия, при которых они обнаружены, позволили предположить, что они происходят из богатой скифской могилы, нарушенной кладоискателями.

В раскопках кургана, проведенных Институтом археологии с 1 июня по 10 сентября 1954 г.¹, кроме автора, руководившего работами, участвовали научные сотрудники Института археологии Е. Ф. Покровская, Д. Т. Березовец, научный сотрудник Мелитопольского музея Н. И. Волчкова, горный инженер 1-го ранга Л. П. Забелин и старший лаборант М. В. Бузин.

¹ Автор выражает глубокую благодарность всем общественным организациям и учреждениям г. Мелитополя, оказавшим большую помощь при производстве трудных и сложных раскопок этого кургана.

После снятия насыпи кургана выяснилось, что под ней находились две катакомбы (рис. 1). Одна (обнаруженная ранее работниками местного музея) под северной полой кургана, а другая — в центре. В северной катакомбе оказались остатки богатого женского захоронения. Stratigraphically установлено, что над этой катакомбой была сооружена невысокая насыпь первоначального кургана, обведенного рвом. Насыпь

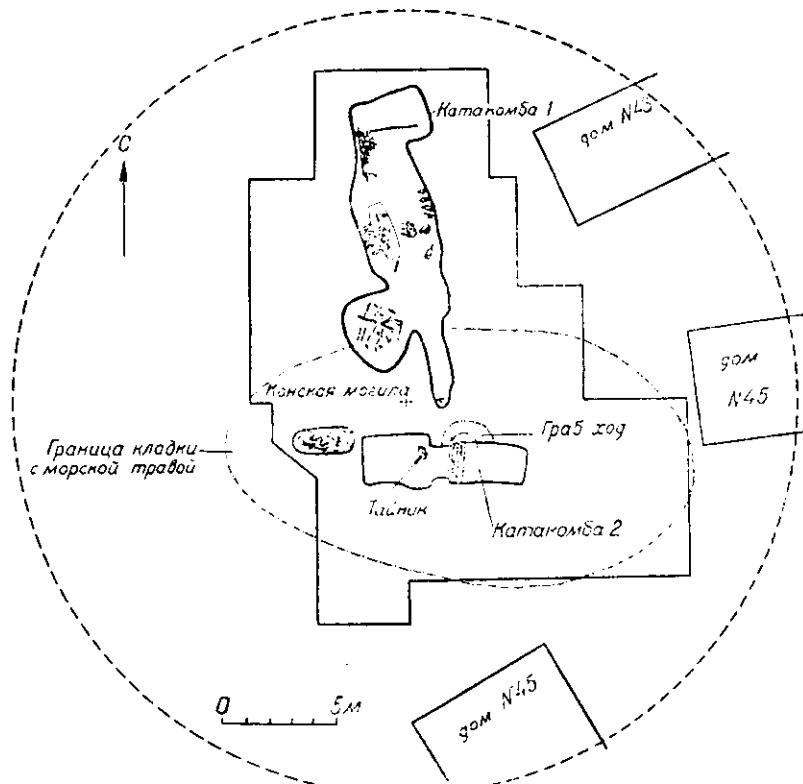

Рис. 1. План Мелитопольского кургана.

кургана была доведена до полных размеров при последующем захоронении в центральной катакомбе кургана, в которой обнаружены остатки мужского, также богатого, погребения. Рядом с центральной катакомбой, к западу от нее находилось захоронение двух коней.

Северная катакомба (№ 1). Входная яма представляла собой колодец 3,2 м длины, 2,3 м ширины и 6,5 м глубины от поверхности погребенной почвы. По длине она была ориентирована с запада на восток. Колодец заполнен на всю глубину землей и отдельными небольшими камнями, а его дно, спускающееся покато на 0,5 м в южную сторону к подземелью, покрывал тонкий слой чистого песка.

Катакомба представляла собой продолговатое подземелье, в общем вытянутое в южном направлении. Длина ее 10 м, ширина 2—3 м. Она состояла из длинного коридора, ведущего в круглую, обосoblенную в плане пещерку, находившуюся с правой стороны и являвшуюся, собственно, погребальной камерой. Дно катакомбы несколько повышалось к месту гробницы. Слева от нее в стене катакомбы был прорыт узкий низкий ход, заканчивающийся туником, длиною до 4 м. Катакомба, вырытая в твердом суглинке, обвалилась на всем протяжении. Просадка свода повлекла за собой обвал вышележащего слоя рыхлого песка и подложенных суглинков. Первоначальная высота катакомбы равнялась приблизительно

2 м. В южной части этого подземелья, в завалах над дном погребальной камеры, и были найдены упоминавшиеся уже золотые вещи. Грунт вдоль обвалившейся катакомбы дал глубокие трещины, грозившие оползнями. В виду этого раскопки осуществлялись сверху открытым способом с углублением несколькими уступами и применением бревенчатого крепления.

Разрушение катакомбы началось в глубокой древности. Это удалось установить по следам грабителей. Они проникли в нее через входной колодец тогда, когда дно ее было уже завалено землей на 1—1,5 м. Именно на этом горизонте среди завалов встречались брошенные или

Рис. 2. Золотые украшения из северной катакомбы.

утраченные грабителями вещи из числа тех, которые ими были добыты со дна катакомбы (чернолаковая пелика, золотые бляшки). К моменту ограбления скелет погребенной в ней знатной скифской женщины лежал глубоко под завалами. Чтобы добраться до скелета, грабители вынуждены были копать над ним землю. Орудия в темноте, в опасных условиях, они смогли, очевидно, выбрать из могилы лишь крупные ценные вещи, выбросив при этом с землею много мелких золотых украшений и других предметов (рис. 2—4). Земля с места захоронения отбрасывалась ими на более свободные от завалов места у стен. Различные группы украшений, в зависимости от того, откуда они были сброшены, встречались в определенных местах. Так, около юго-восточной стены гробницы попадались бляшки в виде головы кабана, ажурные бляшки с изображениями пантеры и льва, паука и пчелы; около западной стены концентрировались пронизи, золотые и простые бусы, там же встречались золотые бляшки с изображением головы Афины в львином шлеме, Горгоны, женской головки. В качестве отдельной находки, происходящей отсюда, можно упомянуть золотое височное кольцо (рис. 4, 5). Именно в этом пункте сотрудниками Мелитопольского музея были обнаружены упомянутые выше находки, среди которых мы называли ленту диадемы и нижнюю челюсть человека. Здесь найдены также почти все кости скелета, которые были срыты с первоначального места грабителями. Череп же оказался под восточной стеной погребальной камеры. В северной ее части, там, где она соединяется с коридором катакомбы, в большом количестве встречались золотые пуговицы и треугольные бляшки с зернью.

Грабители не полностью потревожили погребение, так что вся картина похоронного ритуала достаточно ясна. Погребенная лежала в середине погребальной камеры, в большом деревянном гробу, от которого сохранилась часть боковых рам и планки от перекрещивающихся пер-

плетов. От скелета на месте сохранились кости ног, правой стороны таза и отчасти правой стороны грудной клетки. Скелет пожилой женщины лежал вытянуто, на спине, головой ко входу (на северо-восток), ноги были широко раскинуты. Там, где должна была находиться голова, найдены обломки сосуда из белого металла и обломок крышки от красно-

Рис. 3. Золотые украшения из северной катакомбы.

фигурной леканы (рис. 5), остальные обломки которой оказались в завале у западной стены гробницы. Очевидно, около головы стояли различные сосуды. Здесь же найдены были целая и половина костяной подделки, похожей на булавку. Из числа золотых украшений, находившихся здесь, обращают внимание гладкие и рубчатые подвески (рис. 4, 2—4), повидимому, от головного убора. Основная масса таких же подвесок была найдена выше погребения в завале у западной стенки, примерно там, где был обнаружен и золотой венчик. На правой стороне грудной клетки встречались крупные розетки, крупные бляшки в виде пальметки, овальные бляшки с изображением лежащего льва, маленькие пуговки (рис. 3, 7, 11—13). К сожалению, все эти предметы, повидимому, были несколько смешены. Только в области поясницы в порядке лежал сплошной ряд бляшек в виде головы Афины в львином шлеме. Ряд таких же бляшек находился вправо от корпуса (чуть правее места руки), где он как бы окаймлял наружный край одеяния, бывшего на погребенной.

В наборе с ними, образуя часть ажурной сетки, находились золотые бусы, пронизи и мелкие розетки. Несколько ниже юсти правой руки, разбросанной грабителями, найден был золотой перстень с большим гладким щитком (рис. 4, 8). Вдоль ног золотых украшений не было. На ступнях обеих ног находились золотые бляшки, которые явно были нашиты на истлевшую уже обувь. На ступне левой ноги они сохранились полностью (37 штук) и располагаются правильными поперечными рядами (рис. 6).

Справа от колена обнаружено нарушенное скопление стеклянных и каменных бус (частично низками). Близ правого плеча стояла распавшаяся деревянная коробочка с костяной отделкой и позолоченной крышкой. В ней лежали мелкие бусы, подобные бисеру, бусы средних размеров и крупные глазчатые бусы и пронизи (рис. 7, 1—3, 5—7). Кроме обычных бус, в коробочке оказались большая подвеска в виде головки птицы из разноцветной пасты (рис. 7, 4), гемма со схематическим изображением летящей птицы с сидящей на ней фигуркой человека (рис. 7, 5) и зуб ископаемой акулы¹, повидимому, служивший амулетом. Вправо от места, где первоначально находилась голова погребенной, стояла вторая истлевшая деревянная коробочка с бусами из розового камня и несколькими железными иголками (?). Вдоль стен погребальной камеры находилось несколько железных крюков.

По скату от погребальной камеры к коридору были разбросаны, местами весьма густо, пуговицы и бляшки в виде треугольников с зернью; особенно много их было в земле непосредственно над полом. Здесь же встречались бляшки с изображением лежащего льва. В двух местах удалось отметить маленькие участки, где золотые бляшки сохранили свое первоначальное положение. В одном месте это были пуговицы, лежавшие правильными рядами, в другом —

Рис. 4. Украшения из северной катакомбы: 1 — серебряная (?) лунница; 2—4, 6—7, 9 — золотые украшения; 5 — золотая серьга, 8 — золотой перстень.

Рис. 5. Фрагментированная крышечка краснофигурной леканы из северной катакомбы.

¹ Все остеологические определения, приведенные в статье, даты И. Г. Пидопличко.

регулярно расположенные бляшки с изображением лежащего льва и треугольники с зерниью. На этом же скате найдена крупная серебряная (?) лунница, украшенная двумя фигурками львов (рис. 4, 1).

Рис. 6. Золотые украшения на ступне левой ноги знатной скифской женщины в северной катакомбе.

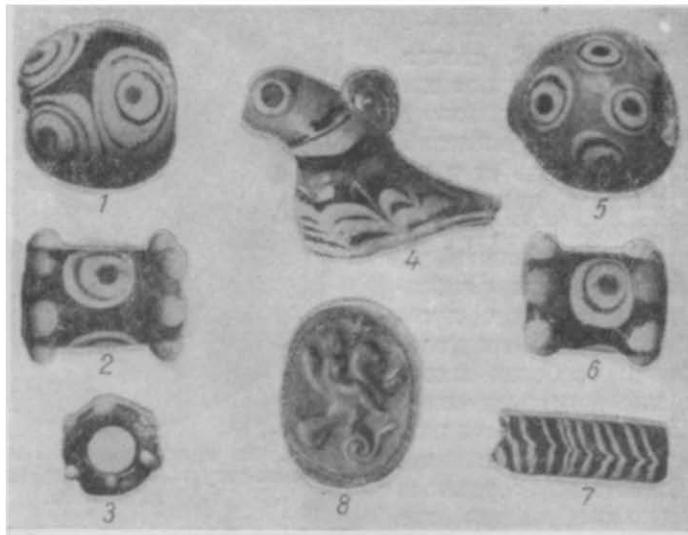

Рис. 7. Украшения из северной катакомбы. 1—7 — бусины; 8 — гемма.

Перед входом в узкую пещерку, заканчивающуюся тупиком, находились крупные бронзовые ромбические и круглые выпуклые бляшки от узды. Кругом и в начале «пещерки» в большом количестве встреча-

лись мелкие бляшки со схематическим изображением мужской головы, повернутой профилем вправо. В средней части пещерки попадались железные стерженьки, похожие на шилья. В самом конце пещерки на дне лежала кучка сильно разложившихся ребер крупного животного, поверх которых находился венчик от чернолаковой пелики. Сам сосуд (рис. 8) был найден перед входной ямой в катакомбу, в завале на 1,5 м выше ее дна, обозначая собой тот уровень, на котором действовали грабители. Следует отметить, что на стенах пещерки отчетливо сохранились следы кирок, которыми копалась катакомба. Менее ясно следы этих орудий были видны и в других местах. Кирка была двусторонняя: с одним концом в виде клевца и другим, имевшим вид тесла.

Несмотря на ограбление, при скелете, вокруг него и в завалах над ним найдено в общей сложности более $3\frac{1}{2}$ тысяч самых разнообразных золотых украшений. Очевидно, захоронение было весьма богатым. Оно не отличалось в этом отношении от некоторых важнейших скифских курганов степной полосы.

Весьма существенно, что коридор (рис. 9) оказался совершенно не затронутым грабителями. В нем у западной стены на длинном узком деревянном помосте лежал скелет рабыни, покрытый сверху цыновкой из камыша. Скелет находился в вытянутом положении, на спине, головой внутрь катакомбы, т. е. на юг. Сохранность скелета плохая, на месте черепа остался только тлен. У черепа лежали две бронзовые позолоченные серьги. На шее находилось простое ожерелье из разных бус, в том числе глазчатых, каменных, и кусков клешней краба. На правой руке находился замкнутый бронзовый браслет, с которым соединялась повязка, набранная из различных бус; на левой руке — два железных браслета и также повязка из бус. Кисти рук были конвульсивно сжаты, что, вероятно, свидетельствует о насильственном умерщвлении рабыни. Слева, у коленного сочленения, находились крупные костяные и несколько стеклянных бус, а также остатки какого-то небольшого сильно окисленного железного предмета. Справа от голени лежали два маленьких глиняных пряслица, коротенькая низка стеклянных бус и железные окисленные иголки (?). Вправо от ступней стояла маленькая, раздавленная землей красноглиняная греческая чашечка.

Вправо от гробовища, на котором лежал скелет рабыни, находилась куча деревянных, частью сильно истлевших плах, в которых можно угадать остатки ярма. У некоторых из них видны сквозные прямоугольные прорези, с введенными в них поперечинами, повидимому служившими «занозами». Поверх ярма лежала раздавленная греческая амфора. Пять таких же амфор стояли под западной стеной, слева от скелета рабыни. У восточной стены коридора обнаружено пять амфор, из которых четыре стояли, а одна лежала. Всего, таким образом, в катакомбе находилось 11 амфор. В ряду с амфорами у восточной стены стоял бронзовый котел средних размеров на высокой конической ножке, украшенный ребристым орнаментом и наполовину заполненный костями разрезанной на большие куски туши овцы.

Во входной яме, ближе к ее западной стене, находились сложенные в кучу железные части от повозки. Здесь были четыре шины от ступиц,

Рис. 8. Чернолаковая пелика из северной катакомбы.

много кусков шин от колес, какие-то массивные полосы, куски железа с болтами и крупные гвозди со шляпками. Поверх этой массы железа лежала полуистлевшая жердь, очевидно дышло повозки.

Центральная катакомба (№ 2). Второе погребальное сооружение, как отмечалось выше, находилось под центром кургана. Устройство верхней части его насыпи осталось неизвестным, ко времени раскопок она уже была срыта. Высота останца кургана над центром равнялась 3 м. На всю эту высоту центральная часть насыпи была выложена чередующимися прослойками морской травы со слоями из специально приготовленных земляных неформованных кирпичей, так называемых вальков (рис. 10). Морская трава (камка) залегала шестью прослойками, тол-

Рис. 9. Коридор северной катакомбы со скелетом рабыни и утварью.

шина каждой из них равнялась 10—15 см. Хорошо сохранившаяся трава в этих прослойках очень сильно спрессовывалась, и это создавало немалые трудности при производстве земляных работ. Не меньшей помехой явилась и твердая кладка из вальков, положенная слоями в 35—40 см толщины. В некоторых местах вальковая кладка отчетливо была видна и в разрезах. Весьма также интересно, что валики эти, по заключению почвоведа проф. Пархоменко, были изготовлены не из земли, добытой у кургана, а из болотной почвы в долине р. Мсточной, взятой на расстоянии не менее 4 км от него. Такой сплошной трудно проницаемой кладкой была заложена вся площадь над серединой кургана в виде овала длиной с востока на запад около 18 м и шириной 12 м. Через нее сверху к входной яме в катакомбу прошел широкий грабительский ход.

На уровне погребенной поверхности входная яма, почти круглая в плане, имела большой диаметр (5 м). Такую форму она присобрела в результате обвала верхних частей стен после ограбления могилы, когда яма в течение длительного времени оставалась открытой. Ниже, с глубины 3 м от поверхности и до самого дна она сохраняла первоначальную форму и размеры. Длина могильной ямы равнялась 3,75 м, ширина почти 2 м, глубина — 12 м от поверхности погребенной почвы.

По длине яма была ориентирована с запада на восток. Вокруг входной ямы был широкий мощный глинистый выкид. С глубины 3 м восточная половина ее до дна была завалена известняковыми камнями и плитами; с некоторой глубины вместе с камнями шла и морская трава. На стенках ямы отчетливо видны следы орудия, которыми она копалась — тесла со слегка закругленным лезвием. Дно входной ямы выложен

одним слоем земляных вальков. К западной стене у дна привалены известняковые плиты, а под ними в дне находилась узкая щель, служившая устьем в погребальную камеру. В нее опущены камни и большая плита, верхний край которых не выдавался над дном входной ямы. Заткнутая вальками и землей эта щель таким образом оказалась тщательно замаскированной. Все было сделано, чтобы затруднить доступ к погребальной камере (при раскопках она обнаружилась легко, так как произошел обвал западной стены, за которой сразу открывалась и вся камера).

В юго-восточном углу входной ямы на глубине 4 м от поверхности стояла скифская железная кирка с длинной втулкой и ромбическим в

Рис. 10. Разрез насыпи кургана над центральной катакомбой, сложенной из слоев морской травы и сырцовых вальков.

сечении длинным острием в виде клевеца. В завале, заполнившем входную яму, в большом количестве встречались разбитые кости от нескольких человеческих скелетов и кости животных, выброшенные грабителями из погребальной камеры.

На глубине 7 м ниже поверхности найдены крупные обломки железного панциря, пучок скопившихся от ржавчины железных трехгранных втульчатых наконечников стрел из разрушенного колчана и костяная ворворка, также занесенные грабителями из катакомбы.

Прокопав входную яму до дна, грабители не смогли найти замаскированный вход в погребальную камеру. На высоте 2 м от ее дна они сделали широкую пробоину в северной стене входного колодца. Прокопав ее в бок на один метр в материковой глине, они свернули в западную сторону и почти случайно, проломив сводчатый потолок катакомбы, проникли в нее через узкий ход сверху. На дне грабительской пробоины в северной стене были обнаружены куски разбитого железного панциря, кости животных и кусок рога оленя с ветвями, имевший следы обшивки.

За каменной плитой в щели, сделанной в дне входной ямы у ее западной стены, был короткий широкий проход в погребальную камеру, ориентированную по длине с запада на восток. Погребальная камера

имела прямоугольную форму; длина ее равнялась 3 м, ширина 2,5 м. Свод камеры, вырубленный в твердой материковой глине, обвалился, так что высоту ее нельзя было установить. Во всяком случае, она была менее 2 м. Дно катакомбы, под глиной, обвалившейся с потолка и стен, было покрыто илом, проникшим в нее через грабительский ход сверху из входной ямы.

После расчистки катакомбы от завалов и илистых насыщений открылась картина полного опустошения ее грабителями. Вся западная половина, где, вероятно, должно было находиться погребение, оказалась совершенно пустой, если не считать мельчайших золотых лепестков, найденных на дне. Ближе к середине южной стены на площадке в один квадратный метр встретились бронзовые наконечники стрел, овечий астрагалы, небольшие звенья железного панциря и отдельные кости. Остатки погребения были почти полностью сброшены в восточную часть погребальной камеры, к проходу из нее в входной колодец. Здесь находились разбросанные человеческие кости, среди которых были два черепа (один сильно истлевший), несколько костей коня, кости овцы, частично пропитанные окисью меди (очевидно, выброшенные из бронзового котла), череп овцы и небольшое количество различных предметов, среди которых заслуживают внимания: бронзовые и костяные наконечники стрел, овечий астрагалы, куски железного панциря и непонятных железных изделий, мелкие лепестки золота, маленькая электровая пуговица, ажурная металлическая (серебряная?) полоска со следами позолоты и крупная, ничем не украшенная смятая золотая пластинка полуovalной формы, пробитая по краю золотыми же гвоздиками. Последняя находка составляет часть обивки какого-то большого по размерам предмета, унесенного грабителями.

Поперек коридорчика из входной ямы в погребальную камеру лежал головой на север неполный костяк ребенка (7—8 лет); вешней при нем не было.

Около северо-восточного угла погребальной камеры на дне удалось заметить небольшое понижение. Здесь оказался тайник, имевший вид не-глубокой ямки, заложенный сверху глиной (длина 0,6, ширина 40, глубина 20 см). В нем лежал истлевший горит с отлично сохранившейся золотой обивкой, украшенной сценами из мифа об Ахиллесе (рис. 11), представляющей реплику обивок чертомлыцкого и ильинецкого горитов. Внутри горита находилось до 70 бронзовых наконечников стрел с остатками древков, украшенных поперечными красными полосками. Все стрелы лежали в горите наконечниками ко дну. Поверх горита, а частично и под ним лежали в различных положениях 50 золотых прямоугольных бляшек с изображениями богини, сидящей на троне с зеркалом в руке, перед которой стоит скиф с ритоном (рис. 12). Вдоль края горита над ним находился боевой пояс, сплошь обложенный узкими бронзовыми пластинками.

Могила с захоронениями коней. В 4 м к западу от входной ямы центральной катакомбы, на глиняном выкиде из нее, была открыта могила с захоронениями коней. Над этой ямой глубоко провисли ничем не нарушенные, перекрывавшие ее насыщения из морской травы и земляных вальков. Сравнительно узкая и глубокая яма имела овальную форму. Длина ее 2,5 м, ширина 1,3 м и глубина 1,5 м. Яма ориентирована с запада на восток. Сверху она покрыта (осевшими) известняковыми плитами,ложенными поперек.

На дне ямы находились скелеты двух коней, расположенных один над другим на левом боку головами на восток. На обоих конях сохранились остатки богато убранных бронзовыми украшениями уздечек и седел. Уздечный набор первого (считая сверху) коня состоял из железных

Рис. II. Золотая обивка горита из тайника центральной катакомбы.

строгих (с шипами) удил с длинными изогнутыми пасалиями, бронзового наносника в виде головы ушастого зверя с раскрытой пастью и целого ряда средних и более крупных круглых бронзовых блях и фигурно вырезанных пластинчатых нашечников с гравированными изображениями птиц, подобных нашечникам Чмырева кургана. От седла сохранились бронзовые и железные бляхи и различные пряжки. За затылком коня, примерно на месте начала челки, найдены большая глазчатая пастовая бусина и кость из ступни собаки с просверленным в ней отверстием, очевидно, служившая амулетом.

Убор второго коня, лежавшего на дне ямы, был несколько пышнее. Узда у него, как и у первого коня, имела строгие удила, с прямыми пасалиями, бронзовый наносник в виде головы ушастого зверя, ряд различных бронзовых круглых блях и фигурные нашечники с гравированными изображениями птиц. На грудь, как бы от седла, с обеих сторон спускались тонкие бронзовые обивки с тисненым растительным узором античной работы, к которым на железных цепочках были подвешены большие гладкие бронзовые лунницы, круглые бляхи и колокольчики с железными языгками. Интересно, что и у этого коня за затылком оказалось несколько своеобразных вещиц, а именно: кость от ступни собаки с отверстием, крутой орлиный коготь тоже с отверстием, два маленьких бронзовых колечка и раковина-ужовка.

* * *

*

Мелитопольский курган, как и большинство исследованных больших скифских курганов, имел две погребальные катакомбы. Существенно при этом отметить, что более ранним, первоначальным, в нем оказалось не центральное, как это обычно бывает, а боковое погребение.

Большой интерес боковой (северной) катакомбы заключается в ее сходстве с боковой же, неразграбленной катакомбой кургана Солохи, исследованного Н. И. Веселовским в 1912—1913 гг. близ с. Новой Знаменки, Херсонской области. Сходство это сильно сказывается в устройстве катакомб и в ряде основных черт погребального обряда. И в том и в другом случае входные ямы были сравнительно неглубокими, а сами катакомбы вырыты с соблюдением в общем одинаковой планировки. Как и в Солохе, первая катакомба состояла из длинного коридора, ведущего в собственно погребальную камеру, представлявшую собой несколько обособленную от него пещеру, и узкого, низкого хода, заканчивающегося тупиком (в Солохе заставленного амфорами). Знатная скифская женщина, погребенная в Мелитопольском кургане, в этой катакомбе, подобно скелету «царя» в Солохе, была положена в погребальной камере на возвышении головой к входу, а сопровождающий ее скелет рабыни лежал в коридоре головой во внутрь катакомбы (ср. положение скелета подростка в Солохе). И в Солохе и в первой катакомбе Мелитопольского кургана стояло 11 амфор (цифра эта, очевидно, не случайная, сакральное значение ее у скифов удачно установлено в недавнее время Б. Н. Гравковым).

Найденная золотая обивка горита в центральной катакомбе, аналогичной обивкам горитов из Чертомлыцкого и Ильинецкого курганов, имеет большое историко-культурное значение. Все вместе они свидетельствуют о том, что в одном из античных городов Северного Причерноморья

Рис. 12. Золотая бляшка с изображением богини на троне и скифа с ритоном из центральной катакомбы.

в IV в. до н. э. находилась ювелирная мастерская, в которой серийно выполнялись такого рода ценные художественные изделия. В обеих катакомбах оказалось множество золотых и бронзовых (возможно, также железных) предметов греческого ввоза. Они с особой силой подчеркивают ту исключительно важную роль, которую сыграла для развития ремесел и экономикиPontийских городов их наложенная торговля со斯基фами. Скифская знать, непомерно богатевшая за счет дани с подвластных им кочевых и оседлых племен, военных грабежей, приобретала золотые уборы и предметы роскоши, производившиеся в греческих мастерских.

Здесь же нужно отметить особое устройство насыпи кургана над центральной катакомбой, сложенной на значительной площади из чередующихся слоев морской травы и земляных вальков. Наличие морской травы в насыпях скифских курганов отмечалось в ранее произведенных раскопках, например, близ Шульговки в 12 км от г. Мелитополя. Применение вальковой кладки при сооружении курганов оставалось неизвестным. При невозможности изготовления вальков на степной возвышенности, ввиду отсутствия воды, их делали в пойме р. Молочной, приблизительно в 4—5 км от места потребления. Устройством такой кладки над центром, очевидно, преследовалась цель затруднить возможность проникновения в гробницу грабителей.

При погребении произведено много различных трудоёмких работ, выполненных, вероятно, в течение тех сорока дней, которые, по скифскому обычаю, отводились на прощание с умершим (Геродот, IV, 71, 72). Несколько человек копало глубокую катакомбу. Иные были заняты добычей камня в ближайшем естественном карьере у с. Шульговки, другая группа заготавливала земляные вальки на р. Молочной и еще одна группа работников должна была собрать много морской травы в 40 км, на азовском побережье. Кроме того, всю эту массу материалов необходимо было перевезти к месту похорон.

Несмотря на то, что Мелитопольский курган был ограблен в древности, он все же дал много новых данных, обогащающих скифскую археологию.

Подтверждается общее правило, что каждый большой скифский курган Северного Причерноморья, можно сказать почти независимо от его сохранности, по-своему существенен для понимания материальной культуры, социально-экономического строя, торговых и культурных связей, быта и религиозных верований скифов.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1954 г.

Л. М. СЛАВИН

Экспедиция 1954 г. проводила археологические работы как в самой Ольвии — на пяти участках Верхнего города, — так и на периферии¹.

Наиболее важные открытия сделаны в центральной части Верхнего города (участок *E*, руководители Е. И. Леви и А. Н. Карасев), на агоре — главной площади Ольвии VI—II в. до н. э.². Во время раскопок прошлых лет на восточной стороне агоры были открыты остатки общественных и торговых зданий, сооружений городского благоустройства (водоема). Однако самые интересные открытия сделаны в северной части агоры. Здесь находился район культовых построек — храмов, алтарей, жертвеников. В 1954 г. раскапывалась южная часть периптериального храма раннеэллинистического времени. Этот храм шириной около 17 м. Длину его восстановить вряд ли удастся, так как северная часть храма совершенно разрушена. От храма сохранились субструкции — земляные фундаменты неглубокого заложения из перемежающихся глинистых и зольных прослоек. Верхняя часть субструктур обложена плоскими камнями, поставленными на ребро, что впервые наблюдается в Ольвии. Ширина субструктур 0,75—1,30 м, глубина (высота) 0,60—0,70 м.

На агоре встречено много ям хозяйственного назначения. Одна яма больших размеров (глубина 2,45 м, диаметр 1,85 м) эллинистического времени сохранилась целиком. В момент ее обнаружения она была перекрыта плоской каменной крышкой, плотно пригнанной к каменной горловине.

В южной части этого же раскопа открыты остатки тротуаров, мощенных мелким камнем (шириной 6,05 м и 2,40 м), которые, повидимому, вели из центральной части агоры к культовым зданиям.

Выдающимся открытием 1954 г. является обнаружение на этом раскопе 15 эпиграфических памятников преимущественно IV и III в. до н. э. Вместе с открытыми в предшествующие годы коллекция древнегреческих надписей с агоры насчитывает сейчас свыше 30 единиц. Это главным образом проксении — декреты Совета и народа Ольвии о даровакии тех или иных льгот, чаще всего — права беспошлинного ввоза и вывоза товаров как в мирное, так и в военное время купцам других греческих городов, имевшим определенные заслуги перед ольвиополитами. Один из декретов, сохранившийся целиком, издан в честь двух братьев из Гераклеи Понтийской, другой — в честь афинянина, третий — в честь родосца (от него сохранился большой фрагмент с рельефным изображе-

¹ Ольвийская экспедиция была организована Институтом археологии Академии наук УССР совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР. В экспедиции также принимали участие сотрудники Эрмитажа, Киевский и Харьковский университеты. Начальник экспедиции — Л. М. Славин, начальники отрядов — А. В. Бураков, К. Э. Гриневич, Т. Н. Книпович и Л. М. Славин.

² Е. И. Леви, К вопросу об ольвийской агоре, СА, XXI, стр. 319 и сл.

нием мужского лица, сделанным над надписью), четвертый — в честь византийца и т. д. Часть надписей является декретами о награждении лиц, оказавших Ольвии услуги в трудные для города времена. Часть эпиграфических обломков происходит от посвятительных надписей¹.

Такого количества эпиграфических памятников, находимых на протяжении всего нескольких лет, при прежних раскопках Ольвии и всего Северного Причерноморья, никогда не встречалось. Можно полагать, что здесь, в северной части агоры, находилось то место центральной площади, где выставлялись для всеобщего сведения декреты ольвийских властей. Это предположение подтверждают остатки четырех каменных постаментов для декретов, открытые на этом участке.

Эти надписи имеют большое значение для изучения экономических связей, политической жизни, культуры Ольвии времени ее процветания.

Из других находок следует отметить: небольшую мраморную скульптуру Афродиты и головку Афродиты от другой скульптуры — обе IV в. до н. э., известняковую скульптуру женщины, сидящей на троне, местной работы позднего времени, ряд терракот — в частности Кибелы на троне с львенком, чернофигурные и чернолаковые килики и др.

В 1954 г. в верхнем слое первых веков нашей эры, перекрывшем агору, открыты остатки большой гончарной печи для обжига черепицы. Печь относится к I в. н. э., т. е. к тому времени, когда агора здесь уже не существовала, когда после гетского разгрома город находился в южной части прежней территории верхней Ольвии — так называемой цитадели. От печи, сложенной из сырцового кирпича, сохранилось нижнее, топочное отделение прямоугольной формы ($2,55 \times 1,85$ м). Устье топки (длиной 1,1, шириной 0,8 м) находилось на северной стороне печи. В центре топки сохранились два подпорных столба, поддерживавших решетку, отделявшую топку от обжигательной камеры. Это открытие еще раз подтверждает наблюдения последних лет, что в послегетскую эпоху производственные сооружения и хозяйствственные постройки часто размещались в Верхнем городе и за пределами цитадели.

Значительные работы велись в 1954 г. на участке АГД (руководитель Л. М. Славин), расположенному к северу от агоры. В северо-восточной части участка начато раскрытие богатого и красивого здания V—IV в. до н. э., сравнительно хорошо сохранившегося в своей подвальной части. Раскрытая часть представлена двумя монументальными подземельями помещениями, которые, повидимому, сообщались между собой. Размеры одного помещения $4,90 \times 4,45$ м, длина другого, несколько меньшего — 4,49 м (ширина установить еще не удалось). Высота сохранившихся каменных стен достигает 2,4 м. Стены обоих помещений сложены в обычной для ольвийских подвалов манере: к земляным бортам котлованов вплотную приставлены бутовые стороны стен, которые с внутренней стороны облицованы каменными плитами. Облицовочный камень очень хорошо отесан и тщательно уложен. В каждом ряду кладки, как правило, употреблен камень одинакового размера (рис. 1). В стенах меньшего подвального помещения в том месте, где должен был находиться потолок, прекрасно сохранились прямоугольные гнезда-ниши для укладки концов балок перекрытия (рис. 2). Выше сохранились нижние ряды стены наземного помещения, сложенные так же аккуратно, как и облицовка подвальных стен. По своей монументальности и сохранности эти строительные остатки не имеют себе равных среди жилых или общественных зданий Ольвии. Они напоминают постройки Афин, Милета и других больших городов Древней Греции. Совершенно очевидно, что они не только не могли иметь хозяйственного назначения, но вряд ли были предназначены и для жилья, настолько необычна для Ольвии эта по-

¹ Эти эпиграфические находки подготавливаются к изданию Е. И. Леви.

стройка. Полное раскрытие здания покажет, не являлось ли оно сооружением общественного назначения.

В 1954 г. закончено проводившееся предшествующими экспедициями раскрытие большого жилого дома, расположенного рядом с описанным выше зданием и существовавшего с конца IV до начала II в. до н. э.

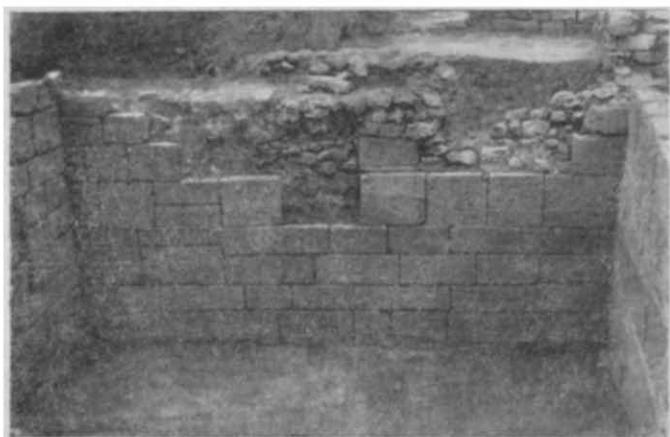

Рис. 1. Участок АГД. Восточная стена большого подвального помещения.

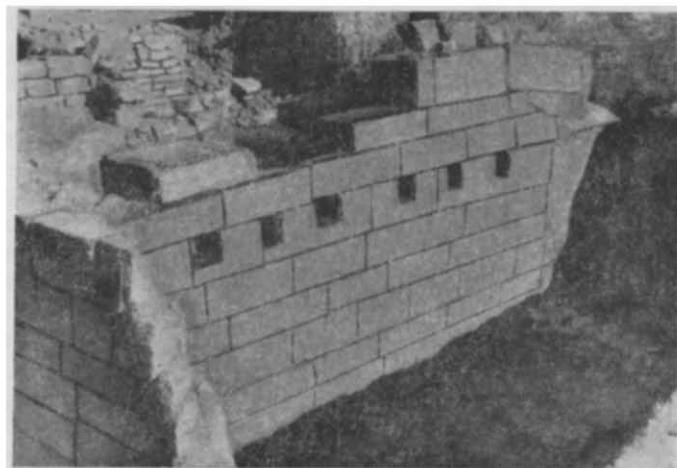

Рис. 2. Участок АГД. Стена с нишами малого подвального помещения.

Дом находился на перекрестке двух улиц: одна, мощеная каменными плитами, проходила с южной стороны, другая, открытая в 1954 г., мощеная обломками амфор, черепицы и костями животных, проходила с восточной стороны дома. Дом состоял из мощеного двора, занимавшего западную часть усадьбы и семи помещений, расположенных вдоль восточной стороны ее. В двух помещениях находились подвалы. Сравнительно хорошая сохранность строительных остатков позволила установить наличие трех строительных периодов, а также особенности планировки и устройства ольвийских жилых домов эллинистического времени.

Из находок этого участка следует назвать впервые встретившиеся в Ольвии терракотовую статуэтку женщины, кормящей грудью младенца (рис. 3), и актера в роли беременной женщины (рис. 4). Интересна терракотовая статуэтка скульптурного характера, изображающая нагого

юношу, возможно, являющаяся репликой скульптуры IV в. до н. э. Тут найдены и другие терракоты (рис. 5), немало фрагментов аттической краснофигурной и чернолаковой керамики V—IV в. до н. э., а также местной сероглиняной и красноглиняной посуды классического и эллинистического времени.

Интересные работы развернулись в 1954 г. в районе цитадели Ольвии. Раскопки велись здесь на трех участках.

В центральной части цитадели (участок Л, руководитель Р. И. Ветштейн) был открыт перекресток двух улиц первых веков нашей эры: главной улицы цитадели, шедшей с севера на юг, и боковой улицы, отходящей в восточном направлении — в сторону лимана. В месте соединения улиц их углы сделаны с закруглениями.

Рис. 3. Терракотовое изображение женщины, кормящей младенца.

На обеих улицах открыта вымостка, состоящая из обломков черепицы, амфор и других толстостенных сосудов, костей животных и щебня, уложенных на прочном известковом растворе. Нигде в другом месте Ольвии так хорошо не сохранилось перекрытие улицы этого типа, как здесь. В одном месте, у юго-восточного угла перекрестка, сохранилась часть тротуара, сложенного из мощных каменных плит прямоугольной формы. Эти плиты взяты из более ранней постройки. На боковой улице, идущей в сторону лимана, сохранился небольшой кювет для стока дождевой воды. Разрезы культурных слоев в этом месте показывают, что под верхним горизонтом вымостки III в. н. э. залегают горизонты II и I в. до н. э. В эти более ранние периоды для отвода в лиман дождевых вод устраивались не кюветы, а каменные водостоки обычного в Ольвии типа.

В 1954 г. открыта также часть дома II—III веков нашей эры (подвальное и ряд стен наземных помещений), находившегося с северо-восточной стороны перекрестка, выстроенного из широких (около 1 м) грубо сложенных каменных стен.

Из находок этого участка обращает на себя внимание большая (высотой в 25 см) терракотовая фигура орла с распростертыми крыльями, датируемая II в. н. э. Здесь найдено около полусотни железных гвоздей, много остатков амфор и местной посуды различных групп, лутерий, светильники, фрагменты стеклянных изделий и др.

В северо-западной части цитадели (участок М, руководитель Т. Н. Книпович) открыты строительные остатки ряда жилых домов и хозяйственных построек, относящихся ко всем периодам существования Ольвии — от VI в. до н. э. до V в. н. э. Поздние строительные остатки перекрывали более ранние. В результате здесь образовался мощный культурный слой мощностью в 4—5 м. Наибольший интерес представляют раскопавшиеся в 1954 г. жилые дома V—III в. до н. э. с подвалыми помещениями, предназначенными также для жилья. Выявлено небольшое коридорообразное помещение, в котором, вероятно, находился лестничный спуск в подвальный этаж. Среди находок обращают на себя внимание: фрагмент мраморной плиты с надписью в честь Аполлона Простата; обломок чернолакового сосуда, отделанного в виде намотки для ниток с выцарапанными на нем буквами греческого алфавита с изображениями головы человека, птицы, животного, повидимому, магического характера; значительное количество стрел и дельфинчиков; обломки расписной посуды архаического и классического времени и др.

Небольшая работа была проведена в 1954 г. на западной стороне цитадели (на Заячьей балке, руководитель К. Э. Гриневич), где в прежние годы были открыты остатки мощных каменных стен и башен. Здесь удалось открыть продолжение главной оборонительной стены в северном направлении и подтвердить наблюдения, сделанные экспедицией 1948 г. о том, что наиболее ранние оборонительные сооружения на западной границе Ольвии выстроены не в IV в. до н. э., как это было определено 50 лет тому назад, когда они впервые раскрывались, а в первой половине V в. до н. э. Этот факт имеет большое значение для понимания жизни города и интерпретации целого ряда связанных с его историей событий и, прежде всего, вопроса о том, был или не был в Ольвии Геродот. Как известно, Ольвия середины V в. до н. э. в его описании представлена как окруженнная стенами с башнями и воротами. Прежняя датировка ранних стен IV в. до н. э. давала повод для сомнения в том, был ли Геродот в Ольвии. После работ, проведенных в 1948 г., это сомнение устранено.

Важным достижением в деле исследования Ольвии в послевоенные годы является археологическая работа в районах ольвийской периферии.

В 1954 г. интересные работы проведены на городище II в. до н. э.—III в. н. э. в южной части Козырки, Очаковского района, Николаевской области, в 11 км к северу от Ольвии, на берегу Бугского лимана (руково-

Рис. 4. Терракотовое изображение актера в роли беременной женщины.

водитель А. В. Бураков). Здесь открыта часть остатков сравнительно большого каменного здания, состоявшего из двора, вымощенного каменными плитами, и целого ряда помещений. О богатом убранстве этого здания свидетельствует находка около 700 кусков штукатурки, покрытой разноцветной фресковой росписью орнаментального и растительного характера. Здесь же обнаружены фрагменты гипсового карниза с лепными раскрашенными украшениями.

При раскопках обнаружено очень много хорошего кирпича. Постройка существовала от конца I до начала III в. н. э. Такие постройки, украшенные фресковой росписью по штукатурке и лепными карнизами, не известны не только в районах ольвийской периферии, но и в самой Ольвии. Впечатление о необычном характере этой постройки усиливается и тем, что она окружена детским некрополем, тоже не встречавшимся до сих пор при раскопках Северного Причерноморья. С северной, западной и южной стороны к постройке примыкает 13 детских погребений преимущественно в остродонных амфорах, частично в скорченном

Рис. 5. Головка женской терракоты.

положении. При некоторых погребениях находились вещи. На территории детского некрополя обнаружено несколько небольших земляных углублений, перекрытых каменными плитами, которые, судя по их содержимому, имели культовый характер: здесь были остатки сожжения — кости, повидимому, жертвенных животных, краснолаковые чашки и др. Некрополь и постройки с фресковой росписью и лепными карнизами, очевидно, одновременны: ни одно детское погребение не потревожено, хотя некоторые погребения расположены почти впритык к наружным стенам постройки, а уровень пола постройки чуть выше уровня погребений.

Несмотря на неполное раскрытие сооружения, и сейчас ясно: все, что обнаружено в 1954 г. в Козырке, необычно, совершенно уникально и не имеет пока аналогий в Северном Причерноморье.

В 3 км к северо-западу от этого городища, на северном склоне балки, находящейся в северной части Козырки, в 1 км от берега лимана открыто новое поселение V—IV в. до н. э. Поселение сильно повреждено при распашке. Небольшой разведкой здесь обнаружены ямы хозяйственного назначения и, возможно, остатки земляночного жилища. Среди находок — обломков амфор, в том числе тухлогорлых, местной посуды, костей животных и др. обращает на себя внимание клад 103 ольвийских дельфинчиков. Это первая находка такого большого клада фигурных монет вне Ольвии.

Таковы некоторые итоги работы ольвийской экспедиции 1954 г.¹. Но и этого краткого изложения достаточно для того, чтобы увидеть, что проведенные экспедицией работы проливают свет на ряд вопросов истории городского строительства и культуры Ольвии.

¹ В экспедиции 1954 г. принимали участие также Н. Н. Бондарь, К. С. Горбунова, М. П. Ваулина, А. И. Вошицкина, Г. С. Иванина, Ю. И. Козуб, А. А. Любимова, В. И. Тычина и др.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ у с. ЗОЛОТАЯ БАЛКА в 1953 и 1954 гг.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА и А. И. ФУРМАНСКАЯ

Поселение у с. Золотая Балка является крайним северным звеном в системе городищ низового Днепра.

Начатые на поселении в 1951 г.¹ раскопки продолжались и в последующие годы. В 1953 и 1954 гг. работы производились на южной (раскоп I) и центральной (раскопы III и IV) частях поселения².

Наиболее интересным результатом работ на раскопе I было открытие каменной стены, ограждавшей поселение с юга, и исследование большого каменного сооружения в нижнем горизонте культурного слоя. Каменная дгухпанцырная стена, идущая с востока на запад, открыта на протяжении 46 м. Ширина ее восточной, лучше сохранившейся части 2,2 м. Западный конец стены подходил к выходу скалы. С внутренней стороны к стене примыкал ряд легких глинобитных хозяйственных строений. От них сохранились основания стен из поставленных на ребро камней, округлая каменная загородка, очаг-жаровня в каменной обкладке, обломки лепной посуды и амфор. В северной части участка обнаружено разрушенное глинобитное жилище с остатками очага, куски сильно обожженной стенной обмазки с отпечатками прутьев и следами побелки и обломки бытовой посуды.

Из находок в верхнем горизонте, к которому принадлежит каменная оградительная стена с примыкающими к ней строениями, заслуживает внимания фрагмент глиняного «конька» с налепными фигурками и контурным изображением всадника.

В нижнем горизонте культурного слоя, под оградительной стеной, на краю прибрежной террасы, открыто большое трехкамерное сооружение, повидимому, специального назначения (склад) размером 8 × 8,5 м. Основания его стен сложены из массивных каменных плит, перекрытых рядами плоских камней. В северо-восточном углу одной камеры, большей по размерам и обращенной к реке, находилась полукруглая загородка из крупных поставленных на ребро камней. В одной из меньших камер западной половины сооружения обнаружен каменный очаг и остатки жаровни. В засыпи, над сооружением, найдена фрагментированная терракотовая статуэтка, изображающая Европу на быке (рис. 1).

В центральной части поселения, где были заложены два раскопа (III и IV) площадью 1800 м², раскрыт большой строительный комплекс из каменных и глинобитных строений. Изучение этого комплекса дает возможность представить его планировку.

Каменные сооружения вытянуты двумя длинными рядами с востока

¹ О раскопках 1951—1952 гг. см. А. В. Добровольский, Золотобалковское поселение, КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 70—71.

² В 1953 г. работы проводились на раскопах I и III М. И. Вязьмитиной с участием Р. И. Ветштейн и В. Н. Пащенко; в 1954 г.—М. И. Вязьмитиной (раскопы I и III) и А. И. Фурманской (раскоп IV).

на запад и разделены между собою большим двором (рис. 2) шириной 18 м. С востока южная часть двора отгорожена от прибрежной полосы 12-метровой каменной стеной шириной 0,8 м. В 7 м к югу от нее на раскопе III раскрыта другая каменная стена, идущая в том же направлении на протяжении 38 м. С востока к стене примыкал ряд легких глинобитных строений и каменных загородок. От них в разных местах сохранились скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и остатки бытового инвентаря. К северной части стены примыкало большое глинобитное строение (10×8 м) со входом в южной стене. От оснований его стен сохранился ряд поставленных на ребро камней. В центре

строения обнаружено каменное основание, состоящее из пяти вертикально поставленных камней для деревянного столба, поддерживавшего когда-то кровлю. Строение, повидимому, сгорело.

К северу от этого хозяйственного строения находились две ямы глубиной до 1,6 м, доверху забитые крупными камнями. Одна из них соединялась с глинобитной печью и была, повидимому, предохажной. Среди обломков свода печи и вокруг нее находились: лепной горшок, конические плошки на полых поддонах, глиняное груэило, каменный растиральник, глиняный «конек» и др. Вторая яма имела хозяйственное значение. В ней под разнообразными обломками обнаружена небольшая женская статуэтка примитивной работы.

В южной части двора расположены два каменных сооружения: восточное — двухкамерное и западное — многокамерное (рис. 3). Почти в каждой камере находились один или два очага-жаровни с каменной обкладкой. В западном сооружении открыты три хозяйственных ямы. Особый интерес представляют две смежные ямы, соединенные между собою в придонной части небольшим проходом. Они использовались, можно полагать, для копчения рыбы. В одной из них обнаружено значительное скопление тростниковой золы и рыбьей чешуи. На полу помещения, возле ям, находился вкопанный в пол большой глиняный сосуд, два каменных рыболовных грузила и значительное количество разбитых светлоглиняных амфор с двустольными ручками¹.

В северной части двора (раскоп IV) также расположен ряд каменных сооружений. Наиболее интересным из них является центральное сооружение, состоящее из двух не сообщающихся между собою камер, объединенных небольшим внутренним двориком, в котором помещалась хозяйственная яма.

Вход в западную камеру находился в северной стене, вдоль которой шла прямоугольная загородка, состоящая из одного ряда поставленных на ребро камней. В северо-западном углу камеры находился очаг. На полу камеры сохранились следы глиняной обмазки и днища двух сосудов: большого лепного и кружального сероглиняного с двумя перекрецивающимися линиями на наружной стороне.

¹ Рыболовные каменные грузила и заготовки для них найдены и в других местах раскапываемой площади. Кости рыб и рыбья чешуя обнаружены и в остальных ямах.

Рис. 1. Европа на быке. Терракотовая статуэтка.

На 0,3 м ниже оснований загородки и восточной камеры описанного сооружения обнаружены каменные кладки нижнего горизонта культурного слоя.

В южной части раскопа исследованы остатки разрушенных глино-битных строений. Наибольшего внимания заслуживает скопление керамики на полу одного из них, характеризующее картину внезапного раз-

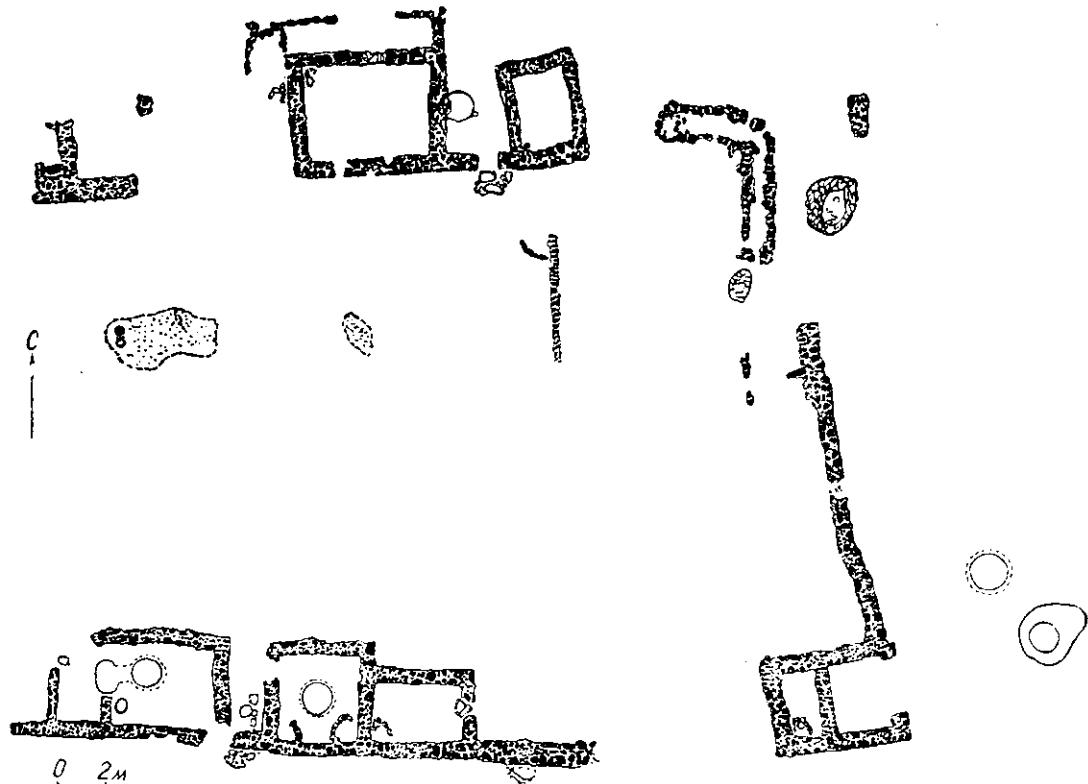

Рис. 2. План строительного комплекса.

рушения. Среди большого количества обломков амфор, лепных орнаментированных и кружальных сероглиняных сосудов обнаружены вкопанные в землю большая лепная корчага и остродонная амфора. Тут же прослеживались и остатки золы.

В береговой полосе исследованных участков, под большими каменными плитами, открыты скорченные погребения эпохи бронзы. Одно разрушенное детское погребение обнаружено в каменном ящике.

Заложенная в самой выступающей части поселения — на береговом мысу — контрольная траншея подтвердила наличие каменных сооружений и в этой части поселения. Помимо обломков посуды рубежа нашей эры здесь найдены и обломки славянских сосудов XI—XII в.

Подводя итоги исследованиям 1953—1954 гг., можно сделать следующие выводы.

Поселение у с. Золотая Балка по значимости полученных материалов и по сохранности каменных сооружений двух культурных горизонтов имеет первостепенное значение в деле изучения городищ низового Днепра.

Обнаруженные на нем скорченные погребения свидетельствуют о том, что поселение возникло на месте когда-то существовавшего здесь некрополя эпохи бронзы.

В раскопках четко прослеживаются два периода застройки поселения, существенно отличающиеся между собой в применении строительных материалов и в способе кладки. Основания сооружений нижнего горизонта культурного слоя выкладывались из крупных каменных плит уплощенной формы, поставленных обычно на ребро. Для верхнего горизонта куль-

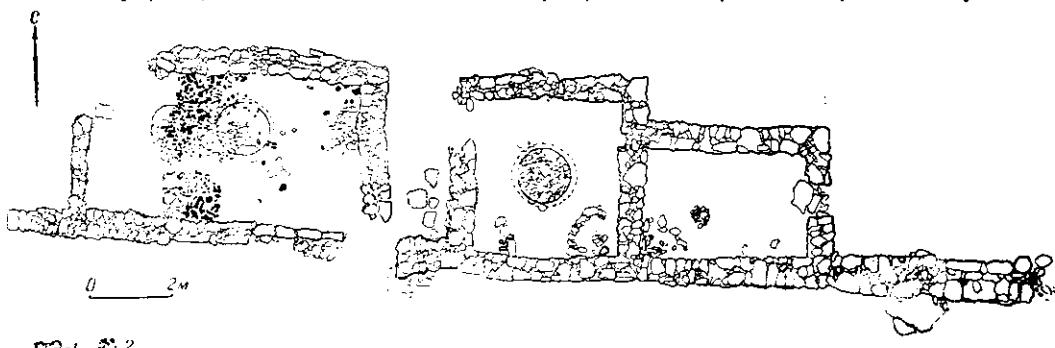

Рис. 3. Многокамерное сооружение. 1 — кладка; 2 — обломки амфор.

турного слоя характерна кладка горизонтальными рядами из рваного камня различных размеров. В основном густо застроена была прибрежная полоса.

Рис. 4. Керамический материал. 1—2 — краснолаковые сосуды; 3—9 — лепные сосуды.

Большое количество обломков амфор, составляющих основную массу глиняной посуды, и других импортных изделий (рис. 4) позволяет говорить о широких торговых связях обитателей поселения с причерноморскими городами, в частности с Ольвией.

Наличие среди материалов амфорных днищ III в. до н. э. и обломков узкогорлых и рифленых амфор II—III в. н. э. позволяет расширить рамки существования поселения от III в. до н. э. по III в. н. э. Нельзя не отметить и находок славянских сосудов XI—XII в.

Раскрытие широкой площади центральной части поселения дало возможность выяснить некоторые особенности планировки отдельных строительных комплексов: расположение каменных сооружений по длинной оси с востока на запад по обе стороны большого двора; наличие в одном

комплексе каменных и глинянобитных строений; пристраивание глинянобитных строений впритык к каменным стенам; наличие небольших внутренних двориков в многокамерных сооружениях; наличие хозяйственных ям внутри сооружений.

Установлены также интересные детали кладки каменных сооружений: вкапывание в землю вертикально поставленных плит для большей устойчивости сооружений, расположенных по склону; наличие крупных каменных плит в их углах; применение двухпанцерной кладки с забутовкой в оградительных стенах.

Установлен факт использования в более поздних зданиях строительных материалов из сооружений предшествующего периода.

Новым в раскопках 1954 г. является также открытие смежных ям с печью, служивших, очевидно, для копчения рыбы. Это, повидимому, свидетельствует о производственном характере изучаемого поселения, в экономике которого значительное место занимал рыбный промысел.

Найденные на поселении терракотовая статуэтка, обломок «конька» и глиняная фигурка примитивной работы свидетельствуют о наличии в быту обитателей поселения местных и импортных изделий изобразительного искусства, связанных, очевидно, с определенными культурами.

Поселение у с. Золотая Балка, как можно заключить на основании ряда ярких доказательств, подверглось, повидимому, насильственному разрушению.

Раскопки, проведенные в Золотой Балке, не исчерпывают еще всего богатства этого интереснейшего памятника и требуют дальнейшего продолжения. Изучение Золотой Балки в связи с изучением других городищ низового Днепра должно помочь выяснению вопроса об этнической принадлежности обитателей этих городищ и их взаимоотношений с сарматскими и славянскими племенами.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА в с. КАИРАХ в 1954 г.

Е. В. МАХНО

Могильник в с. Каирах, Горностаевского района, Херсонской области, находившийся в юго-западной части села над обрывом надпойменной террасы левого берега р. Конки, открыт сотрудником Института археологии АН УССР Д. Я. Телегиным в 1953 г. Раскопанное им в разведывательных целях одно погребение давало основание предположительно датировать могильник первыми веками нашей эры.

Летом 1954 г. могильник был раскопан отрядом Горностаевской экспедиции Института. Как выяснилось, памятник оказался не однослоистым. Первыми веками нашей эры датируется не могильник, а остатки существовавшего здесь поселения, в культурном слое которого было обнаружено значительное по размерам многокамерное, как кажется, сооружение и обломки керамики черняховского типа. Могильник же датируется временем более поздним и относится к началу II тысячелетия н. э., т. е. ко времени, почти совершенно не изучавшемуся археологами в степной полосе¹.

Все 82 погребения исследованного могильника располагались вдоль обрыва полосой шириной около 20 м и длиной 60 м, образовывая несколько рядов, вытянутых с севера на юг.

Раскопки показали, что погребальный обряд могильника в общем сравнительно единообразен. Погребения совершены в узких и мелких ямах². Почти все они ориентированы на запад с отклонением на юг или на север. Два погребения ориентированы с севера на юг. Большинство ям (66) перекрыто каменными закладками, преимущественно овальной формы, выложенными из камней различных размеров. Встречались закладки из крупных плит, расположенных в ряд, а также закладки в виде выложенных из камней четырехугольников, середина которых не заполнялась камнями. Формы и размеры закладок почти во всех случаях не совпадали с ямами и далеко не всегда перекрывали их полностью.

В большинстве (46) ямы изнутри обставлены плоскими камнями. В некоторых ямах камни поставлены лишь у головы и у ног погребенных, а в некоторых погребениях только у головы или у ног³.

Покойники лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, юго-запад или северо-запад. Одно погребение ориентировано головой на север и одно на юг. Ноги у большинства погребенных (46) широко разомкнуты; сомкнутые ноги обнаружены лишь в шести погребениях;

¹ На площади раскопа (832 м²) кроме того встречались многочисленные обломки сосудов периода бронзы и остатки сооружения этого времени.

² Длина ям 2—2,30 м, ширина — около 0,50 м, глубина — максимум 0,80 м.

³ 29 ям обставлены камнями вокруг, в четырех ямах камни поставлены у головы и у ног, в 11 — только у головы, в двух — только у ног.

погребения с одной подогнутой ногой отмечены в трех случаях; в одном погребении обе ноги подогнуты и повернуты вправо.

Положение рук самое разнообразное. В некоторых (14) погребениях кисти обеих рук лежали на тазовых костях, в других (9) — в области грудной клетки или же вытянуты вдоль тела (5). В ряде случаев кисть правой руки лежит на груди, левой — на тазе (9 погребений) или наоборот. В одном погребении обе руки были вытянуты вправо. Иногда отсутствует часть правой руки ниже локтя (5 погребений), а во многих

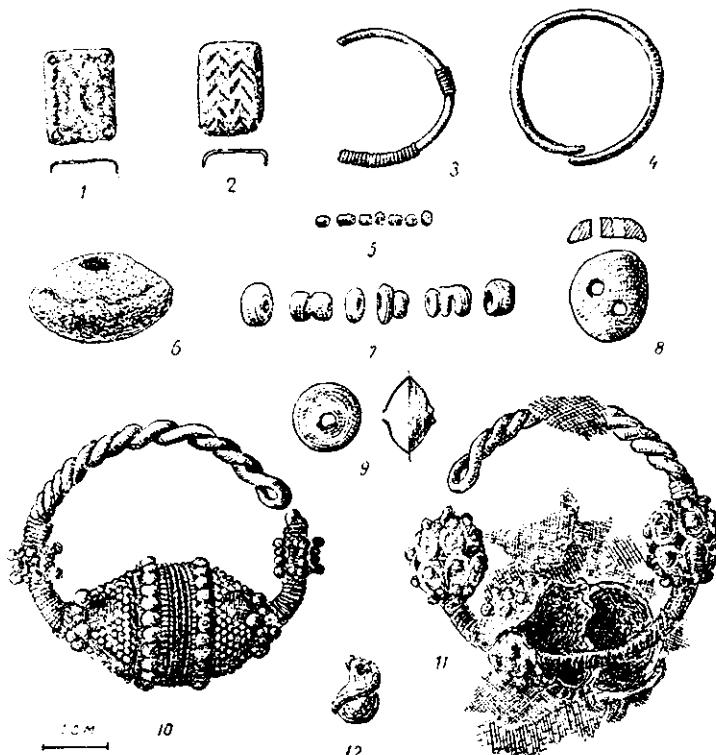

Рис. 1. Погребение № 19: 1, 2 — серебряные бляшки; 3, 4 — кольца из серебряной проволоки; 5 — бисер. Погребение № 5: 6 — прядлище из стекла; 7 — бусинки из стекла; 8 — пуговица из голубой пасты. Погребение № 38: 9, 12 — серебряные бусины. 10, 11 — височные кольца из серебра с остатками ткани (11).

погребениях не было костей рук. Кроме этих, обычных для могильника, погребений под закладками встречаются такие же погребения, но без закладок. Ямы у них, как правило, не обставлялись камнями. Изредка несколько камней стояли у головы или у ног погребенных.

Встречаются также и другие отклонения. Иногда обнаруживались остатки дерева, указывающие на то, что покойники похоронены в деревянных гробах. Отмечены погребения, у которых умышленно раздавлена лицевая часть черепа. У погребения № 29а череп отсутствует, а кости верхней части грудной клетки в беспорядке положены на его месте. Встречаются погребения, у которых многих костей скелета недостает, или же кости их разбросаны по могильной яме. Не исключено, что в некоторых случаях имеют место расчлененные погребения, например погребение № 47. В этом погребении в анатомическом порядке на своем месте лежали череп, кости грудной клетки и правой руки, кисть которой находилась на тазовых костях, левая рука отсутствует. Кости голени одной ноги ле-

жали рядом с бедренной костью, другой — рядом с черепом, причем кости ступни касались плеча.

Большинство погребений не сопровождалось инвентарем, изредка при них встречались то отдельная бусина, то обломки железных костей. Только три погребения выделялись из общей массы. В одном из них (№ 55) обнаружены 23 стеклянные бусины, одна пуговица из голубой пасты и стеклянное биконическое пряслице (рис. 1, 6—8), в другом

(№ 19) — два височных кольца из серебряной проволоки, бисер из голубого стекла и 11 прямоугольных штампованных нашивных бляшек из низкопробного серебра, одна из них украшена геометрическим, остальные — растительным орнаментом (рис. 1, 1—5). Самым богатым было погребение № 38, в котором обнаружены две металлические, вероятно, серебряные бусины и два височных серебряных кольца (рис. 1, 9—12). Одно из них напоминает трехбусинные серьги Киевской Руси (рис. 1, 11), а другое — массивное, бочкообразное (рис. 1, 10) — позволяет датировать могильник временем XI—XII в. н. э.

Кроме того, на могильнике обнаружено пять закладок, под которыми погребений не оказалось. Вероятно, это были кенотафы.

Памятники, аналогичные Каирскому могильнику, до сих пор в степной полосе не известны, и в настоящее время говорить о том, какой на-

родности он принадлежит, еще трудно. Некоторые детали обряда позволяют все же искать аналогии среди Правобережья — Поднестровья.

* * *

*

От сооружения, залегающего в культурном слое под могильником на глубине 0,60—0,70 м от современной поверхности сохранились значительные остатки нижней части каменных стен, которые позволяют считать, что оно имело около 16 м длины и 13 м ширины и состояло из двух больших прямоугольных помещений (юго-восточного и северо-западного) с узким коридором между ними. С юго-восточной стороны к одному из этих помещений примыкали какие-то небольшие пристройки, так что сооружение было, повидимому, многокамерным (рис. 2). По планировке оно напоминает постройки первых веков нашей эры Бериславского и Дудчанского поселений. Сопровождающий его археологический материал также очень близок бериславскому.

Это позволяет думать, что в первых веках нашей эры на побережье низового Днепра обитало однородное население, в какой-то мере связанное с лесостепным Приднепровьем.

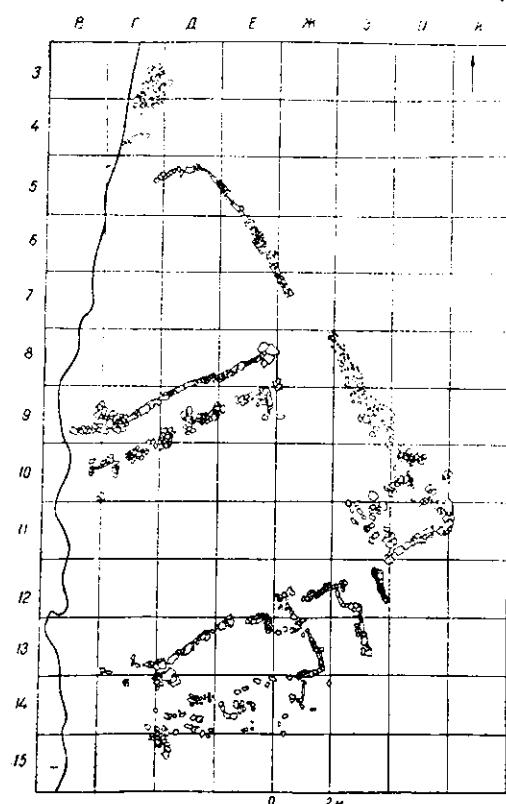

Рис. 2. План сооружения первых веков нашей эры на раскопе I.

РАСКОПКИ в с. ДУДЧАНАХ в 1954 г.

А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ

На южной окраине с. Дудчаны, Ново-Воронцовского района, Херсонской области, расположенного на правом берегу Днепра, в нижней части его течения, находятся остатки поселения первых веков нашей эры. Поселение расположено в конце склона плато, на краю лесовой террасы, отделенной от Днепра плавнями, тянувшимися на протяжении 4 км.

На поселении велись работы в течение трех полевых сезонов — в 1951, 1952 и 1954 гг.¹. В 1951 и 1952 гг. работы были сосредоточены в одном месте, у бывшего противотанкового рва, в стенке которого прослеживался культурный слой. В результате раскопок здесь выявлены остатки каменных построек, расположенных в один ряд.

В связи с тем, что часть современного села была перенесена из зоны затопления Каховской ГЭС, в 1954 г. представилась возможность производить работы на всей территории древнего поселения. Раскопки этого года ставили своей целью путем закладки ряда разведывательных раскопов и шурфов получить представление о границах поселения и о характере культурного слоя в неисследованной ранее его части.

Раскопки показали, что площадь поселения очень небольшая. В длину культурный слой прослеживался на расстоянии около 250 м, в ширину всего до 30 м. В 1954 г. были открыты следы еще одной постройки, примыкающей к юго-восточному концу открытого в предшествующие годы ряда. От стен ее сохранились лишь разрозненные камни, лежащие, однако, в определенном порядке: они состояли из двух рядов, расположенные под прямым углом друг к другу, длиной около 3,5 м каждый. В этом месте земля была насыщена золой, костями животных и обломками глиняных сосудов. Выше по склону следов построек не выявлено.

Таким образом, в результате трехлетних раскопок выяснилось, что поселок состоял из небольшого количества (7—8) построек, вытянутых в один ряд вдоль края террасы. Значительно удаленная от Днепра, терраса не подвергалась сколько-нибудь интенсивному разрушению, поэтому нет оснований считать, что в древности поселение могло иметь большие размеры.

Выше по склону в 1954 г. выявлены три очажные ямы и одно открытые костище. Ямы имели круглую форму, диаметр 0,90—1,30 м, глубину 0,25—0,40 м от древнего уровня. Они были заполнены золой, угольками, костями животных (бык, коза—овца, лошадь), часто обугленными, и раковинами *Unio*. На дне ямы № 1 находилось 11 кам-

¹ В 1951 г. раскопки проводила Т. Д. Белановская, в 1952 г. — М. И. Вязьминина.

ней среднего размера, некоторые со следами действия огня. В яме № 2 лежал раздавленный сосуд — большой сероглиняный кувшин, изготовленный на гончарном круге, одноручный с объемистой нижней частью, орнаментированный рельефным валиком и поясками горизонтальных бороздок. Нахождение очажных ям и открытого кострища вне построек, возможно, следует объяснять тем, что не все открытые в прежние годы постройки имели внутри очаги.

В юго-восточной части поселения, недалеко от крайней постройки раскопаны два погребения, которые сверху были прикрыты несколькими, лежащими плотно одна возле другой, каменными плитами, размерами в среднем 30×40 см. Кости находились непосредственно под ними, причем некоторые были раздавлены тяжестью плит. В погребениях выявлены лишь части скелетов. Погребение № 1 парное. Сохранились череп, лежавшие возле него кости ног взрослого человека и ребра, позвонки и бедренные кости ребенка. В погребении № 2 находились череп и положенные рядом с ним кости ног. Инвентаря при погребенных не оказалось.

Наличие в погребениях неполных скелетов, расположение костей ног у черепа, положение черепа погребения № 2 темечем кверху, которое могло возникнуть лишь в том случае, когда голова была отделена от туловища, наконец, наличие сверху каменных плит, исключающее позднейшее перемещение костей, — все это свидетельствует о том, что тела умерших были расчленены. Подобный обряд погребения известен в памятниках начала и середины I тысячелетия н. э. степной полосы и в некоторых могильниках культуры полей погребения. Обряд погребений, а также залегание их на уровне основного культурного слоя, позволяет предположить, что они относятся ко времени существования поселения.

Находки 1954 г. представлены керамикой, многочисленными костями животных и мелкими предметами быта (точильные камни, прядлица). Около половины керамического материала составляет лепная кухонная керамика грубой выделки с примесью шамота в тесте. Это слабопрофилированные горшки со слегка отогнутыми венчиками, лишенные орнамента. Около трети всех обломков керамики составляет кружальная посуда черняховского типа, в которой преобладают сосуды с челошенной поверхностью. Найдены обломки амфор, большей частью красноглиняные, с гладкими стенками, но иногда орнаментированные поясками горизонтальных и волнистых линий.

Рассмотрение керамического материала позволяет уточнить датировку основного культурного слоя поселения¹. Преобладание в группе кружальной керамики сосудов с челошенной поверхностью и наличие обломков амфор средневекового облика, орнаментированных поясками горизонтальных и волнистых линий, свидетельствует о том, что поселение может быть отнесено не к началу, а скорее к середине I тысячелетия н. э.

¹ Кроме основного культурного слоя, на поселении обнаружено также некоторое количество керамики эпохи бронзы.

ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА НА РОСИ И РОССАВЕ (по материалам разведки 1954 г.)

В. И. ДОВЖЕНОК

В 1954 г. была проведена археологическая разведка по Роси и Россаве¹. Разведка охватила оба берега Роси от с. Стеблева, Корсунь-Шевченковского района, до с. Бушево, Рокитнянского района, и оба берега Россавы от ее устья до ст. Мироновка (рис. 1). В задачи разведки входили

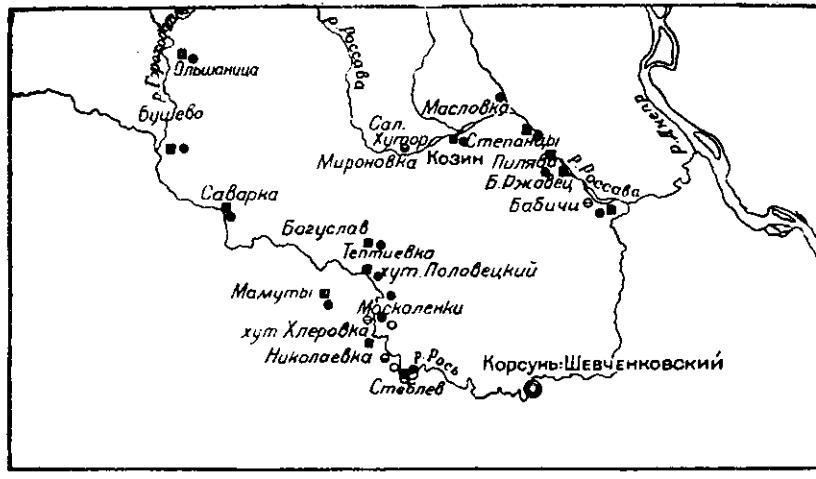

Рис. 1. Схематическая карта разведки по Роси и Россаве в 1954 г.
1 — древнерусские городища; 2 — древнерусские селища; 3 — селища культуры полей погребений черняховского типа, 4 — селища раннего железного века; 5 — трипольские поселения.

дило обнаружение и картографирование древнерусских селищ и городищ в связи с изучением древнерусского села.

Среди более древних памятников, обнаруженных разведкой, особое внимание привлекает поселение культуры полей погребений черняховского типа возле с. Николаевки, Корсунь-Шевченковского района, на правом берегу Роси у колхозной птицефермы. В настоящее время площадь поселения подмывается рекой, так как уровень воды в реке поднялся в связи с постройкой Стеблевской ГЭС.

Судя по распространению культурного слоя в обрывах берега и на поверхности, поселение было расположено вдоль реки на протяжении

¹ Разведку проводили В. И. Довженок и Н. В. Линка.

около 300 м. В обрывах берега видны скопления камней и печины, а также большое количество черепков керамики, характерной для черчя-ховской культуры — серых лощеных мисок, нелощенных кружальных горшков, больших корчаг и зерновиков. В некоторых местах заметны следы жилищ и других помещений в виде развалов печей и глинобитных стен, скоплений золы и углей. Повидимому, поселение сгорело. Есть основания предполагать хорошую сохранность культурного слоя.

Из древнерусских памятников наиболее ранним является городище с прилегающим к нему селищем в с. Момуты, Богуславского района, которое находится на расстоянии около 5 км к югу от берега Роси. Оно расположено на мысу между двумя балками и возвышается над уровнем их дна на 25—30 м; площадь его составляет около 0,5 га. Городище ограничено со стороны плато двойным рядом валов и рвов, а со стороны балок — крутыми террасированными склонами; глубина рва в некоторых местах достигает 5 м от уровня площади городища. С восточной стороны городища за оврагом расположено селище. Культурный слой на городище и селище сохранился плохо: он постоянно распахивается и почти полностью смыт, т. к. поверхность здесь наклонная. Встречающиеся на поверхности и в шурфах черепки позволяют относить этот памятник к IX—X в.

Несмотря на плохую сохранность культурного слоя, городище и селище в с. Момутах представляют значительный интерес как памятник, свидетельствующий о судьбах славянского населения на территории к югу от Роси в X в. Отсутствие здесь типичной древнерусской керамики XI—XIII в. следует, возможно, объяснить тем, что поселение было оставлено в связи с появлением на этой территории печенегов. Интерес этого памятника заключается также и в том, что это — одно из самых ранних древнерусских городищ, на котором, очевидно, находился укрепленный двор-замок.

Большинство археологических памятников, обнаруженных разведкой, относится к XI—XIII в. Всего городищ и селищ этого периода обнаружено 23, из них на Роси шесть городищ и семь селищ и на Россаве пять городищ и пять селищ.

Все поселения этого периода по Роси располагаются на левой стороне реки. Отсутствие русских поселений в XI—XIII в. на правом берегу Роси объясняется тем, что здесь в это время господствовали кочевники. С усилением опасности от нападений кочевников славянские поселения, которые были здесь в IX—X в., перестают существовать. В XI—XIII в. Рось была пограничной рекой.

Обнаружено только одно городище этого периода на правом берегу Роси, — у хут. Хлеровки, Корсунь-Шевченковского района, называемое местным населением «Круглячок» (рис. 2). Но оно, судя по всему, имело значение не обычного населенного пункта, а сторожевого городка с ограниченным количеством жителей, которые наблюдали за противником и сообщали о нем населению левого берега.

Городище имеет площадь около 3000 м². Культурный слой отсутствует; в шурфах обнаружены только кусочки печины, угля и зольные пятни. Городище являлось неприступным пунктом; оно было расположено на высоком холме (около 70 м над уровнем поймы реки) и защищено со всех сторон очень крутыми склонами и двумя рядами валов и рвов, хорошо сохранившимися в настоящее время. С этого пункта хорошо обозреваются окрестности на далекое расстояние. Холм, на котором находится городище, теперь покрыт лесом, виден из некоторых отдаленных друг от друга пунктов на левой стороне Роси, где имеются древнерусские городища и селища.

Такое же назначение, повидимому, имели и некоторые городища на

Россаве. К их числу нужно отнести городища в Бабичах и между селами Большим Ржавцем и Пилявой, Каневского района, расположенные на правом берегу Россавы примерно в таких же топографических условиях и характеризующиеся слабо выраженным культурным слоем¹.

Все другие городища имеют хорошо выраженный культурный слой, свидетельствующий о длительном и постоянном их заселении. Это, как правило, также небольшие укрепленные пункты, но превосходящие по

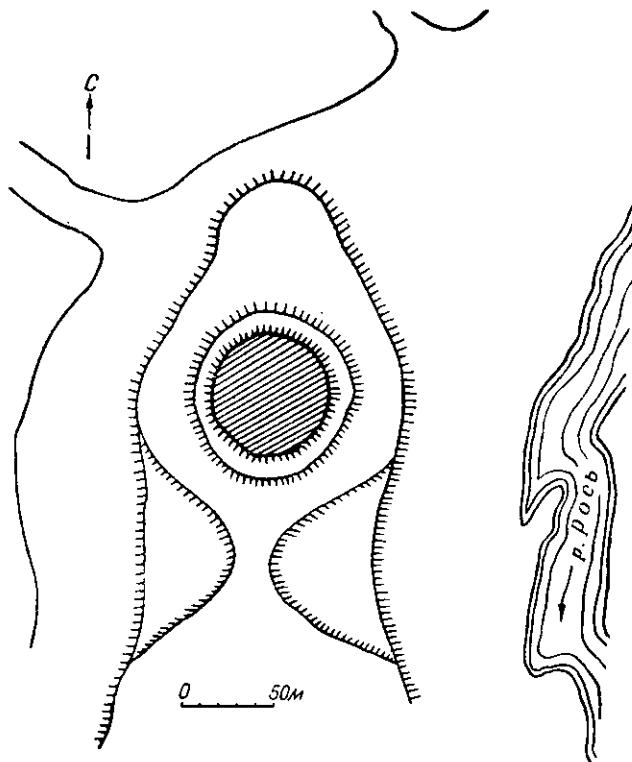

Рис. 2. Схематический план городища «Круглячок» у хут. Хлеровки, Корсунь-Шевченковского района.

размерам сторожевые городки. Площадь их имеет от 4000 м² до 1 га. Они всегда располагаются среди открытых больших селищ, которые достигают протяженности до 1,5 км. Размеры и расположения этих городищ объясняют их социальное значение. Небольшие по площади, достаточной только для размещения одного крупного двора, и хорошо укрепленные, располагающиеся на возвышенностях среди обширных селищ, они представляют собой те пункты, где находились укрепленные феодальные дворы-замки, господствовавшие над окружающими селами.

Показательным в этом отношении является городище в хут. Полоvezком, Богуславского района, на Роси (рис. 3). Оно расположено на левом берегу реки, на гранитной скале, поднимающейся на высоту около 20 м и возвышающейся над поймой в виде кургана. Городище хорошо сохранилось и имеет выразительный и эффектный вид, характерный для древнерусских городищ, на которых находились феодальные замки. Площадь городища имеет около 0,5 га. Оно ограждено двойным рядом рвов и валов; в некоторых местах глубина рва от поверхности городища

¹ Эти городища обследованы Н. В. Линкой в 1948 г., см. АП, т. III, К., 1952, стр. 104.

достигает 10 м. В обнажениях культурного слоя заметны скопления печины и углей. В шурфе на глубине 1,5 м обнаружены следы пожарища и остатки каменной кладки. По сообщениям местного населения, на городище во время кладоискательских раскопок было найдено какое-то золотое украшение. Городище окружает большое селище, которое тянется вдоль Рось на расстояние около 1 км. Во многих местах на селище видны скопления печины и других культурных остатков, свидетельствующих о находившихся здесь каких-то сооружениях. В одном месте вблизи городища при земляных работах обнаружено большое скопление челюстей

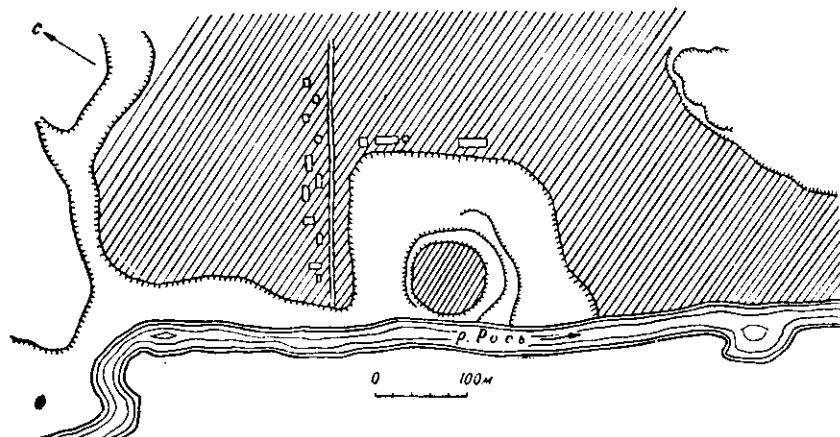

Рис. 3. Схематический план городища и селища в хут. Половецком, Богуславского района.

веческих костей — возможно, братская могила. Городище и селище, судя по всему, сгорели во время вражеского нападения.

Такие же городища — феодальные замки с насыщенным культурным слоем, окруженные большими селищами, обнаружены в 3 км западнее с. Стеблева, в с. Саварке, Богуславского района, у с. Козина, Старченковского района, и в других пунктах.

Селищ, расположенных отдельно от городищ, обнаружено только 3: в с. Москаленках, Богуславского района, между этим селом и хутором Половецким и в с. Масловке, Старченковского района.

Хотя многие селища остались, очевидно, не обнаруженными разведкой (известно, что обнаружить памятник без наземных признаков под растительным покровом весьма трудно), результаты разведки показывают, что здесь сельское население, в целях защиты от нападений кочевников, соорудотачивалось возле укрепленных пунктов. Феодалы, которые владели замками и располагали военными дружинами, находившимися в этих замках, должны были оказывать защиту зависимому населению, так как эксплуатация этого населения являлась источником их обогащения.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР в 1954 г.

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

Многочисленные памятники материальной культуры на территории Украинской ССР ежегодно исследуются археологами Украины в тесном содружестве с учеными Москвы и Ленинграда.

В 1954 г., как и в предыдущие годы, на территории Украинской ССР проводились широкие экспедиционные исследования памятников материальной культуры, начиная от палеолита и до эпохи Киевской Руси (IX—XIII вв.).

Эти исследования осуществлялись Институтом археологии АН УССР и ее Львовским и Крымским филиалами, Институтом истории материальной культуры АН СССР, Государственным Эрмитажем, Московским и Харьковским университетами и рядом музеев нашей страны.

В настоящей статье освещаются основные результаты исследований археологических памятников на территории УССР за 1954 г.¹.

Экспедиции Института археологии АН УССР

Палеолитическая экспедиция* (И. Г. Шовкопляс) провела работы по исследованию местонахождения древнего палеолита в с. Буромке, Черкасской области, и позднепалеолитических стоянок в с. Мезине, Черниговской области, и г. Фастове, Киевской области.

Отряд экспедиции «Большой Киев» исследовал (Д. Я. Телегин) остатки неолитических стоянок в окрестностях Киева: у с. Вышгорода обнаружено небольшое кострище и кремневый инвентарь ранненеолитического времени и у с. Виты-Литовской исследовано кострище и собран поздненеолитический кремень и керамика на небольшой глубине.

Мелитопольская экспедиция продолжала исследования Каменной могилы* (М. Я. Рудинский), расположенной около с. Терпенья, Запорожской области, и впервые в советское время исследовала в г. Мелитополе (А. И. Тереножкин и Е. Ф. Покровская) курган с погребениями представителей скифской племенной верхушки IV—III в. до н. э.*

Последний год проводились большие работы по исследованию памятников различных эпох, расположенных в зоне водохранилища Каховской ГЭС на нижнем Днепре. Эти исследования осуществлялись Никопольско-Гавриловской и Горностаевской экспедициями.

¹ В обзор не включены сведения о полевых исследованиях, проведенных К. Берняковичем, М. Каргером, П. Либеровым, М. Смишко, Г. Федоровым и П. Шульцем, поскольку они еще не представили Институту археологии АН УССР предварительных отчетов, предусмотренных правилами о выдаче открытых листов.

* Звездочкой отмечены экспедиции, результаты работ которых изложены в отдельных статьях, вошедших в настоящий сборник.

Никопольско-Гавриловская экспедиция вела раскопки поселений эпохи ранней бронзы близ с. Михайловки, Херсонской области (Е. Ф. Лагодовская, М. Л. Макаревич и О. Г. Шапошникова), могильника эпохи бронзы у с. Осокоровки, Херсонской области (В. К. Гончаров), поселения рубежа нашей эры в с. Золотая Балка, Херсонской области (М. И. Вязьмитина и А. И. Фурманская), поселения середины I тысячелетия н. э. в с. Дудчанах, Херсонской области (А. Т. Брайчевская).

Раскопками могильника у с. Осокоровки открыто семь кромлехов круглой формы. Костяки лежали в центре кромлехов в скорченном положении, ориентированные головами, в основном, на север.

Горностаевской экспедицией исследовались археологические памятники на левом берегу Днепра.

На притоке Днепра р. Коцке, около с. Бабина, Херсонской области, раскапывалось поселение эпохи средней бронзы (А. В. Добровольский), на котором открыты остатки трех жилищ. Одно из них наземное, площадью 25 м², имело глинобитные стены, земляной пол и остатки кострища у входа. К западу от жилища обнаружен пол второго глинобитного сооружения. Третье жилище овальной формы, более раннего времени, размером около 40 м² было полуzemляночным. В центре его находилась яма от столба, поддерживавшего крышу, а на полу—остатки кострища. В жилищах и вокруг них в большом количестве собраны лепная посуда, изделия из бронзы, каменные орудия и другие находки. Поселение этого времени с керамикой, аналогичной керамике поселения, остатки которого известны в саду им. Шевченко в Днепропетровске, исследовано впервые.

В с. Бабине проводились исследования (В. А. Ильинская *) двухслойного поселения — эпохи бронзы и позднескифского времени.

В с. Ушканке, Херсонской области, раскапывалось (Д. Я. Телегин) поселение, содержащее два слоя — поздней бронзы и сарматского времени. В слое поздней бронзы обнаружен зольник, содержавший керамику, зернотерки, кости животных, костяные шилья, поворотные гарпуны, каменные боевые топоры-молоты и др. Здесь открыты остатки большого круглого в плане жилища со сводчатой печью, а также хозяйственные ямы. Слой сарматского времени содержал обломки керамики, бронзовые и костяные шилья и амфоры с клеймами. В этом же слое обнаружено погребение в свальной яме, протянутое на спине, с руками на тазовых костях, сопровождавшееся лепным сосудом.

В с. Каирах, Херсонской области, исследован (Е. В. Махно *) безкурганный могильник середины I тысячелетия н. э.

Вблизи с. Первомаевки, Херсонской области, раскопаны (В. И. Канивец *, И. М. Самойловский) два кургана бронзового века и два — содержащие погребения кочевников (IX—XII вв.), сопровождавшиеся захоронениями коней. Инвентарь состоял из небольших сосудов, железных ножей, кресал, остатков конской збрюи.

В порожистой части Днепра — по берегам водохранилища ДнепроГЭС им. В. И. Ленина — проведена значительная работа разведочного характера.

Около сел Вийского и Лоцмано-Каменки, Днепропетровской области, обнаружены следы нескольких местонахождений кремневых изделий, относящихся к среднему и позднему палеолиту.

В с. Волошком, Днепропетровской области, в урочище Скеля (Каменоломня) раскопано погребение эпипалеолитического времени. Погребенный был положен на спину в неглубокую яму головой на запад с протянутыми руками. Погребение сопровождалось кремневыми орудиями

трапециевидной формы (вкладыши) и украшениями из просверленных раковин и зубов рыб.

В окрестностях сел Вовниг, Игрени и Васильевки, Днепропетровской области, исследованы три каменные закладки над погребениями в ямах, относящиеся к бронзовому веку. В одной из них под сплошной круглой вымосткой в овальной яме обнаружено погребение, ориентированное головой на юго-восток, посыпанное охрой. Погребения сопровождались небольшими глиняными сосудами и бронзовыми высочными спиральными украшениями из тонкой проволоки.

В с. Волошском, Днепропетровской области, на берегу Днепра исследованы три погребения пред斯基фского времени в грунтовых ямах, сопровождавшиеся небольшими глиняными черпачками. Одно из погребений было парным — взрослого и ребенка.

В с. Майорке, Днепропетровской области, у мыса балки Звонецкой обнаружены остатки жилищ культуры полей погребений в виде каменных фундаментов. В них обнаружены зооморфные фибулы, железный меч, обломки лепных и кружальных сосудов и др.

У с. Любимовки, Днепропетровской области, на правом склоне балки Канцерки, обнаружен гончарный горн с ошлакованным подом, содержащий обломки керамики культуры полей погребений.

Отряд Сейминской экспедиции провел (С. С. Березанская) небольшие раскопки на поселении эпохи бронзы у с. Ивановки, Сумской области. Обнаружены остатки земляночного жилища и несколько открытых кострищ.

В районе работ Средне-Днепровской экспедиции проведены (В. А. Ильинская) разведочные исследования городища скифского времени у с. Книшивки и раскопки двух курганов около с. Дудчинец, Полтавской области. На городище обнаружены остатки жилых сооружений (развалины глиняной обмазки стен, очаги, хозяйствственные ямы), а также большое количество керамики и изделий из металла и кости. Курганы содержали три частично разграбленных погребения VI—V в. до н. э. При них найдены два бронзовых наконечника стрел, браслет, две бляшки от конского убора и два глиняных сосуда, позволяющие говорить о сходстве культуры населения бассейнов рек Сулы и Псла в скифский период.

Ольвийская совместная экспедиция ИА АН УССР и ИИМК АН СССР (Л. М. Славин, Т. Н. Книпович и др.) продолжала исследования античной Ольвии и ее окрестностей.

Переяславская экспедиция (В. К. Гончаров, Е. В. Махно) продолжала исследование на территории совхоза «Переяслав» — у г. Переяслав-Хмельницкого, Киевской области, могильника культуры полей погребений черняховского типа (III—IV в. н. э.). Раскопано 20 погребений, из них два кенотафа, 13 трупоположений и 5 трупосожжений. Погребения сопровождались глиняными кружальными сосудами, фибулами, стеклянными бусами и проч.

Отряд Волынской экспедиции (М. П. Кучера) продолжал исследование древнерусского города Плиснеска, Львовской области. В различных местах городища открыт ряд землянок VIII—IX в. и X—XIII в., а также остатки двух наземных жилищ XII—XIII в. с глинобитными печами. В жилищах найдены различные бытовые предметы и изделия ремесла.

Экспедиции Львовского филиала АН УССР

Продолжались начатые в прошлые годы раскопки многослойной палеолитической стоянки у с. Молодова, Черновицкой области (А. П. Черныш). Вскрыта площадь более 100 м², на которой вновь про-

слежено автором раскопок 10 культурных слоев, охватывающих время от солотрэйской эпохи до мезолита. В некоторых слоях обнаружены скопления углей и костей животных, в части которых А. П. Черныш склонен видеть остатки жилищ. При раскопках в большом количестве обнаружены кремневые изделия, поделки из кости, угли, остатки фауны, а также рукоятки из ребер животных с прорезями для вставки кремневых вкладышей, гарпун из рога оленя, мотыгообразные орудия из кости мамонта, костяная пластинка с орнаментом и др.

В с. Незвиско, Станиславской области, продолжались раскопки (Е. К. Черныш) поселения трипольской культуры, на котором открыты остатки 10 наземных и полуземляночных жилищ. Найдены представлены керамикой и разнообразными орудиями труда — мотыгами, кремневыми скребками, серпами, и др.

Экспедиции Крымского филиала АН УССР

В окрестностях г. Симферополя раскапывались (А. Щепинский) раннескифское городище и могильник Таш-Джарган (VIII—VI в. до н. э.). На раскопанной площади вскрыт развал камня и обнаружены многочисленные обломки лепной раннетаврской керамики. Исследования оборонительной стены установили ее ширину (3,7 м) и конструкцию — она была сложена из крупных необработанных камней с забутовкой мелким камнем между панцырями. На могильнике раскопаны два каменных ящика и кромлех. В одном ящике находились остатки четырех скорченных покойников и двух небольших круглодонных лепных кубков кизыл-кобинского типа. В центре небольшого кромлеха под слоем камней, в материке, обнаружена неглубокая могила, в которой найдены разбросанные остатки трех костяков и бронзовые головная булавка, кольцо, браслет и спираль, фрагменты лепных орнаментированных сосудов, бусы и раковины каури.

У с. Планерского, Крымской области, продолжались исследования (В. П. Бабенчиков и Ю. С. Асеев, Академия архитектуры УССР) архитектурных остатков средневекового храма.

В Херсонесе проводились исследования (О. И. Домбровский) остатков античного театра первых веков нашей эры. Открыт дугообразный выруб в скале, в котором размещалась полукруглая площадка орхестры театра радиусом в 23 м. Вокруг нее высился ступенчатый театр, где стояли каменные скамьи для зрителей, разделенные на сектора узкими лестницами. Были найдены остатки двух таких лестниц со ступенями размером 65×46 см при высоте 24 см. Между ними уцелела одна каменная скамья длиной в 5 м, высотой 47 см, шириной 52 см, составленная из трех крупных блоков. Перед этой скамьей на расстоянии около 0,5 м от нее на высоту до 1 м сохранился каменный барьер толщиной около 70 см, отделявший орхестру от театрана. Сзади скамьи имеются следы вырубов в скале ст четырех крутых ступеней, на каждой из которых размещалось три ряда скамей для зрителей. Сзади театрон был окружен глухой стеной с пиластрами, остатки которой выявлены этими раскопками. В квадровой стене открыт большой проем (около 4 м ширины), который, повидимому, являлся одним из боковых входов в театр. Театрон в значительной части перекрыт архитектурными остатками храма с ковчегом IX в. и других зданий.

Экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР

Крымская палеолитическая экспедиция проводила раскопки пещерных стоянок Староселье и Кабазы (А. А. Формозов) и Сюрень Г! (Е. А. Векилова).

В пещере у с. Староселья (окраина г. Бахчисарай) выяснена стратиграфия памятника, собраны кремневые изделия в виде остроконечников, скребел, дисков мустьерской эпохи, а также кости дикого осла, лошади, слона.

В пещере Кабази (у с. Малиновки) вскрыт небольшой участок культурного слоя, в котором обнаружены остатки очага, скопления кремня и кости дикого осла, лошади, бизона. Среди кремней встречены типичные мустьерские остроконечники и скребла.

Раскопана центральная часть стоянки Сюрень II площадью 70 м². Обнаружен культурный слой мезолитического возраста, мощностью до 0,7 м, содержащий значительное количество костей животных и кремневых орудий геометрических форм, часть которых (миниатюрные треугольники) найдены в Крыму впервые.

В окрестностях с. Гребеники, Одесской области (П. И. Борисовский), открыты остатки стоянки, содержащей кремневые изделия поздне-палеолитического типа. Стоянка является единственным местонахождением на юго-западе СССР, давшим также значительную серию типичных тарденузских микролитов.

Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции (И. Т. Кругликова) провел разведочные раскопки ряда античных и средневековых памятников восточного Крыма.

У сел Сазановки и Слюсарево обследованы два поселения IV—III в. до н. э. На одном из них сохранились остатки каменного жилища, зерновых и зольных ям. Найдена местная лепная керамика, призывные амфоры IV—III в. до н. э. с клеймами Гераклеи, Фасоса, Синопы и обломки чернолаковых сосудов IV в. до н. э. На поселении у с. Семеновки вскрыта часть каменного жилого комплекса III в. н. э. Улицы были вымощены камнем. В помещениях найдено много зерна (ячменя, пшеницы, проса и др.), хранившегося в больших лепных корчагообразных сосудах, фрагменты лепных горшков и кувшинов, рыболовные бронзовые крючки, грузила и пр.

На поселении у с. Мысовки (I—III в. н. э.) открыты многокамерные каменные жилища, в которых найдена местная лепная и боспорская кружальная керамика.

Около с. Алексеевки проведены раскопки на поселении IX—XI в. Здесь обнаружены остатки жилого комплекса с каменными стенами, зерновыми ямами и глинобитным полом.

Скифская степная экспедиция продолжала исследования городища рубежа нашей эры в с. Гавриловке, Херсонской области (Н. Н. Погребова). В его береговой полосе обнаружены строительные остатки с очагами позднеэллинистического времени. В южной части городища открыто большое каменное здание (80 м²), к которому примыкало небольшое каменное строение, перекрывавшее вымостку, повидимому, улицы, сложенную из крупных плоских плит. Установлено, что каменная оборонительная стена акрополя, в ее северной части, была усиlena дополнительным внешним каменным поясом, шириной в 1,2 м.

Пантикопайской экспедицией исследован (В. Д. Блаватский) в г. Керчи древний склеп II в. н. э. в кургане. Склеп, сложенный из больших известковых блоков, сохранившихся лишь частично, состоял из дромоса, небольшого переднего помещения и обширной погребальной камеры. В склепе было похоронено не менее десяти покойников, из которых пять лежали в деревянных гробах. При них обнаружены обрывки золотых листиков от погребальных венцов и две золотые пластины с рельефным изображением всадника, серебряные бляхи и пряжки, бронзовые кольца, пряжки и гвозди, железные удила, наконечник копья, кинжал, умбон щита, бусы пастовые, хрустальные, стеклянные, обломки

амфор, лепной горшок, светильник и стеклянные бальзамарий и флакон. В переднем помещении обнаружен костяк лошади.

Боспорской экспедицией продолжались исследования (В. Ф. Гайдукевич) курганныго могильчика, расположенного на северо-восточной окраине г. Керчи. Раскопано пять курганов. В периферийной части одного из курганов открыт склеп с односкатным деревянным покрытием, поверх которого были положены каменные плиты. В склепе обнаружены остатки большого деревянного саркофага, украшенного вставками стекла, и три античных сосуда IV в. до н. э. Второй курган содержал сложенную из плит гробницу с чернолаковой амфорой IV в. до н. э., в которой находился прах сожженного покойника, куски железного стригилля и часть бронзового зеркала. В третьем кургане под насыпью обнаружено костище с трупосожжением, содержавшее большое количество разнообразной керамики IV в. до н. э. В четвертом кургане с плитовой гробницей найден отличной сохранности деревянный саркофаг IV в. до н. э. со скелетом, железный стригиль, кожаные сандалии и ветка виноградной лозы. Пятый курган с каменной плитовой гробницей содержал остатки трех последовательно совершившихся захоронений III в. до н. э., при которых были найдены железный меч, керамическая посуда, три золотые серьги с головами козлов, золотые бляшки, разнообразные бусы (сердоликовые, янтарные, хрустальные, стеклянные), бронзовое зеркало и скрабей.

Этой же экспедицией продолжались раскопки боспорского города-крепости Илурата (возле с. Ивановки) и завершены исследования загородной сельской усадьбы эллинистического времени в районе Ново-Карантинной слободки.

В Илурате открыт третий пояс оборонительных стен, шириной в 2 м, пристроенный к основной стене со стороны города и примыкающие к поясу два больших, сообщающихся между собой помещения. Исследован один из кварталов города II—III в. н. э. Выявлены дворы, жилые и хозяйствственные помещения, открыты большие кладовые с пифосами и подземными хранилищами. В помещениях домов обнаружено много разнообразной глиняной посуды и предметов хозяйственного обихода.

Исследования загородной сельской усадьбы открыли винодельню III в. до н. э. (давильная цементированная платформа и цистерна). В одном из помещений найдены кухонная утварь и обгоревшее зерно (пшеница, ячмень, горох, вика). На площади раскопа встречены понтийско-капейские монеты III—II в. до н. э.

Продолжались исследования (В. В. Крапоткин) могильника VI—IX в. на склоне Чуфут-Кале, Бахчисарайского района, Крымской области. Были обнаружены три склепа, в которых найдены серебряный браслет с утолщенными концами, височные кольца с подвесками, сердоликовые шарообразные бусы, железные ножи, пряжки и пр.

Славянская экспедиция (И. И. Ляпушкин) завершила исследования славянского поселения VIII—IX в. в с. Новотроицком, Сумской области. Раскопано 19 жилых полуземлянок, более 50 сгоревших хозяйственных построек. В развалих построек и в культурном слое найдены земледельческие орудия, орудия обработки дерева и металла, рыболовные принадлежности, оружие, бронзовые и серебряные женские украшения — серьги, браслеты, перстни и т. д., керамическая посуда (в основной массе лепная), обгоревшие зерна пшеницы и ржи, кости домашних животных и птиц.

Проведены раскопки (Ю. В. Кухаренко) шести славянских (типа корчак) и двух древнерусских курганов, расположенных у с. Новый Мирополь, Житомирской области. В четырех курганах найдены только обломки лепных сосудов типа корчак. В двух — на уровне древнего го-

ризонта — открыто скопление угля, золы, обломков пережжених человеческих костей. Инвентарь обоих погребений — три лепных сосуда типа корчак и биконическое глиняное прядло. В двух древнерусских курганах покойники были положены на древнем горизонте, в одном случае в гробу, который оказался обгорелым. Инвентарь состоял из 3-х горшков, сделанных на круге.

Северо-Донецкий отряд Таманской экспедиции (С. А. Плетнева) продолжал раскопки разведочного характера одного из крупнейших городищ IX в. у с. Мохнача, Харьковской области, и сельских неукрепленных поселений в его окрестностях. На многих из этих поселений встречены следы их заселения носителями салтовской культуры.

Экспедиции университетов и музеев

Экспедиция Харьковского государственного университета (Б. А. Шрамко) проводила раскопки на городище скифского времени у с. Каравана, где были открыты остатки наземной постройки и собраны многочисленные обломки глиняной посуды V—II в. до н. э., глиняные пряслица и грузила, обломки зернотерок и пр., а также на городище VIII—X в. у с. Коробовы хутора, Харьковской области, где открыты остатки нескольких наземных жилых комплексов и хозяйственное помещение в виде полуземлянки.

Экспедиция Московского государственного университета (Б. Н. Граков, Н. Г. Елагина) продолжала раскопки скифского городища у г. Каменки-Днепровской, Запорожской области. Выяснена конструкция стены «Малого акрополя» — ее основанием служила искусственная лессовая насыпь толщиной 0,8 м. Стена шириной 3 м имела два панцыря из крупных известняковых плит и была забутована мелким известняком. Материал, найденный в лессовой насыпи под основанием стены, позволяет датировать сооружение стены II в. до н. э. На территории «Малого акрополя» обнаружены остатки каменной наземной постройки, открытых очагов и мусорных ям позднеэллинистического времени. Среди находок обращают внимание материалы, принадлежащие черняховской культуре (III—IV в. н. э.).

Львовский исторический музей проводил исследования (И. К. Свешников) в селах Звенигороде и Болотном, Львовской области. В различных пунктах у с. Звенигорода раскопаны два погребения позднего этапа культуры ленточной керамики, погребение времени культуры шнуровой керамики и два погребения периода комаровской культуры. Все покойники лежали в скорченном положении и сопровождались глиняной посудой, кремневыми и другими изделиями, характерными для соответствующих культур. Кроме того, там же, а также в с. Болотном, раскопаны 12 погребений липецкой культуры (пять трупоположений и семь трупосожжений в урнах) с сопровождающим инвентарем — бронзовые фибулы, железные поясные пряжки, металлические зеркала, бусы из хрусталия и пасты, глиняные миски, бронзовые иголки, железные шилья и ножи, кусочки румян и др. Найденные предметы позволяют датировать эти погребения временем около I—II в. н. э.

Проводились также исследования двух славянских могильников древнего Звенигорода. Вскрыто 45 погребений, из них 21 детское. Все погребенные лежали в ямах на спине в вытянутом положении, ориентированные головой на запад, с руками вдоль тела. В женских погребениях найдены бронзовые и серебряные височные кольца в виде спирали в полтора оборота, серебряные височные кольца с эсвидно отогнутым концом, бронзовые проволочные серьги.

Экспедиции Государственного Эрмитажа проводили раскопки различных памятников в ряде областей на территории УССР.

В с. Невиско, Станиславской области, исследовались (Г. И. Смирнова) культурные слои липецкой культуры III—IV в. и раннеславянского времени (VIII—IX в.) расположенного здесь многослойного поселения. В слое, относящемся к липецкой культуре, были открыты остатки двух полуzemлянок, нескольких наземных жилищ с глинобитными полами и 12 хозяйственных ям. Собрano много лепной и гончарной керамики, характерной для памятников липецкой культуры, античные амфоры III—IV в., пряслица, грузила и пр. В раннеславянском слое открыто несколько печей, сложенных из каменных плит, и разнообразная керамика.

В Херсонессе продолжались работы (Г. А. Белов) по раскопкам остатков эллинистического здания (конец II в. до н. э.), находившегося под остатками базилики. В юго-западной половине дома находились жилые помещения, а в северо-восточной — кладовые, подвал и погреб. При доме был двор, вымощенный морской галькой. Стены дома оштукатурены, полы глиняные, кровля черепичная. В одном из жилых помещений стоял каменный алтарь и очаг. В доме найдено много посуды местной и привозной, терракотовые статуэтки и глиняная форма для их изготовления, зернотерки, точильные камни, рыболовные керамические грузила и монеты Херсонеса III—II в. до н. э.

Продолжались исследования (М. М. Худяк) городища Нимфея, расположенного у с. Героевки, Крымской области. Закончено раскрытие святилища Афродиты, которое состояло из небольших помещений, мосщеного дворика и ограды. Установлены два строительных периода в жизни святилища — с конца VI в. до н. э. до середины V в. до н. э. и с середины V в. до н. э., по первую половину IV в. до н. э. В отдельных помещениях сохранились остатки очагов культового назначения (глинобитных и представлявших группу обожженных камней). Открыты новые участки оборонительной стены. На верхнем плато городища, у северного склона впервые открыты остатки винодельни II—III в. н. э. (четыре давильные площадки и два резервуара).

Около с. Григоровки, Винницкой области, продолжались исследования (К. В. Дубенская) раннеславянских землянок VIII—IX в. и железоплавильных горнов IX—X в. В двух землянках найдена керамика роменско-боршевского типа (сковородки и сосуды, орнаментированные по краю вдавливами). Открыты остатки еще 5 горнов.

Старшим научным сотрудником Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) Э. А. Сымоновичем, работавшим в составе Скифской степной экспедиции ИИМК АН СССР, были продолжены исследования интересного могильника первой половины I тысячелетия н. э., расположенного у совхоза «Приднепровского» возле с. Гавриловки, Херсонской области. Было вскрыто 32 погребения (19 трупоположений и 13 трупосожжений) с разнообразным инвентарем — фибулами IV в. н. э., лепными и кружальными сосудами, стеклянным кубком и пр. На площади могильника обнаружены также три погребения катакомбного времени, сопровождавшиеся характерными для этого времени соудами.

Запорожским областным краеведческим музеем (В. Ф. Пешанов) вблизи с. Верхней Хортицы, Запорожской области, был раскопан курган с двумя скорченными окрашенными погребениями, которые на основании сопровождавшего инвентаря (глиняная посуда) можно отнести к катакомбному времени.

У с. Заветного, Крымской области, Музеем пещерных городов (Н. А. Богданова) проводились раскопки городища Алма-Кермен и его могильника. Установлено наличие трех культурных слоев — с керамикой кизил-кобинского типа, рубежа нашей эры и III—IV в. н. э. Открыты остатки большого каменного зернохранилища с глиняным полом, на кото-

ром найдены в большом количестве плоская кровельная черепица, обломки рифленых амфор IV в. н. э. и обгорелая пшеница.

На могильнике раскопано 13 грунтовых могил, в которых найдено большое количество красноглиняной и краснолаковой посуды, железные ножи, серебряные и бронзовые зеркала, браслеты, проволочные фибулы, бусы из сердолика, янтаря и стекла и многочисленные золотые предметы (205 штук) — нашивные бляшки, серьги, подвески.

Херсонесский археологический музей продолжал раскопки (С. Ф. Стржелецкий) могильника раннетавровского поселения Уч-Баш X—XII в. н. э. Исследовано 10 каменных ящиков, содержавших по 3 и более скорченных погребений в каждом. Инвентарь погребений — керамические кубки, ожерелья из морских раковин, бронзовые пронизи.

Проводились раскопки усадеб двух клеров эллинистического времени. Открыты части стен, ограждавших усадьбу, остатки каменных жилых и хозяйственных помещений, в которых найдены амфоры, точильные бруски, рыболовные грузила, зерна различных сельскохозяйственных культур (пшеница, ячмень, просо, гречиха и др.).

Кроме раскопок на территории Украинской ССР были проведены многочисленные разведки археологических памятников, расположенных в ее различных районах — на среднем течении Десны, в низовьях Сейма, на Днестре и его притоках, на Северском Донце, Днепре, Роси и ее притоке Рассаве, на трассе Северо-Крымского канала, в низовьях Альмы, в бассейнах рек Качи и Бельбек. В результате этих разведок открыты новые памятники материальной культуры различных эпох.

Проведенные в 1954 г. экспедиционные исследования на территории Украинской ССР обогатили советскую историческую науку многими важными источниками для изучения жизни древнего населения юга Европейской части нашей Родины.

К ВОПРОСУ О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ

М. Я. РУДИНСКИЙ

Первые сообщения о наскальных рисунках Каменной Могилы коснулись вопроса об их возрасте в самом предварительном порядке. В результате исследований в конце 30-х и в начале 50-х годов в освещении его наметилось несколько точек зрения¹. Нам представляется целесообразным, основываясь на данных, полученных в последние годы (1952—1954), пересмотреть их в несколько ином аспекте.

Прежде всего в вопросе о Каменной Могиле необходимо остановиться на одном существенно важном моменте, имеющем первостепенное значение для понимания памятника.

Нами уже несколько раз подчеркивалась исключительность этого выдающегося археологического местонахождения. Среди иных местонахождений с наскальными рисунками в пределах СССР мы не можем указать ни одной полной параллели Каменной Могиле — не только как чрезвычайно своеобразному и сложному комплексу наскальных изображений, но и как неповторимому в смысле необычности оформления памятнику природы наших степей. В геологическом отношении в пределах азовско-причерноморской впадины Каменная Могила представляет собою явление уникальное.

Даже сейчас холм Каменной Могилы, покрытый как бы панцирем из оборвавшихся с его вершины плит и совершенно обособленный среди широкой поймы реки, не может не остановить на себе внимания и не вызвать той или иной догадки о его происхождении².

Тем более необычной и загадочной должна была представляться Каменная Могила различным группам древних обитателей побережий р. Молочной и ее широкой долины, среди которой высился ее холм.

Совершенно очевидно, что это непонятное для них нагромождение камней с узкими щелеобразными проходами, навесами и темными гротами, иной раз далеко идущими в глубь холма, не могло не вызвать у них той последовательной смены представлений, которая свойственна людям примитивного восприятия непривычной обстановки и непонятных для них явлений. От недоумения, настороженности и страха перед необъяснимым

¹ О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, М.—Л., 1941, стр. 126—139; О. М. Бадер, Петроглифи Кам'яної Могили, «Палеоліт і неоліт України», К., 1949, стр. 297—310; В. М. Даниленко, Про наскальні зображення Кам'яної Могили, «Археологія», т. IV, К., 1950, стр. 78—90; М. Я. Рудинский, Каменная Могила, КСИА, вып. 1, К., 1952, стр. 21—30; Он же, Каменная Могила, КСИА, вып. 2, К., 1953, стр. 69—71.

² В этом смысле очень показательно, что даже у такого исследователя, как Н. И. Веселовский, Каменная Могила вызвала мысль о холме искусственном, могиле в узком понимании.

они постепенно переходят к осознанию определенной связи с ним — в одних случаях зависимости и подчинения, в других (как в данном примере, под прикрытием навесов и убежищ под скалами) — защиты и покровительства. В конце концов, они приходят к признанию его скрытой силы и почитанию его среди осознанной и уже привычной обстановки. Так возникает широко известное в этнографии явление почитания камней и так называемой литолатрии.

Не исключено, что именно в этой, многократно повторенной смене представлений о холме Каменной Могилы, приводящей в конце концов, к его почитанию, как месту особого, культового, характера, и следует видеть объяснение того, что наскальные рисунки встречены на Каменной Могиле в таком значительном количестве и в таком разнообразии сюжетов и их стилистического оформления. Несомненно, что они свидетельствуют о разных этапах в истории древнего общества на азово-черноморском юге. Вполне возможно, что в цепи этих исторических эпох некоторые и вовсе не нашли своего отражения в рисунках и начертаниях Каменной Могилы. Тем важнее получить для этого предположения необходимые документы и выяснить, какие же из них «выпадают» из этой цепи и какие должны найти или могут найти в них свое место.

В этой связи, прежде всего, необходимо переоценить верхнюю и, в особенности, нижнюю границу бытования наскальных изображений на плитах Каменной Могилы и задержаться на тех археологических документах о ней, которыми мы располагаем. В настоящее время в нашем распоряжении, кроме материалов с холма Каменной Могилы (наскальные рисунки, полиссуары и комплекс поздненесолитических кремневых орудий), находятся памятники трех эпох: многослойная стоянка у так называемой Красной Горы по ту сторону старицы р. Молочной, нижние горизонты которой относятся к неолитическому времени, курганы и остатки поселений эпохи бронзы, а затем могильники и отмеченные во многих местах вокруг Каменной Могилы культурные остатки сарматской эпохи. В конечном счете, складывается впечатление, что в указанной выше цепи исторических эпох в ближайшем окружении Каменной Могилы не встречены указания на древнейшие эпохи первобытности (палеолит и эпипалеолит), скифскую эпоху и эпоху позднейших кочевий.

Наблюдения последних лет заставляют окончательно отказаться от выдвинутого в конце 30-х годов предположения о том, что на Каменной Могиле мы имеем дело с рисунками палеолитического времени. Не станем задерживаться на изображении так называемого мамонта на потолке грота в северо-западном секторе холма Каменной Могилы и неоправданной апробации его рядом палеонтологов и археологов¹. Мысль о «мамонте», конечно, не могла не отразиться на высказываниях о палеолитическом возрасте некоторых каменномогильских рисунков и увела первых исследователей по столь же неоправдываемому пути разыскания параллелей им в наскальных рисунках памятников капсийского круга².

Чрезвычайно интересная догадка с тем, что в так называемом мамонте следует видеть быка в позе защиты или бодания³, подтвержденная в очень доказательном документе — фотографии изображения, исполненной на месте М. Л. Макаревичем (рис. 1), позволила подойти по-

¹ О. М. Бадер, Петрогліфи Кам'яної Могили, стр. 301; В. И. Громов, И. Г. Пидопличко, П. П. Ефименко, В. А. Городцов, Грдличка, О. Н. Бадер.

² Там же, стр. 304—306, а также О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, М.—Л., 1941, стр. 135—138.

³ Об изображениях мамонта из «Мамонтова грота» на Мелитопольщине, КСИИМК, вып. 2, Л.—М., 1939, стр. 33, 36, рис. 2.

норому к осмыслиению и интерпретации основного комплекса рисунков в «гроте мамонта». Как нам представляется, он свидетельствует о совершенно ином — непалеолитическом — укладе. Позидимому, в изображениях и рисунках так называемого гrotа мамонта отражена уже скотоводческая или земледельческо-скотоводческая форма хозяйства, в кото-

Рис. 1. Центральное изображение животного на потолке так называемого грота мамонта.

рой ведущим хозяйственным животным является бык. В это время о корне еще нет речи. Он появится позже.

Кроме фигуры быка в позе защиты или бодания, которая является изображением центральным (и, между прочим, несопоставимо большим

Рис. 2. Рисунки на карнизе северной стороны так называемого грота мамонта.

по размерам, чем изображения иных животных), на потолке грота зафиксирована развернутая картина мирного скотоводческого характера, в которой можно различить три группы изображений: группу животных, спокойно идущих одно за другим как-бы на водопой, группу четырех быков и телок, обернувшихся рогами в разные стороны и ставших в позицию обороны против угрожающего врага, и группу изображений, в которой среди начертаний, не вполне поддающихся осмыслинию — представлен «колдун», стоящий с поднятыми руками в позе заклинателя, а рядом — изображение «волка» (? врага домашнего скота) или «собаки» (? охраняющей этот скот) ¹. Вдоль северного карниза грота, под узкой полосой геометрического орнамента, нанесена очень сложная композиция (или, быть может, даже две отдельные композиции) с фигурами животных (собаки ?, двух лошадей ?), как бы находящихся в ограждении (рис. 2).

¹ О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках грота в Приазовье, МИА № 2, М.—Л., 1941, стр. 129—132, рис. 1—3 и 4.

Вблизи «грота мамонта», среди нагромождения камней над северным склоном холма Каменной Могилы, обнаружена отдельная небольшая плита (№ 40) с прочерченным рисунком животного среди зарослей (?) или ограждения (?), исполненным в ином стиле и в иной технической манере, чем указанные выше изображения быков и других животных на потолке грота (углубленный силуэт). И все же оно относится к тому же времени — осознания значения быка в хозяйственной деятельности первобытного общества (рис. 3).

Не исключено, что именно это изображение с наибольшим основанием можно было бы отнести к эпохе развитого и позднего неолита.

Рис. 3. Изображение животного на плите № 40.

Нельзя в этой связи не указать, что раскопки нижних слоев неолитической стоянки у Красной Горы дали костные остатки быка с признаками одомашнения¹.

Изображения на потолке грота не были затронуты иными рисунками, между прочим, указанными композициями с фигурами собаки (?) и коней, свидетельствующими о более позднем времени. Для нанесения их были использованы другие плошади — карниз северной стороны грота и его юго-восточная стена. В этом нельзя не видеть указания на то, что так называемый грот мамонта, возможно, продолжал быть местом культа быка и на значительном протяжении последующей эпохи, в хозяйстве которой видное место занял конь.

Очевидно, именно к этой эпохе меди и бронзы, так широко представленной в окружении Каменной Могилы могильными памятниками родовых групп и остатками их селищ, должна быть отнесена значительная часть ее наскальных рисунков.

При чрезвычайном многообразии наскальных изображений и начертаний Каменной Могилы в настоящее время еще очень трудно определить те характерные черты стиля, манеры и техники исполнения, которые позволили бы оценивать те или иные группы рисунков в определенных хронологических рамках. И все же такие группы в какой-то мере начинают вырисовываться.

Наиболее целостной, единой в смысле технического оформления начертаний является группа плит, оборвавшихся от навеса-грота на северном склоне холма Каменной Могилы (местонахождение 5, плиты № 6, 7 и 38). «Сюжетами» в этой группе плит являются неровности по-

¹ В. Н. Даниленко. Стратиграфия первой стоянки Каменной Могилы. Отчет о раскопках 1947 г. Рукопись находится в Институте археологии АН УССР, ф. эксп. № 2027, стр. 61 и сл.

роды и рельефные образования на нижней поверхности плит, покрытые рядами густо прочерченных линий. В большинстве случаев они имеют чисто орнаментальный характер. Исключениями из этих «бессюжетных» начертаний является рельефный стелообразный выступ на нижней поверхности плиты № 7¹. Начертания этого типа не находят соответствую-

Рис. 4. Начертания на плите № 17.

щих аналогий в других комплексах рисунков Каменной Могилы, как и в петроглифах иных территорий².

Столь же отчетливо выраженную и единую в смысле общности основных элементов композиции представляет группа плит у подножия западного склона холма Каменной Могилы (плиты № 17—24). Ее характеризует развитие геометрических форм, среди которых особо выделяются фигуры треугольников и ромбов³. В группе этих плит необходимо подчеркнуть значимость рисунков на плите № 17, одной из самых интересных в смысле четкости и продуманности отдельных геометрических элементов. Они дают основания рассматривать их как первые на Каменной Могиле попытки на пути оформления образного письма (рис. 4).

¹ М. Я. Рудинский, Каменная Могила, КСИА, вып. 1, стр. 29, рис. 10.

² Мы не располагаем надлежащим количеством изображений и начертаний, которые можно было бы принять без оговорок за рисунки неолитических обитателей Каменной Могилы, но, кажется, часть этих рисунков может быть приписана им (кроме только что указанных, очень интересны начертания на плите № 4 у подножия северного склона холма).

³ М. Я. Рудинский, Каменная Могила, КСИА, вып. 1, стр. 25, рис. 3 и 4.

Наскальные изображения на группе плит № 25—28 в юго-западном секторе подножия Каменной Могилы объединены тематикой сложившегося культа солнца. В рисунках того же стиля и той же техники, как и на юго-восточной стене «грота мамонта», отмечена вся основная символика солярного круга представлений: солярные знаки различных форм, колесница, трактованная в горизонтальной проекции, конь. Особенностью данного комплекса рисунков является большое количество изображений животных, вообще редко встречающихся в комплексах этого типа. Изображения быка полностью отсутствуют. Главное место отведено коню. Перед нами — эпоха освоения коня. Однако, ряд изображений его по сти-

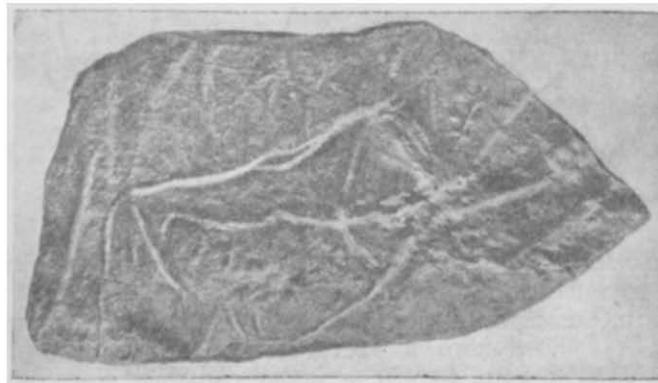

Рис. 5. Изображение коня на плите № 51.

лю не вяжется с общим ансамблем рисунков. В нем были бы более на месте такие изображения, как кони на карнизе в «гроте мамонта» или фигура коня, обнаруженная нами в нишебразном углублении плиты № 51 (рис. 5). Вообще с рисунками на плитах № 25—28 не все ясно. Возможно, что это памятники двуслойные. Мастерски выполненные изображения коней на плите № 26 или подлинно реалистическое изображение скачущей и ржущей кобылицы на плите № 28¹, повидимому, относятся к иной эпохе, более поздней.

Вместе с тем непосредственно возле указанного изображения кобылицы находится рисунок следа обутой в сандалию ноги — изображение, почти обязательное в наскальных рисунках эпохи поздней бронзы Южной Швеции, Готланда и других областей.

На этом нам представляется возможным закончить обозрение наскальных рисунков эпохи бронзы. Следует указать, что и на южном и на восточном склонах холма Каменной Могилы не обнаружено ни одной группы изображений, которые можно было бы безоговорочно связать с эпохой бронзы.

На Каменной Могиле мы не находим никаких следов скифской культуры. Нужно сказать, что и за пределами широкой долины р. Молочной скифская культура проявлена в крайне ограниченном количестве памятников, главным образом, могильных. Совершенно иная картина наблюдается в сарматскую эпоху.

В ближайших окрестностях Каменной Могилы создаются обширные могильники, свидетельствующие о прочном освоении этой территории сарматскими племенами. Наши раскопками на восточном склоне холма Каменной Могилы было раскрыто два интересных археологических объекта сарматского времени: кенотаф с типичным инвентарем в северном секторе его (1952 г.) и часть жилищного комплекса с полуzemляночным сооружением в южном конце холма (1954 г.).

¹ М. Я. Рудинский, Ук. раб., стр. 26, рис. 6.

Нет никакого сомнения, что холм Каменной Могилы привлек к себе внимание местного [оседлого, как мне это представляется] сарматского населения, которое и оставило на нем значительные следы в своеобразных комплексах наскальных изображений, отличающихся от иных ка-

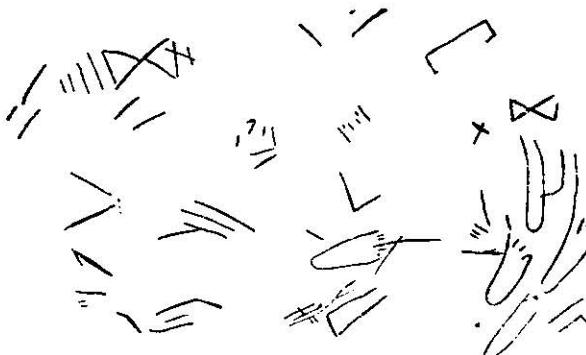

Рис. 6. Рисунки на плите № 49.

менномогильских рисунков. К числу их следует отнести исключительно интересные группы изображений следов босой человеческой ноги, самых разнообразных размеров и форм, среди линейных начертаний геометрического и растительного характера (плиты № 34, 34-в, 43, 49), а также сложные композиции из крупных элементов растительного характера, в которых нет ни изображений животных, ни строго геометрических фигур (плиты № 37, 46, 47). Исключением является композиция на плите № 49 у подножия северо-восточного склона холма Каменной Могилы, в которой изображения следов босой человеческой стопы комбинируются с геометрическими начертаниями (рис. 6).

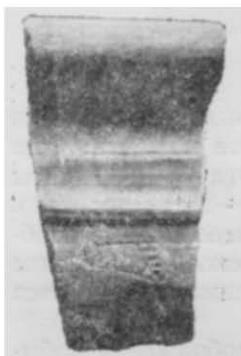

Рис. 7. Фрагмент сероглиняного сосуда римской эпохи, найденный А. В. Бодянским в порожистой части Днепра у с. Звонецкое на Днепропетровщине.

Не следует упускать из виду, что сарматская культура, и особенно на приазовском юге, развивается во взаимосвязи с культурой античных городов Причерноморья, испытывавших в это время сильное влияние Рима. Быть может, не безинтересно в этой связи вспомнить о широком распространении изображения следа человеческой ноги в римское время, в частности, в орнаментике (и в клеймах) керамических изделий первых веков н. э.¹ (рис. 7).

Последующие времена бурной эпохи великого переселения народов и позднейших кочевий, за отдельными и непоказательными исключениями, не оставили на Каменной Могиле своих следов. Повидимому, в вопросе о начертаниях Каменной Могилы это следует особо подчеркнуть и поставить в неразрывную связь с вопросом о прочной оседлости одних племен и народностей и о кочевьях других: кочевники не связали себя с Каменной Могилой и ничем себя не проявили. Так, по крайней мере, мы можем говорить сегодня.

¹ T. Knipowitsch, Die Keramik römischer Zeit aus Olbia, Frankfurt a. M., 1929, Ss. 9, 16, 30, 36; Taf. VIII, IX.

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПЛИТАХ КРОМЛЕХА ИЗ КУРГАНА у с. ВЕРБОВКИ

(в связи с наскальными изображениями Каменной Могилы)

А. А. ФОРМОЗОВ

Археологические исследования на строительстве Молочанского водохранилища вновь привлекли внимание к одному из интереснейших памятников прошлого Украины — Каменной Могиле и ее наскальным изображениям. Работы О. Н. Бадера¹, В. Н. Даниленко² и М. Я. Рудинского³ дают достаточно полное представление о характере этих изображений, но в высказываниях названных авторов наблюдаются значительные расхождения по вопросу о возрасте отдельных рисунков.

Это объясняется тем, что нам еще очень мало известны другие древние изображения на камне из Украины и ближайших территорий. Между тем, такие изображения несомненно были распространены достаточно широко. Так например, в своей сводке по археологии Херсонщины В. И. Гошкевич указывает на семь пунктов, где имеются камни с изображениями⁴. Из них особенно интересен камень с круглыми ямками и знаками, стоявший среди курганов у д. Размарцицыной. На Тилигульском лимане у с. Петровки Е. Ф. Лагодовской исследовано погребение в каменном ящике, на двух плитах которого были вырезаны чащевидные углубления, соединенные канавками⁵. Общеизвестны «стелы» из Усатовских курганов⁶. Впрочем, в отношении их нет уверенности в одновременности изображений на плитах известняка с погребениями, так как плиты найдены в кромлехе разбитыми, а изображения на плите из кургана № 3 разностильны (плоский рельеф и гравировка), причем рисунки разного стиля ориентированы на плите по-разному. Возможно, при сооружении кромлеха были использованы плиты с изображениями более древнего возраста. Не останавливаясь на рассмотрении антропоморфных стел из Причерноморья, упомянем также интересную стелу из под Симферополя, отмеченную в свое время А. Тальгреном⁷. Это плита с выбитыми изображениями на двух поверхностях и трех торцовых

¹ О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, М.—Л., 1941.

² В. М. Даниленко, Про наскальні зображення Кам'яної Могили, «Археологія», т. IV, К., 1950.

³ М. Я. Рудинский, Каменная Могила, КСИА, вып. I, К., 1952.

⁴ В. И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии, Херсон, 1903, стр. 7, 21, 25, 27, 30, 31.

⁵ О. Ф. Лагодовська, Археологічна подорож до с. Курисово-Покровське, Вісник Одесської комісії краєзнавства, ч. 4—5.

⁶ О. Ф. Лагодовська, Проблеми усатовської культури, Наукові записки Інституту історії і археології АН УРСР, т. I, Уфа, 1943.

⁷ А. М. T allgren, La Pontide préscythique, ESA, т. II, Гельсники, 1926.

сторонах. Нижняя часть плиты, лишенная изображений, как и прилегающий торец, очевидно, зарывалась в землю. На верхнем торце выбиты чашевидные углубления, возможно, служившие для возлияний. На плоскостях изображены фигуры людей и ряд топоров. Изображения, находящиеся на одной стороне плиты, изданы А. Тальгреном. Мы даем рисунок другой стороны (рис. 1).

Таким образом, в Причерноморье обнаружены различные виды изображений из камня и на камнях: стелы, вероятно надмогильные (Ново-Филипповка, Натальевка, «каменные бабы» из Тиритаки, стела из Бахчи-Ели под Симферополем, камень близ курганов у д. Размарицкой), рисунки на плитах погребальных каменных ящиков (Петровка), наскальные изображения. Дальнейшее накопление материалов о памятниках этих типов даст, вероятно, основание для датировки наскальных изображений Каменной Могилы. Пока что таких данных у нас еще очень мало.

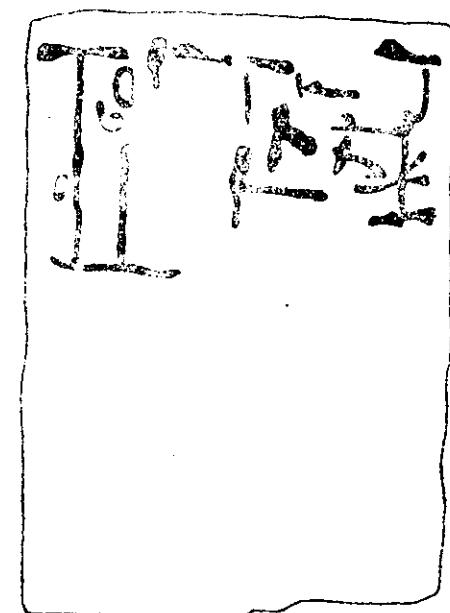

Рис. 1. Каменная стела из Красной Горки (б. Бахчи-Эли) под Симферополем.

стяных шейных привесок в виде резные изображения, которые были им сфотографированы. Три фотографии, изданные в его отчете, не дают возможности судить о характере изображений, однако в фотоархиве ЛОИИМК сохранилось пять негативов (№ 42535—42539), отпечатки с которых дают довольно ясное представление о рисунках на шести плитах. Три фотографии публикуются здесь (рис. 2—4).

На плитах № 14 и № 15² видны широкие вертикальные полосы из зигзагообразных начертаний (рис. 2). На плите 16 изображены, повидимому, две схематические фигурки людей, выполненные гравировкой (?). Плиты 18 и 20 (рис. 3 и 4) покрыты наиболее интересным орнаментом—вертикальными полосами из смыкающихся вершинами ромбов, в которые вписано по два ромба, а в меньшем из них проведены диагонали, образующие крест. Наконец, на плите 22 (рис. 4) имеется только узкая полоса из ординарных смыкающихся ромбов.

Изображения на плитах из Вербовки несомненно относятся ко времени сооружения кургана, который можно отнести к ямной культуре.

¹ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ., в 1905 г., ИАК, в. 20, СПБ, 1906, стр. 12—15, рис. 16—18.

² Нумерация А. А. Бобринского.

В настоящей заметке представляется целесообразным опубликовать рисунки на плитах кромлеха из кургана эпохи бронзы, обнаруженные А. А. Бобринским в 1905 г. в Чигиринском уезде, Киевской губернии¹. Им был осмотрен любительски раскопанный курган вблизи с. Вербовки, где был раскрыт кромлех из 29 плит, внутри которого, по словам раскопавших его, «было найдено несколько истлевших человеческих скелетов, обломки глиняной посуды с геометрическим орнаментом и несколько мелких маленьких трубочек». На 17 плитах А. А. Бобринский обнаружил

три фотографии, изданные в его отчете, не дают возможности судить о характере изображений, однако в фотоархиве ЛОИИМК сохранилось пять негативов (№ 42535—42539), отпечатки с которых дают довольно ясное представление о рисунках на шести плитах. Три фотографии публикуются здесь (рис. 2—4).

На плитах № 14 и № 15² видны широкие вертикальные полосы из зигзагообразных начертаний (рис. 2). На плите 16 изображены, повидимому, две схематические фигурки людей, выполненные гравировкой (?). Плиты 18 и 20 (рис. 3 и 4) покрыты наиболее интересным орнаментом—вертикальными полосами из смыкающихся вершинами ромбов, в которые вписано по два ромба, а в меньшем из них проведены диагонали, образующие крест. Наконец, на плите 22 (рис. 4) имеется только узкая полоса из ординарных смыкающихся ромбов.

Изображения на плитах из Вербовки несомненно относятся ко времени сооружения кургана, который можно отнести к ямной культуре.

Эта датировка основывается, во-первых, на находке в кургане костяных трубочек-украшений, которые хорошо известны в ямных погребениях¹, во-вторых, на том, что в ближайшем кургане № 3 Бобринский нашел

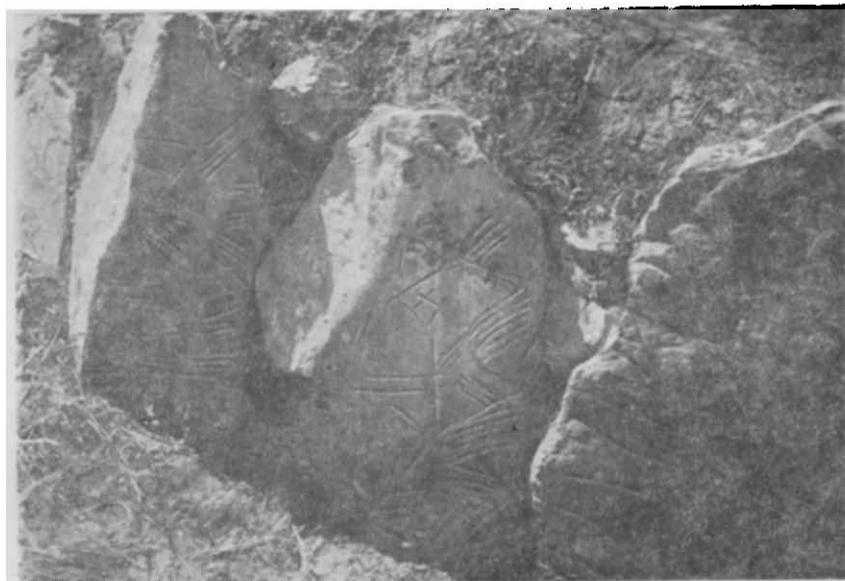

Рис. 2. Плиты 13—15 кромлеха кургана у с. Вербовки.

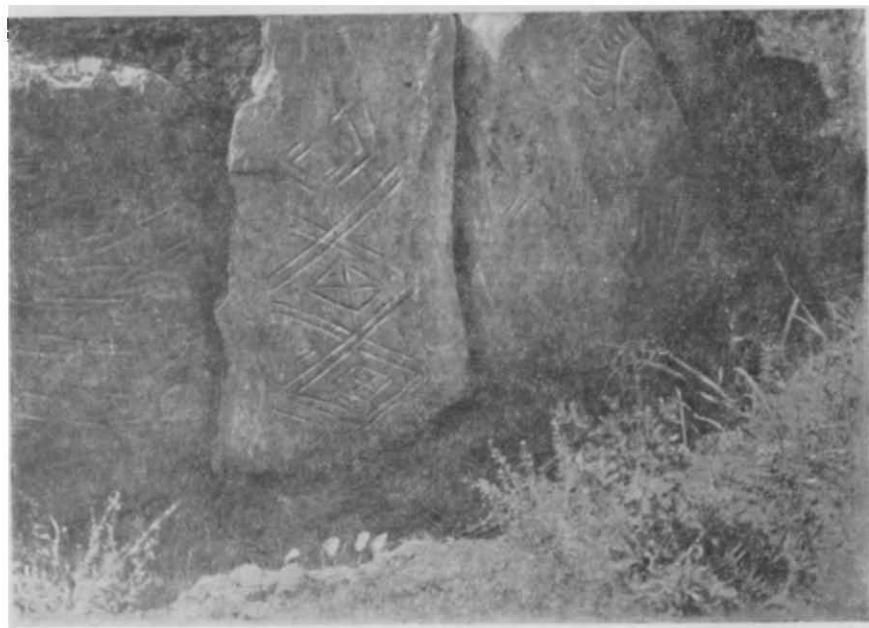

Рис. 3. Плиты 16—19 кромлеха кургана у с. Вербовки.

кремневые треугольные наконечники стрел ямного типа. Курган № 3 вполне аналогичен раскопанному кургану № 1, в нем также был обнаружен кромлех.

Изображения на плитах из кургана у Вербовки заставляют вспом-

¹ См., например, Ф. А. Браун, Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г., ИАК, вып. 15, СПБ, 1906.

нить рисунки на Кавказских дольменах. Аналогичные зигзагам на плитах Вербовского кургана многочисленные вертикальные полосы из зигзагов мы видим на дольменах из ст. Шапсугской и Адербиевской. На последнем дольмене есть также полоса из смыкающихся вершин треугольников, сходная с изображением на плите 22 из Вербовки¹. Эти аналогии не случайны. Общее с некоторыми кавказскими изображениями

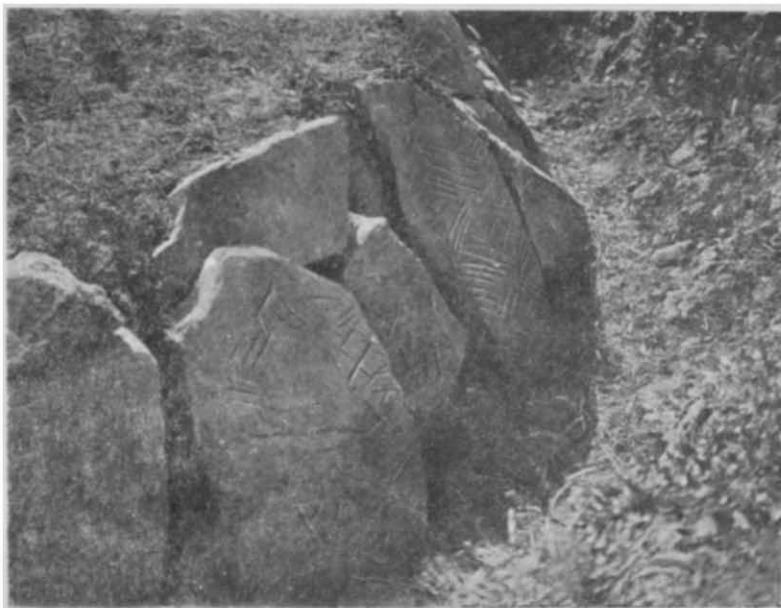

Рис. 4. Плиты № 19—22 кромлеха кургана у с. Вербовки.

найдется и при рассмотрении наскальных рисунков Каменной Могилы. На это указывает и сопоставление отдельных изображений Каменной Могилы с рисунками на скале близ ст. Самурской на р. Пшехе². На ряде дольменов Кавказа, как и на других северопричерноморских памятниках³ встречаются чашевидные углубления. Наконец, изображения человеческих столп на Каменной Могиле также перекликаются с Кавказом. На одном из дольменов у ст. Новосвободной (б. Царской) нам пришлось, видеть углубленное изображение человеческой столпы⁴.

Эти параллели свидетельствуют о том, что изображениям Каменной Могилы надо искать объяснение в местной причерноморской среде, не прибегая к аналогии с изображениями Северной Африки, Испании и других удаленных районов.

¹ Е. Д. Фельцини, Западно-Кавказские дольмены, МАК, вып. IX, М., 1904, рис. 15.

² В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия по Закубанью, МАК, вып. IX, табл. XVII; О. Н. Бадер, Ук. раб., рис. 5 и 8.

³ А. Лещенко, Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західному Кавказі, «Антropологія», IV, К., 1931.

⁴ Интересно, что в 82 главе своей «Истории» Геродот отмечал такую достопримечательность Скифии: «у реки Тирас показывают отпечаток ступни Геракла в скале: он похож на след человека, но и длину имеет два локтя». См. В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1947, № 2, стр. 274. Неважно, было ли это выбитое людьми изображение, или естественное углубление на камне причудливой формы, — существенно то, что в эпоху раннего железа население Причерноморья почитало изображение следа местного героя.

КУРГАН РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА у с. ПЕРВОМАЕВКИ НА ХЕРСОНЩИНЕ

В. И. КЛИНВЕЦ

Вблизи с. Первомаевки, Верхнерогачикского района, Херсонской области, в долине небольшой речки, впадающей в левобережный Нижнерогачикский лиман, и на окружающих возвышенностях находится несколько групп курганов различного времени¹. В 1954 г. автором производились раскопки кургана, расположенного на левом берегу речки на прежней территории села и приблизительно в 2 км к северо-востоку от современной Первомаевки. Высота кургана 1,85 м, первоначальный диаметр насыпи около 30 м. Северный склон несколько круче южного. В результате вырытия земли для насыпи вокруг кургана возник кольцевой ров, первоначально достигавший глубины 0,80 м.

В центре кургана в насыпи на глубине 1,20 м от вершины находилось впускное погребение кочевника, вероятно, половца. Могильная яма, размером приблизительно 2,20×1,20 м, имела деревянное перекрытие, заваленное сверху камнями. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на ЗСЗ. Слева от скелета на одном с ним уровне лежали кости ног и череп лошади с железными удилами. На левой стороне таза обнаружено огниво, а над скелетом в завале камней — железный нож.

На горизонте в северном и западном секторах кургана найдены обломки сосудов с покрытой расчесами поверхностью и обычным для древнеямного или раннекатакомбного времени профилем венчика, а в восточном секторе — обушковая часть каменного просверленного шлифованного топора.

В центре кургана, несколько южнее впускного погребения, начиная с глубины 0,40 м, наблюдались признаки нарушения насыпи — очевидно, следы грабительского хода. Здесь обнаружены фрагменты керамики, аналогичной описанной выше, и небольшие комки красной охры. Ниже, на горизонте, лежали рядом 3 обработанные известняковые плиты, из которых средняя перекрывала могильную яму прямоугольной в плане формы, размерами 1,20×0,80 м и глубиной около 1 м, ориентированную по длинией оси ЗЮЗ—ВСВ (рис. 1).

Две плиты — средняя и южная — ориентированы подобно могильной яме, северная, очевидно, сдвинутая с первоначального места, имела ориентировку С—Ю. В яме костей и инвентаря не оказалось, но в заполнении сохранились следы красной охры. Небольшие размеры ямы

¹ В 1953 г. В. А. Ильинской, Г. Т. Титенко и Е. А. Петровской были исследованы семь курганов, расположенных на правом берегу речки. В одном из погребений катакомбного времени найдена антропоморфная стела.

свидетельствуют о том, что она предназначалась для скорченного погребения. Ряд признаков, о которых говорилось выше, дают основание предполагать ограбление этой могилы.

Плита, покрывавшая могильную яму, представляет собой антропоморфную стелу (рис. 2). В камне схематически переданы голова, закругленные плечи и нерасчлененное туловище. Нижняя часть стелы более узкая, чем верхняя, не симметрична и почти не обработана. Обе стороны плоские, без каких-либо изображений. Длина 1,63 м, ширина 0,73 м, толщина 0,25 м.

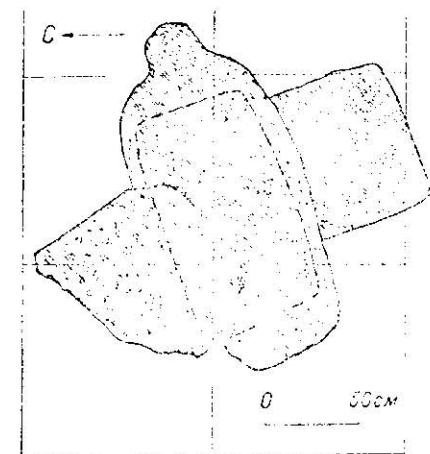

Рис. 1. План могильной ямы и перекрытия основного погребения.

других найденных в кургане плит особенно тщательной обработкой поверхности. Длина 0,72 м, ширина 0,56 м, толщина 0,21 м.

Плита, лежавшая севернее, имеет неправильную пятиугольную в плане форму; обе стороны плоские, верхние боковые грани отесаны. На одной стороне имеются длинные желобки, вероятно, естественного происхождения. Длина 1,15 м, ширина 0,92 м, толщина 0,20 м.

Третья плита, лежавшая южнее, имеет правильную четырехугольную в плане форму, хорошо отесанные грани и отличается от

других найденных в кургане плит особенно тщательной обработкой поверхности. Длина 0,72 м, ширина 0,56 м, толщина 0,21 м.

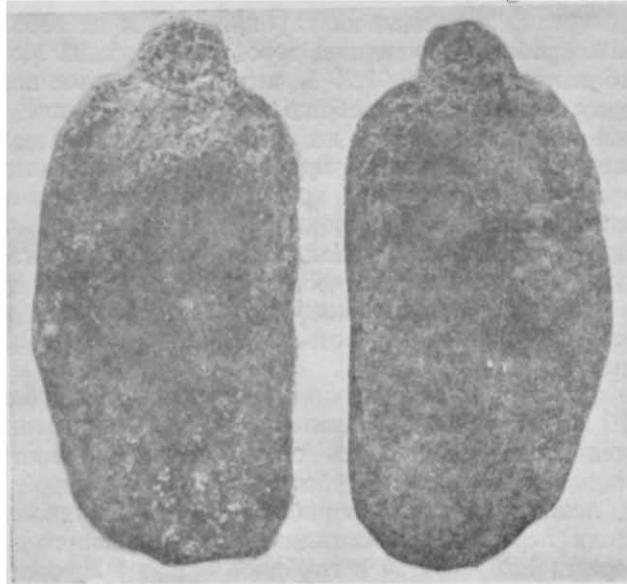

Рис. 2. Антропоморфная стела.

Ближайшей аналогией описанному памятнику является курган № 52 у с. Белозерки около Херсона¹. В обоих курганах антропоморфные стелы, близкие по форме и размерам, служили надмогильными плитами. Можно также думать, что устройство могилы и обряд погребения в

¹ Г. Л. Скадовский, Дневник Тр. VIII АС, т. III, стр. 159—160, табл. VII, 2, VIII.

обоих случаях были сходными (захоронение в обычных ямах, скрученное положение костяков, следы окраски охрой). К этой же группе антропоморфных стел можно отнести плиту, найденную над древнеямным погребением у с. Ново-Филипповки под Мелитополем¹.

Каменные изваяния из Белозерки, Ново-Филипповки и описанная выше стела из Первомаевки выполнены в сходной манере, вероятно, относятся к одному времени и могут быть связаны с населением древнеямной и раннекатакомбной культур. Новая находка у Первомаевки является еще одним свидетельством того, что антропоморфные стелы связаны с погребальным культом и были известны на территории Украины уже в раннюю пору бронзового века.

¹ А. И. Тереножкин, Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водокранника, КСИА, вып. I, К., 1952, стр. 26.

КАМЕННАЯ СТЕЛА ИЗ с. ПЕРВОМАЕВКИ

Г. Т. ТИТЕНКО

Летом 1953 г. в кургане № 7, около с. Первомаевки, Верхнерогачинского района, Запорожской области, была найдена антропоморфная стела¹.

Высота кургана 80 см, диаметр 17 м. Под курганом вскрыто шесть разновременных погребений эпохи бронзы: два центральных дрезнейм-

Рис. 1. Каменная стела из с. Первомаевки.

ных (№ 6 и № 7), одно ямно-катаомбное (№ 2); катаомбное (№ 5) и два срубных (№ 1 и № 4).

Стела найдена над погребением № 2 в северо-восточной части кургана. Могильная яма овальной формы была ориентирована с ССЗ на ЮЮЗ. Размеры ее 3,3×2,3 м при глубине 1,7 м. Стела изготовлена из плоской плиты трапециевидной формы небольшой толщины (10 см). Высота ее 52 см, ширина вверху 21 см, в нижней части — 29 см. Материал — ракушечный известняк.

Стела изображает антропоморфную фигуру (рис. 1), выполненную

¹ Раскопки производились Первомаевским отрядом Никопольско-Гавриловской экспедиции (начальник отряда — В. А. Ильинская).

в технике плоского рельефа. Голова ее оформлена в виде округлого выступа, охваченного вокруговую глубоким желобком, на котором небольшими углублениями обозначены глаза и рот, а широким выступом — нос. Рельефно, в виде треугольника, очерчена нижняя часть лица. По обеим сторонам головы намечены плечи. Руки изображены не только спереди, но и сбоку, от плеча до локтя. В локтях они согнуты и сложены над животом. Кисти рук обозначены слабо, грудь показана едва заметными небольшими округлыми выступами. Расширяющееся книзу и срезанное в одном углу наискось основание стелы оставлено без дополнительной обработки и предназначалось, повидимому, для установки на земле. На обратной стороне стелы рельефно показаны только обе лопатки.

Стела лежала на боку так, что нижний конец ее находился на краю ямы, а верхний в яме.

Следует, указать, что при расчистке могильной ямы в северной ее части найдены еще два небольших обломка известняка той же породы со следами обработки. В яме найдены истлевшие остатки скелета ребенка. Сохранились только лопатка, локтевая кость и фаланги пальцев руки. Положение погребенного выяснить не удалось, можно лишь отметить, что он, очевидно, был ориентирован головой на северо-запад. В головах у погребенного стоял небольшой сосуд, имеющий вид широко открытого горшка с прямым невысоким венчиком, выпуклыми боковыми стенками и плоским дном. Высота сосуда 9 см, диаметр венчика 9 см, туловища 11 см, дна 6 см. На месте грудной клетки лежала костяная проколка — обломок кости с заостренным концом, длиной 8,3 см.

В юго-восточной части ямы лежали сложенные в кучку кости ступни и пять копытцев, принадлежавших, по определению И. Г. Пидопличко, козе или овце.

Наиболее близкой аналогией к описываемой стеле являются стелы, обнаруженные в Тиритаке близ Керчи, где они найдены в качестве строительного материала в кладке здания, относящегося к VI—IV в. до н. э.¹. Подобно первомаевской, эти стелы выполнены в технике плоского рельефа и отличаются от нашей стелы размерами (длина одной стелы из Тиритаки 1,4 м, другой 1,28 м), а также и положением рук. Датируются стелы доскифским временем².

К Первомаевской стеле близка и стела из погребения у с. Капустино на Тилигульском лимане. Подобно первомаевской она найдена при детском погребении. Обе стелы небольшого размера, выполнены в сходной манере. Тилигульская стела с нашей точки зрения ошибочно датируется Э. А. Сымоновичем слишком поздним временем — первой половиной I тысячелетия до н. э.³.

Возраст погребения и сопровождавшей его стелы из кургана у с. Первомаевки определяется в данном случае не столько по обряду погребения, ввиду его плохой сохранности, сколько по сосуду, найденному в могиле. Сосуд имеет форму, характерную для катакомбной культуры, в то время, как отсутствие орнамента, а также расчесы на поверхности сосуда являются характерными для древнесямной культуры. Очевидно, погребение и стелу следует связывать с ямно-катакомбной культурой.

¹ Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, Раскопки юго-западной части Тиритаки, МИА, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 38—39, рис. 50, 51.

² В. Г. Гайдукевич, Боспорские города Тиритака и Мирмекий, ВДИ, № 1, 1937, стр. 221.

³ Э. А. Сымонович, Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане, КСИА, вып. 3, К., 1954, стр. 81 и сл.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ТИРЕ

Е. В. МАКСИМОВ

Город Белгород-Днестровский пережил, как известно, несколько исторических эпох. Перекрывающие друг друга напластования культурных остатков по мере их раскрытия освещают историю Тиры и существовавших затем на ее месте Белгорода, Четати-Албы и Аккермана.

Несомненно, однако, что не только эллины, славяне, молдаване и

Рис. 1. Остатки двух печей и стены первых веков нашей эры.

турки, давшие имени этому городу, но и другие народы оставили здесь следы своего пребывания; прежде всего это относится к эпохе великого переселения народов, когда по этим местам проходила торная дорога, ведущая с востока на запад.

Памятники первых веков нашей эры в Белгороде-Днестровском известны пока недостаточно, в связи с чем каждое открытие новых материалов этого времени представляет определенный интерес.

В 1953 г. Измаильская экспедиция Института археологии АН УССР¹ обнаружила под слоем земли, выброшенной из рва турецкой крепости, на глубине 2,1 м от современной поверхности, остатки двух печей, примыкавших с севера и юга к мощной каменной стене (рис. 1) первых веков

¹ Экспедицией руководила А. И. Фурманская, в работах принимали участие научные сотрудники Р. И. Ветштейн, Е. А. Петровская, Е. В. Максимов и чертежник В. А. Довганюк.

нашей эры — на эту дату указывают особенности кладки и сопровождающий археологический материал.

Большая печь находилась к северу от стены. От нее сохранился под круглой формы диаметром 1,5 м, выложенный из плоских черепиц и их фрагментов, а также несколько (2—3) рядов крупных камней (40×20×15 см), служивших основанием, повидимому, глинобитных стенок печи. Устье находилось в северной части печи.

На двух черепицах имеются клейма керамической мастерской в виде прямоугольного углубления (4×9 см), в котором размещались буквы надписи LEGMAC (буквы М и А соединены). Все буквы выпуклые, высота их 1,5—2 см, верхняя половина надписи оттиснута плохо (рис. 2). При расчистке печи найдены обломки керамики, в том числе амфорной, первых веков нашей эры.

Другая, меньшая печь примыкала к стене с юга. От нее сохранились: под прямоугольной формы размером 1×0,9 м, довольно крупные камни, размещенные по контуру пода, служившие основанием глинобитных стенок печи, и нижние части этих стенок толщиной 5—7 см. Расположение остатков стенок позволяет утверждать, что устье находилось в западной части печи. Под выложен из толстых (4 см) кирпичей прямоугольной формы — ширина их 14 см, длина 34 (2 шт.), 23 (3 шт.) и 19 (3 шт.) см, нескольких обломков черепицы (такой же, как и в первой печи) и камней, уложенных в тех местах, где кирпичи были выщерблены, а также на периферии пода. На обломке одного из кирпичей прочерчено изображение кормовой половины корабля (рис. 3).

На полу обнаружено 5 сосудов, обломки лепной и кружальной, в том числе амфорной, керамики первых веков нашей эры, куски глинобитных стенок печи с отпечатками прутьев, золы и угля.

Из пяти сосудов лишь один был сделан на круге. Это — сероглиняный одноручный кувшин с круглым туловом и кольцевой ножкой (рис. 4, 5). Верхняя часть туловища украшена шестью широкими полосами пролошенных линий — четыре из них сходятся попарно у горла, две других — вертикальны. Два небольших (высота 13 и 11,5 см) горшка и светильник из грубой глины, имеющей перемычку и ручку-отросток, высокая (8 см) миска с желобком под краем, сделанная более тщательно (рис. 4, 1—4) — все эти сосуды, как и кувшин, могут быть отнесены к первым векам нашей эры: аналогичная, датированная ком-

Рис. 2. Клеймо на черепице из пода большой печи.

Рис. 3. Изображение корабля на обломке кирпича из пода меньшей печи.

плексами, керамика встречается в Северном Причерноморье — на городищах низового Днепра¹, в Ольвии, в городах Боспора², в могильниках и отдельных погребениях на Юге³. Посуда эта имеет определенную близость к керамике, которой пользовались сарматы⁴.

Некоторым основанием для более точной датировки печей могут послужить черепицы с клеймом LEGMAC, принадлежащим V Македонскому легиону. Неоднократно находимые надписи и клейма этого легиона⁵, лагерь которого во II в. н. э. был близ устья Серета — в Трэзмисе, свидетельствует о том, что и в состав тирского гарнизона, вероят-

Рис. 4. Сосуды, находившиеся на полу меньшей печи.

нее всего при Антонинах, входили части V Македонского легиона. Известно, что в правление Марка Аврелия, в 167—168 гг. V Македонский легион оставил свой лагерь в Трэзмисе и был переброшен в Дакию, в связи с чем римские войска, естественно, были выведены из Тиры.

Печи, в конструкцию которых входили черепица и кирпич, взятые с пришедшего в негодность или разрушенного здания, могут быть датированы временем более поздним, чем уход римского гарнизона, т. е. концом II, началом III в. н. э. — последняя дата согласуется со сведениями о нашествии готов, захвативших Тири в 235 г. Возможно, об этом же свидетельствуют и обнаруженные возле печей следы какого-то большого пожара.

Аналогий изображению корабля, сделанному на одном из кирпичей еще по сырой глине, нам найти не удалось. Повидимому, это изображе-

¹ А. И. Фурманская, Отчет об археологическом исследовании участка «В» Золотой Балки в 1952 г., стр. 6, табл. XIV; 10. Отчет сохраняется в архиве Института археологии АН УССР.

² Т. Н. Книлович, Танаис, М.—Л., 1949, рис. 33 и 56; Е. Г. Кастанаян, Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, МИА, № 25. М.—Л., 1952, рис. 39, 2; 46, 2.

³ М. И. Вязьмина, Сарматские погребения у с. Ново-Филипповки, «Вопросы скифо-сарматской археологии», Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 220—244.

⁴ Там же, табл. II, 37; III, 6.

⁵ G. Stefan. Nouvelles découvertes dans le «castellum» romain de Barbosi, Dacia, V—VI, Bucuresti, 1938, стр. 341—342; две надписи из Тиры опубликованы, см. P. Nicorescu, Fouilles de Tyras, Dacia, III—IV, Bucarest, 1933, стр. 569—570; несколько неопубликованных клейм находятся в Белгород-Днестровском краеведческом музее (№ А 1225, 3935, 3936, 3937, 3941).

ние связано с фактом пребывания в Тире моряков римской ~~воинской фло-~~
тилии, поддерживавшей сухопутные войска в этой области¹.

Особенности устройства корабля, изображенного весьма ~~схематично~~,
все же дают основания считать, что на кирпиче нарисована ~~украема гира~~
acatum².

Научное значение публикуемых находок определяется тем, что они
освещают в какой-то мере Тиру начала эпохи великого переселения на-
родов, в частности изменения этнического состава, — сарматизацию на-
селения Тиры, и документально подтверждают факт пребывания в Тире
римских войск, имевших, видимо, и здесь, как и в других местах дли-
тельных стоянок, свою керамическую мастерскую.

¹ G. Stefan, Ук. соч., стр. 348. Об этом говорит также приводимая Штефаном
ссылка на Пырвана. см. прим. 9, стр. 348.

² Н. Боголюбов, История корабля, т. I, М., 1879, стр. 63.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ НАХОДКИ ДРЕВНЕРИМСКОЙ МОНЕТЫ

Д. А. БОЧКОВ

В окрестностях с. Глобино, Кременчугского района, Полтавской области, в 1952 г. была убита дрофа, в желудке которой при вскрытии обнаружена древнеримская монета императорского периода. Об этом интересном случае сообщил орнитолог Н. И. Гавриленко (Полтава), переславший в Киев найденную монету.

На основании направленных в Государственный Эрмитаж фотографий монета была определена сотрудником нумизматического отдела В. М. Брабичем, как денарий императора Викторина (268—270 гг. н. э.).

Паспортизованные находки монет императора Викторина в Советском Союзе, в частности на Украине, совершенно не известны, хотя в литературе¹ и в музейных коллекциях они отмечены в достаточном количестве, но без указания на место находок².

Описываемая монета представляет собой денарий, чеканенный из биллона — плохого качества серебра, столь характерного для римской императорской чеканки III в. н. э. и позднее.

На лицевой стороне найденной в желудке дрофы монеты дано изображение императора — бюст Викторина в лучевой короне и в панцире, обращенный вправо (рис. 1). Вокруг надпись — IMP(erator) C(aesar) VIKTORINVS P(ius) F(elix) AVG(ustus), т. е. император цезарь Викторин, благочестивый счастливый август. На оборотной стороне монеты надпись — SALVS AVG(usti), т. е. благоденствие августа, что является пояснением к изображению Гигии, богини здоровья, кормящей в своих руках змею — постоянный атрибут античных «медицинских» божеств³.

Монета прекрасно сохранилась. Очевидно, она пробыла в желудке

¹ В «Каталоге римских монет нумизматического кабинета Московского Публичного и Румянцевского музеев», вып. II, М., 1885, отмечены три монеты — № 931—932 и № 13 (дополн.). В «Каталоге Музея древностей», Вильна, 1885 — три медные монеты (№ 4189—4191). В составе «Леопардовской коллекции» Н. И. Петров указывает две монеты Викторина (из них 1 серебряная, № 514—515), см. Указатель церковно-археологического Музея при Киевской духовной академии, К., 1897, стр. 284.

² В Эрмитаже находится 46 монет Викторина разных типов (сообщение В. М. Брабича). По сообщению А. А. Сиверса, в Московском историческом музее имеется 9 медных однотипных монет Викторина. В коллекциях Музея истории Азербайджана (г. Баку) находятся 3 биллонных антониана с надписью SALVS AVG (сообщение В. И. Сохацкого). Одесский археологический музей имеет 3 монеты (сообщение С. Панасюка), Львовский исторический музей — одну бронзовую монету Викторина (сообщение И. М. Заяц). Автор выражает глубокую признательность всем товарищам, приславшим необходимые сведения о монетах Викторина.

³ Один экземпляр монеты Викторина, описанный А. Подшиваловым в «Каталоге римских монет нумизматического кабинета Московского Публичного и Румянцевского музеев», вып. II, М., 1885, стр. 188, № 932, совершенно идентичен с нашим экземпляром. Интересна также ссылка автора «у Cohen'a не описан».

птицы сравнительно недолго: в противном случае монета была бы стерта¹ или исцарапанной различными камешками, заглатываемыми птицей для лучшего усвоения пищи.

Что же касается находки монеты в желудке дрофы, то нам известен случай почти полной аналогии. Так, возле с. Гирявки, б. Конотопского уезда (ныне Сумской области), в 1910 г. была убита дрофа, в желудке

Рис. 1. Денарий императора Викторина,
найденный в 1952 г. Увеличено.

которой нашли серебряный денарий императора Адриана (117—138 гг. н. э.)¹.

Совершенно очевидно, что подобные находки, случайно обнаруживаемые в желудке разных птиц (гусей, уток, индеек, кур и т. п.), не так уж редки, но фиксируются они лишь в отдельных случаях².

Найдка 1952 г. дает возможность думать, что дрофа, являясь оседлой птицей, проглотила монету, вероятно, на Полтавщине или в одном из соседних с нею районов и тем самым впервые, хоть и приблизительно, связать находку монеты императора Викторина с определенной территорией.

¹ Эта находка отмечена В. Г. Ляскаронским в его большом, к сожалению, до сих пор неопубликованном труде «Римская монета в пределах Южной Руси».

² Напр.: K. Majewski, Import i zymshiena ziemiach słowiańskich, Wrocław, 1949, № 945, стр. 146.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ СОСНИЦКОГО ИСТОРИКО- КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

(к 35-летию со дня основания)

Ю. С. ВИНОГРАДСКИЙ

Сосницкий музей был основан 1 июля 1920 г. Музей ставил перед собой задачу осветить историю Сосницкого уезда — нынешних Сосницкого, Менского, Каюковского и Холмского районов, Черниговской области, и поэтому научно-исследовательская работа музея с начала его существования проводилась в границах указанной территории.

В своей деятельности музей обратил особое внимание на археологические памятники края, очень мало исследованные в дореволюционное время.

Научно-исследовательская работа музея в этой области осуществлялась в форме рекогносировок и разведок на плоскогорном участке Сосниччины (так называемый сосницкий Степок между Сосницей и Березней) и на сосницком Полесье (к северу от Степка), а также вдоль побережий Десны, Убеди и Сейма.

Отчеты о результатах своих исследований с соответствующей документацией музей регулярно представлял в Академию наук УССР.

До организации Сосницкого музея в литературе была известна лишь одна неолитическая стоянка на территории Сосницкого и нескольких соседних уездов (на озере Буримка); в настоящее же время число стоянок эпохи неолита — бронзы в районе деятельности Сосницкого музея превысило 50. Кроме того, разведками музея обнаружено 9 незвестных до того времени городищ и ряд древних селищ.

Из указанных стоянок неолитического времени и эпохи бронзы 15 обнаружено на побережье р. Убеди (правого притока Десны) между с. Рудней, Холмского района, и устьем реки, 23 — по правому берегу Десны, над долиной реки и в ее пойме, на бывших островах и на побережьях притоков и впадающих в Десну ручьев, в пределах дуги от с. Спасского, Сосницкого района, до границы с Менским районом, девять стоянок — по левому берегу Десны, от с. Шабалинов, Коропского района, до с. Бондаревки Сосницкого района, пять стоянок — по правому берегу Сейма в его нижнем течении, между с. Матвеевкой, Батуринского района, и Устьем и пять стоянок — по левому берегу Сейма, от с. Новые Млыны до впадения Сейма в Десну.

Отдельно следует отметить: 1) с. Червоную Буду, Каюковского района, где обнаружен гранитный камень-шлифовалня весом около тонны, на ровной поверхности которого имеется хорошо вышлифованная площадка с четырьмя параллельными желобками, образованными в процессе шлифования каменных орудий; 2) с. Оболонье, Коропского района,

где, кроме находок неолитического времени, встречены палеолитические орудия.

Среди неолитических стоянок наиболее значительными местонахождениями являются: Буримка, Вьюнисское торфовище (оба в окрестностях Сосницы), Белая Гора у с. Пекарова, Сосницкого района, стоянки Боровая и Федоровское того же района у с. Малого Устья, Красная Гора в окрестностях с. Новые Млыны, Батуринского района.

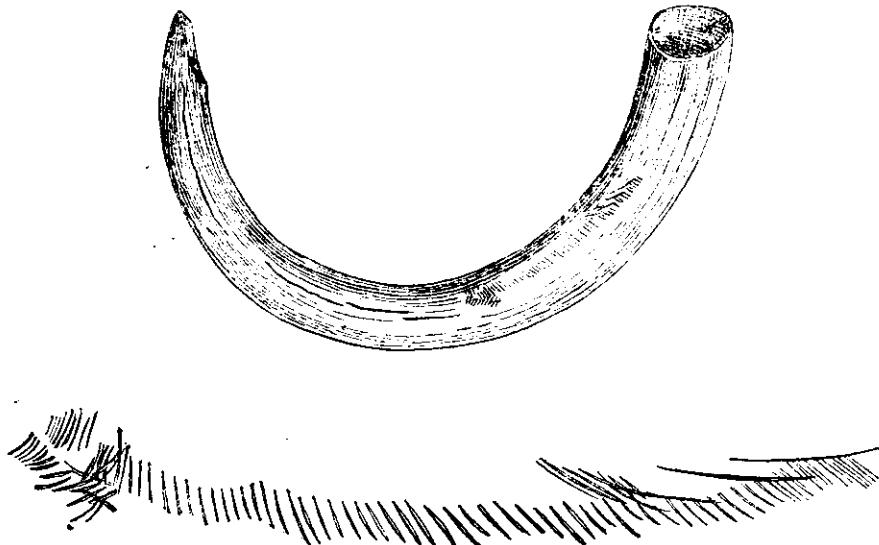

Рис. 1. Бивень мамонта из окрестностей с. Оболонья. Внизу схема рисунка на бивне.

Из городищ следует выделить два: Буримское и в урочище Ведмедки у с. Шабалинов.

От Буримского городища, которое привлекает к себе внимание, в первую очередь, как поселение древних славян VI—VIII в. н. э., уцелел лишь небольшой серпообразный остаток. Шабалиновское городище, хотя и распахивается, хранит в себе культурные остатки многих культур, начиная с эпохи бронзы. Оба эти городища неоднократно посещались наами и всякий раз давали значительное количество вещественных материалов.

Были обнаружены и обследованы в предварительном порядке городища: Зметнев, Сосницкого района; Чамаров, Дятова, Волосковцы, Киселевка, Менского района; Хавдиевка, Туличев и Язбор (или Яжбур), Карюковского района.

В окрестностях Сосницы в ур. Лан открыто и исследовано раннеславянское поселение VI—VIII в. н. э.¹.

* * *

В археологических коллекциях Сосницкого музея находятся такие комплексы и отдельные находки.

Палеолит. Кроме нескольких кремневых орудий с Чулатовской стоянки под Новгород-Северским, в музее сохраняется большой бивень мамонта (вернее его эмалевая оболочка) с процарапанными на одной его стороне рядами коротких, достаточно глубоких черточек (рис. 1), най-

¹ Ю. Виноградский, Археологічні розшуки на Сосниччині р. 1927, Хроніка археології і мистецтва, вып. 3, К., 1931, стр. 33—44; Раннеславянские памятники в окрестностях Сосницы, КСИА, вып. I, К., 1952, стр. 50—52.

денный у берега Десны около с. Оболонья, Коропского района. Здесь часто попадаются кости мамонта и бизона (?), в значительном количестве сохраняющиеся и в Сосницком музее, как и кремневые орудия палеолитического типа (2 резца и 2 скребка).

Ранний неолит. Среди кремневых изделий ранненеолитического времени, в технике изготовления которых заметны следы предшествующей, эпипалеолитической эпохи, наиболее выразительный комплекс представляют находки на стоянке в урочище Федоровское, у с. Малое Устье, Сосницкого района. Кроме многочисленных отщепов, обломков кремня, использованных нуклеусов, которые могли служить как скребла, а одни из них, как массивное скоблящее орудие типа рабо, найдены: резцы на пластинках, скребки из массивных отщепов, два наконечника стрел свидерского типа, пластинка с отсеченными ретушью концами, топораобразное орудие и значительное количество кремневых пластинок, которые могли быть использованы как вкладыши в пазы крупных орудий из дерева и кости. Кремень почти исключительно коричневый и темносерый, кратчайший. Орудия изготавливались на месте. Керамики не найдено.

В материалах стоянки можно заметить некоторые черты сходства, с одной стороны, с комплексом Смячковской стоянки XVI, а с другой, — с материалами местонахождения у с. Кудлаивки¹.

Стоянку можно отнести к эпохе раннего неолита в «зоне малого транше», но с несколько отличным производственным инвентарем. Возможно, это следует объяснить тем, что стоянка расположена южнее десинских местонахождений и на пути передвижения южных племен в северном направлении.

Из окрестностей с. Малого Устья происходит также кремневое тесло в форме треугольника с выгнутой базой, оформленное в технике двусторонней обработки поверхности довольно крупными сколами и подправленное ретушью по краям (рис. 2, 9). В коллекциях музея имеется несколько транше больших размеров, чем отмеченные в комплексе из под Кудлаивки, и «пикообразные» орудия, но, в общем, их немного.

Поздний неолит. В фондах музея сохраняется большое количество фрагментов керамики, собранных на обследованных нами стоянках, уточнение времени которых едва ли возможно при нынешнем состоянии изучения нашего неолита и отсутствии «реперных» местонахождений на территории юга Европейской части СССР. Среди многочисленных орудий, в первую очередь, нужно назвать оббитые и шлифованные кремневые топоры (рис. 2, 10—12), три кремневых наконечника копий и кинжал из кремнистого песчаника, найденный на р. Волынке, притоке р. Убеди (рис. 2, 13). К сожалению, костяные изделия, найденные на Вьюнисском торфянике (мотыга, лощило, наконечник стрелы и др.), не сохранились. Керамика в общем относится к ямочно-гребенчатой группе. Стоянка Чаши (Денежниково) возле Сосницы дала фрагменты орнаментированных конусовидных донышек; указания на округлое дно дают материалы со стоянки Чепелихи (также у Сосницы), но в общем определенно преобладают сосуды с плоским дном. В большинстве случаев сосуды орнаментированы иногда до самого дна, однако, со временем ближе к энеолиту орнаментация становится беднее, а покрытая орнаментом площадь все уменьшается.

Обращает внимание разнообразие орнаментации, различающейся размерами, формой и расположением ямочных элементов, оттисков гре-

¹ Коротке звідомлення ВУАК за 1925 рік, К., 1926, стр. 7—8; Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, К., 1927, стр. 121; М. Рудинський, Деякі підсумки із більші завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР, «Антропологія», IV, К., 1930, рис. 8, 10—14.

бенчного штампа, конца «лопаточки», насечек и т. д. В мотивах и комбинациях отдельных элементов отмечены «елочка», «сотовообразное» размещение ромбовидных ямок и пр. Нам кажется, что характеристика местного неолита, как неолита ямочно-гребенчатого — недостаточна. Да это и понятно, так как рассматриваемые материалы происходят из зоны,

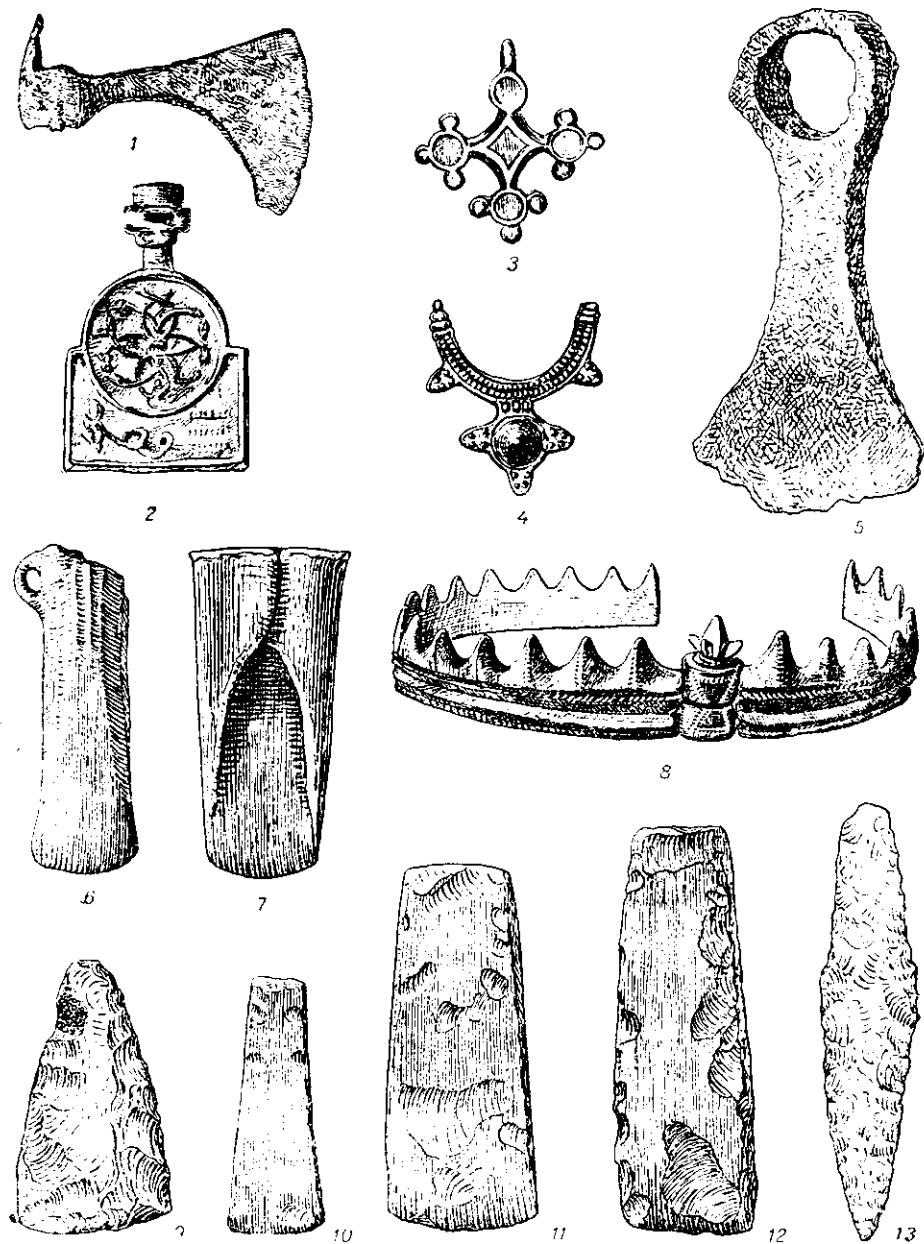

Рис. 2. Предметы различных эпох из фондов музея.

почти непосредственно примыкающей к лесостели на пути продвижения южных племен к северу.

Эпоха бронзы. Значительную часть коллекции каменных молотков (16 целых, из которых один орнаментированный, два привязных, а остальные — просверленные, как и прочие, фрагментированные 12 молотков) следует отнести к эпохе бронзы, как например, орнаментиро-

ванный молоток фатьяновской культуры (или фатьяновской эпохи), найденный на сосницком Степку в окрестностях с. Жовтневого (бывш. Бабы), Менского района (рис. 3, 4), или молоток из с. Долинского (быв. Мариенталя), Сосницкого района (рис. 3, 3). То же самое можно сказать и о части кремневых наконечников стрел и иных мелких орудий из кремня. Что касается керамики, то в фондах музея находится очень значительное количество фрагментов посуды, украшенной шнуроным орнаментом (самые разнообразные оттиски шнура, в том числе и тонкого, намотанного на пруттик, короткие оттиски согнутого шнура и т. п.) и другими типами орнамента, обычными в эпоху бронзы (оттиски края раковины-перловицы, насечки по краю венчика, напечной валик, ямки различных форм). Сосуды этого времени изготовлены из хорошо отмыченной глины, стенки их тоньше, чем в неолитической посуде. Попадаются фрагменты керамики «марьяновского» типа¹.

Во время работ Деснинской экспедиции Института археологии под руководством М. В. Воеводского в 1946 г. некоторые стоянки, например, стоянка Вершина (у х. Якличи, Сосницкого района), были отнесены к рыболовецким стоянкам эпохи бронзы, хотя непосредственных указаний на бронзовые орудия и не было получено. Лишь на стоянке Белая Гора у с. Пекарова, Сосницкого района, был обнаружен обломок бронзового изделия, возможно кельта.

Бронзовые кельты на Черниговщине — большая редкость. Отмечаем в коллекциях музея кельт с ушком X в. до н. э. из окрестностей с. Савинок, Каюковского района (рис. 2, 6), и кельт VIII—VII в. до н. э. с загнутыми краями и сквозным проёмом для рукоятки (рис. 2, 7) из окрестностей с. Долинского, Сосницкого района.

Скифское время. Во время добывания глины в ур. Цегельня у с. Долинского рабочие нашли и передали музею интересный комплекс вещей скифского времени. Урочище Цегельня с остатками могильника находится на левом берегу Сейма, недалеко от его устья. Тут при скелетах были обнаружены: железные наконечники копья и лезвие ножа, бронзовые, проволочные браслеты, четыре шпильки с плоскими округлыми головками, трехгранный наконечник стрелы, пять колец с шишкообразными выступами (все из бронзы), две бусины (одна зеленого стекла, другая — пастовая), обломки бронзовых браслетов, кольцо и т. п. В музее сохраняется два черепа из этого могильника. В результате разведки, проведенной музеем, его коллекции пополнились фрагментами небольшого глиняного сосуда, происходящего из этого могильника.

Кроме того, в музее хранится бронзовая шпилька с маленькой головкой из урочища Шейнина Гора (между селами Великим Устьем и Долинским), бронзовая массивная сережка или подвеска, найденная на Шабалиновском городище, несколько бронзовых трехгранных наконечников стрел (из различных местонахождений).

Сотрудник ИИМК О. Н. Мельникowsкая детально описала эти предметы и, ссылаясь на соответствующие параллели, отметила близость их к материалам из скифских курганов VI—IV в. до н. э. Обследованием Шабалиновского городища Деснинской и Днепровско-Левобережной экспедиции Института археологии АН УССР и ИИМК установлены культурные остатки «юхновской» и так называемой «зольничной» культуры.

Знакомясь с фондами музея в 1947 г., И. И. Ляпушкин обнаружил среди материалов Шабалиновского городища позднюю «зольничную»

¹ О «марьяновской» керамике см. М. Рудинський, Мар'янівська станція, «Антропологія», III, К., 1930, стр. 179—190; Я. Морачевський, Кераміка Мар'янівської станції, Там же, стр. 191—202.

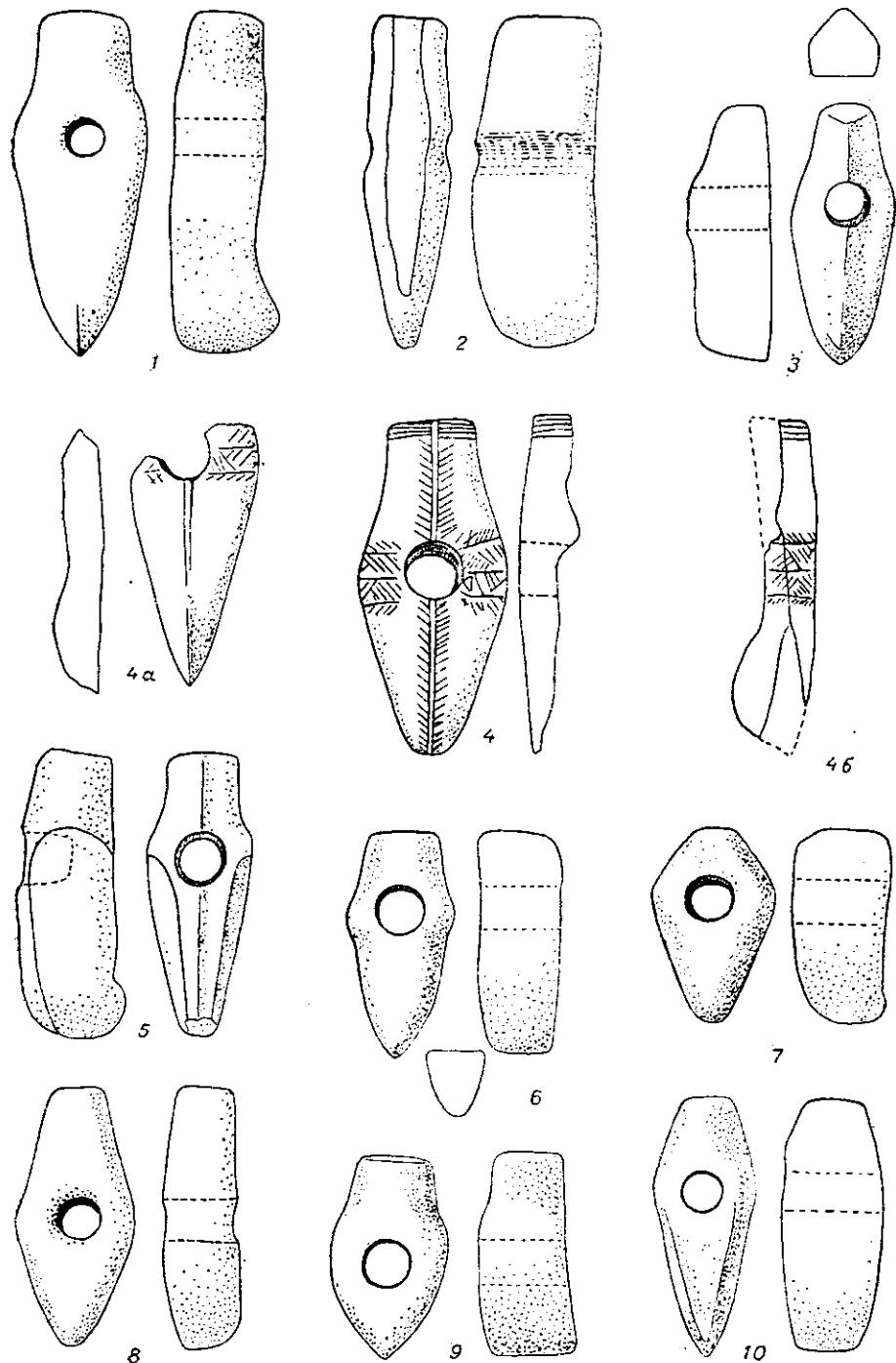

Рис. 3. Каменные топоры-молотки эпохи бронзы.
 1 — Червона Буда, Карюковского р-на; 2 — Рыжки, 5, 10 — Шабалинов, Коропского р-на; 3, 6 — Долинское; 7 — Малое Устье; 8 — Бутовка, Сосницкого р-на; 4 — Жовтневое, Менского р-на; 9 — Сосница.

культуру (от III в. до н. э. и позднее) и «деснинскую» культуру (примерно около нашей эры). Материалы «деснинской» культуры происходят из городища у с. Ляшковцев, Сосницкого района.

Сарматское время. В музее имеется интересное латенское бронзовое украшение раннесарматского времени — массивный коронообразный «обруч», покрытый густой патиной красивого темнозеленого цвета. Он составлен из двух частей, соединяющихся на шарнире, оформленном в виде невысокого цилиндра с цветкообразным навершием, несколько превышающим высоту зубцов «короны». Цилиндр шарнира и грани зубцов орнаментированы мелкими насечками (рис. 2, 8). Украшение найдено в хут. Лисках, Менского района. Следует указать, что возле хут. Лиски сохранились следы шести могильных насыпей и попадаются находки железных изделий.

Римские монеты. В 1907 г. в 3 км к югу от с. Чернотич, Сосницкого района, над ручьем Бернацкое, при добывании глины для кирпичного завода рабочие нашли клад римских динариев. Из этого клада шесть монет первых двух столетий н. э. (Антонина Пия — четыре монеты, Люциллы и Адриана — по одной) поступили в Сосницкий музей.

Ранний период истории восточного славянства. Фрагменты глиняной посуды этого времени с Шабалиновского и Ляшковецкого городищ носят следы «скифской» культуры. Обломки горшков, найденных у хут. Шкураевки (к северу от с. Шабалинова), орнаментированы лишь рядом округлых ямок под венчиком.

О взаимосвязях между местным населением и племенами Среднего Поднепровья и лесостепной зоны Левобережья свидетельствует крестообразная бронзовая привеска, украшенная красной эмалью, происходящая из Среднего Поднепровья (рис. 2, 3). Найдена она у хут. Прогонов, Сосницкого района. Культура полей погребений представлена находками фрагментов черной лощенной посуды, проникшей, повидимому, с юга. Следует сказать, что подобных находок на нашей территории немного¹.

Время, предшествующее образованию Киевского государства. Фрагменты роменской керамики происходят из таких пунктов:

1. Буримского городища — обломки сосудов, а также типичные глиняные прядлица и небольшой сосудик в форме чарки, костяные острия, оселки из мелкозернистого песчаника, железный шлак, кости диких (тур, медведь, олень и др.) и домашних животных, а также кости и чешуя рыб.

2. Шабалиновского городища — фрагменты посуды, орнаментированные прядлица.

3. Поселения в с. Киселевке, Менского района.

4. Поселений в черте г. Сосницы (урочище Потаманка и др.). Отдельно должно быть отмечено поселение в урочище Лан, в окрестностях Сосницы и остатки могильника с обрядом трупосожжения у начала автотрассы из Сосницы в с. Чернотичи, из которого в музее находится 6 урн. Поскольку они довольно архаичны в сравнении с керамическими комплексами роменских городищ, мы датировали их VI—VIII в. н. э., временем, к которому относят и материалы из поселения и могильника у с. Волынцева, Путивльского района, Сумской области².

Эпоха Киевской Руси. На Буримском, Шабалиновском, Ляшковецком городищах, на городищах в с. Буде, Карюковского района, в с. Рыбинске, Холменского района, а также на селищах в урочищах Кут у хут. Степки и Гириков, Сосницкого района, на селище у с. Жовтневого

¹ На эту особенность указывает и П. Н. Третьяков. См. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 68, 72, 134.

² Ю. С. Виноградский, Ук. соч., стр. 52, рис. 1.

и многих других, музей собрал ряд коллекций, достаточно выразительно иллюстрирующих материальную культуру этого времени на нашей территории. Следует назвать: среди оружия — наконечники копий и стрел, боевые секиры (рис. 2, 1), обоюдоострый меч (из с. Дяговы, Менского района); из предметов обихода — маленькие железные ножи, железную мотыгу (рис. 2, 5), обломки керамики раннего и позднего периодов эпохи Киевской Руси, пряслица из красного шифера, глиняные грузила и железные рыболовные крючки; среди украшений — обломки стеклянных браслетов, лунницы, бусы и др., а также интересный «змеевик» (рис. 2, 2).

Приведенные данные о Сосницком музее¹ дают основание надеяться, что территория этого района привлечет к себе внимание научных археологических учреждений и отдельных специалистов.

Систематическое изучение стоянок, городищ и селищ, отдельных могил и могильников, значительно более многочисленных, нежели те, которые стали известны музею в результате проведенных им исследований², обогатят советскую историческую науку новыми ценностями.

¹ Более полное описание коллекций Сосницкого музея см. в работе автора «Реєстр археологічних колекцій і окремих речей Сосницького районного краєзнавчого музею та нерухомих пам'яток матеріальної культури Сосниччини (Сосницького району й суміжних з ним місцевостей Чернігівської області). Сохраниється в архіве Інститута археології АН УССР.

² Многие предметы поступили в музей от граждан г. Сосницы и района или добыты при их помощи. Выражаем благодарность всем, кто передачей музею сведений и археологических находок содействовал его развитию и увеличению его коллекций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ	— Государственный исторический музей
ESA	— <i>Eurasia Septentrionalis Antiqua</i>
ИАК	— Известия археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования на территории УССР

И. Г. Шовкопляс. Палеолитическая экспедиция 1954 г.	3
Е. Ф. Лагодовская, М. Л. Макаревич, О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г.	13
В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино.	19
А. И. Тереножкин. Скифский курган в Мелитополе	23
Л. М. Славин. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г.	35
М. И. Вязьмитина и А. И. Фурманская. Раскопки поселения у с. Золотая балка в 1953 и 1954 гг.	41
Е. В. Махно. Раскопки могильника в с. Каирах в 1954 г.	46
А. Т. Брайчевская. Раскопки в с. Дудчанах в 1954 г.	49
В. И. Довженок. Городища и селища на Роси и Россаве (по материалам разведки 1954 г.).	51
Р. И. Выезжев. Археологические исследования на территории Украинской ССР в 1954 г.	55

Статьи и публикации

М. Я. Рудинский. К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могилы	64
А. А. Формозов. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки (в связи с наскальными изображениями Каменной Могилы).	71
В. И. Канивец. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевки, на Херсонщине.	75
Г. Т. Титенко. Каменная стела из с. Первомаевки.	78
Е. В. Максимов. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире.	80
Д. А. Бочков. Интересный случай находки древнеримской монеты.	84
Ю. С. Виноградский. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания).	86
Список сокращений	94

Редактор Издательства *И. А. Сергеева*

Технический редактор *Е. К. Сиваченко*. Корректоры *Л. М. Билинкис и В. С. Дворкина*

БФ 15751. Зак. № 1346. Изд. № 82. Тираж 500. Формат бумаги 70×108/16. Печ. листов 8,22+1 вклейка. Учетно-издат. листов 7,083. Бум. листов 3+1 вклейка. Подписано к печати 8/X 1955 г.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 2.